

Министерство образования Российской Федерации
Уральский государственный педагогический университет

ЛИНГВИСТИКА

Бюллетень
Уральского лингвистического общества

ТОМ 8

Екатеринбург 2002

УДК 410 (047)
ББК Ш 100
Л59

Редакционная коллегия

доктор филологических наук, профессор А.П.Чудинов (отв. ред.)
доктор филологических наук, профессор Л.Г.Бабенко
доктор филологических наук, профессор В.И.Томашпольский
доктор филологических наук, доцент Н.Б.Руженцева

Л 59 **Лингвистика:** Бюллетень Уральского лингвистического общества / Урал.
гос. пед. ун-т; Отв. ред. А.П.Чудинов. - Екатеринбург, 2002. – Т. 8.
– 155 с.

ISBN 5-7186-0147-x

Бюллетень издается Уральским лингвистическим обществом.

Общие задачи издания: обмен новейшей информацией в области лингвистики; Обсуждение фундаментальных и прикладных проблем языкознания, а также вопросов взаимоотношения языка, культуры и общества. Бюллетень предназначен для ученых-языковедов всех специальностей. Он может представлять интерес для преподавателей, аспирантов, студентов, и всех, кто интересуется проблемами лингвистики.

УДК 410 (047)
ББК Ш 100

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Том 8

ЛР № 040330 от 18.04.97

Подписано в печать 22.07.2002 г. Формат 60x84 ¹/₁₆

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Усл. печ. л. 8. Уч.-изд. л. 8,5. Тираж 100 экз. Заказ

Оригинал макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета
620219 Екатеринбург, ГСП-135, просп. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@dialup.utk.ru

ISBN 5-7186-0147-x

© Лингвистика, 2002

Содержание

Раздел 1. Когнитивная лингвистика

Бу Бок Нам	Метафорическое представление межличностных отношений (<i>когнитивный аспект</i>)	4
О.Н. Журавлева	Небесные светила как действующие природные реалии (<i>на материале романа М.Ю.Лермонтова “Герой нашего времени”</i>)	18
А.А. Каслова	Концептуальная метафора в российских и американских текстах, посвященных выборам президента	24
Т.В. Леонтьева	Метафора температуры в концептуальном поле “Интеллект человека”	33
Т.В. Попова	Когнитивные особенности деривационной семантики русского глагола	40
Е.А. Шудегова	Милитарная метафора в российском и американском политическом дискурсе	46

Раздел 2. Коммуникативная лингвистика

А.Ф. Бадаев	Графические сплавы в русской поэзии XX века как функциональный тип поэтической графики	54
Е.Н. Соловьева	К вопросу о взаимосвязи структуры и смысла усеченного высказывания	63
А.П. Чудинов	Политический нарратив и политический дискурс	69
Д.Р. Шарафудинов	Субстантивная синтаксическая деривация как объект идеографической грамматики	77

Раздел 3. Лингвокультурология

Е.Л. Березович	К символике пространственных отношений в русском языке (<i>на примере оппозиции “далеко-близко”</i>)	86
Т.А.Гридина	Языковая игра в русских народных приметах	97
Н.И.Коновалова		
Е.В. Дзюба	Концепт <i>инобытие</i> в поэзии М.И. Цветаевой	104
И.Н. Суспицына	Метеонимы-фразеологизмы в говорах Русского Севера	112
Т.В. Фоминых	Взгляд на семантические поля слов “рука” и “ладонь” ...	117

Раздел 4. Компаративная лингвистика

И.Д. Белева	Особенности стилистического варьирования русских и французских существительных с развитой многозначностью	121
М.Ф.Кондакова	Языковые контакты и их типы	128
С.Н.Муране	Лексика медицинской сферы в языке современной российской и латвийской прессы	134
С.Д. Погорелова	Лексико-семантическая классификация русской и английской лексики утилитарной оценки	143
Н.А.Сергиенко	Регулярная многозначность прилагательных лексико-семантической группы «чистый-грязный»	150
Хроника. О работе	Диссертационных советов в УрГПУ	152

Раздел 1. Когнитивная лингвистика

Бу Бок Нам
Корея

Метафорическое представление межличностных отношений (когнитивный аспект)

Как известно, изучение метафоры восходит к Аристотелю, который рассматривает метафору, обозначающую перенос наименования с одного предмета на другой на основании интуитивного ощущения сходства между разными предметами, принадлежащими к разным онтологическим классам, как реализацию заложенных в человеке желаний познавать и получать эмоциональное удовольствие от нового знания (И. Цанг 1997:23-30). Следовательно, нельзя провести чёткой границы между эмотивной и познавательной функциями метафоры. Такая трактовка подтверждается осознанием Аристотелем того факта, что хорошая метафора должна быть достаточно ясной, чтобы необычное (для какого-то контекста или языкового - социального коллектива) языковое выражение, сближающее слишком отдалённые предметы, не приводило слушателя к неверному пониманию, не обманывало его.

Таким образом, можно сказать, что уже Аристотелем отмечены такие основные моменты когнитивной теории метафоры, как учёт **прагматических факторов** (слушателя, его фонового знания включая социо-культурное знание)¹, роль **воображения в интеллекте**, допущение **разночтения**, связь метафоры с интуитивной **категоризацией**, понимание метафоры не просто как необычного языкового выражения, а как **когнитивного процесса** сближения разных предметов². Помимо того, в примере *солнце сеет лучи* Аристотеля имплицитно выражена возможность переноса при метафоризации на основе аналогии не просто названия, а **концепта** этого предмета или события³.

Однако долгое время метафора изучалась в эмотивном, эстетическом аспекте, и её когнитивный аспект не получал достойного признания.

Рассмотрим два основных вопроса, связанных с развитием теории метафоры: 1) вопрос интерпретации, 2) уровень метафоризации, и попытаемся обнаружить достоинства когнитивного подхода к метафоре.

I. Вопрос интерпретации метафоры

Несмотря на акцентирование гармонии эмотивной и когнитивной функции метафоры в теории Аристотеля, в истории философии и лингвистике метафора долгое время понималась как троп, поэтический приём или средство воздействия на сознание других в процессе аргументации. И многие исследователи понимали

¹ О важности учёта личностного фактора (интенция, цель, мотив выбора выражения) и принципа фиктивности “как если бы” см. также [Телия 1988:35]

² См. также основные принципы когнитивной лингвистики в [Скребцова 2000:16 -7]

³ Если эту метафору сложил человек, который осознает, что солнце не является живым существом, то можно сказать, что он употребляет метафору персонификации, в данном случае “метеорологические природные явления - это земледелие”. Ср. *Небо сеет дождь (снег)* в корейском языке и *Дождь сеет* в русском языке.

взгляд на метафору Аристотеля как теорию **сокращенного сравнения** на основании того, что Аристотель считает, что между высказываниями *Ахиллес напал на врага как лев* (уподобление) и *Лев напал* (метафора) почти нет разницы в значениях, поскольку и Ахиллес и лев храбры. Метафора традиционно часто рассматривалась на таких зооморфных разновидностях с достаточно устойчивыми коннотациями, как *Ричард - лев* и, впоследствии, понималась в рамках **субституциональной теории** или **сравнительной теории**. При традиционном подходе *Ричард - лев* имеет то же значение, что и *Ричард храбр* или *Ричард похож на льва*. Метафора является простой заменой одного слова другим или сравнением. Однако Аристотель не ограничивал возможность метафоры удовольствием от необычного сочетания предметов. На своих конвенциональных примерах он просто показывает, что, когда метафора становится очень распространённой и обретает почти моносемность, для обычных людей в обычных ситуациях высказывание *Ахиллес - лев* имеет практически такое же значение, как *Ахиллес похож на льва*. Это не означает, что Аристотель допускает возможность перефразировать все виды метафоры без потери когнитивной информации.

Тем не менее сравнительная точка зрения поддерживается и исследователями, которые учитывают не только создание, но и психологический процесс интерпретации метафоры. Например, Дж. Миллер (1979) обращает внимание на процесс восприятия метафоры и предлагает модель реконструкции метафоры, согласно которой метафора понимается на основании установленного слушателем **глубинного психологического утверждения сравнения**. По его классификации, в зависимости от того, какой элемент из четырёх (двух предметов и двух признаков) опускается, метафора разделяется на субстантивную (*Iago is an eel* 'Яго – угорь'; *leg of table* 'ножка стола'), предикативную (*The Regan steamed ahead* 'Рейгон продвинулся вперёд')⁴, сентенциальную (*What kind of mood did you find the boss in?* 'В каком настроении ты нашёл босса?' – *The lion roared* 'Лев ревел (рычал)').

Рассмотрим конкретный пример. Метафора в форме “x is y”, в отличие от традиционной теории сравнения, по теории Миллера, является сравнением не двух элементов, а четырёх элементов в форме пропозиции (“x Be F” и “y Be G”). В случае высказывания *Яго – угорь*, метафора понимается таким образом: способность Яго выкручиваться из трудных ситуаций похожа на способность угря увиливать от крючков. Однако легко заметить, что и в данном варианте сравнительной теории на самом деле не даётся объяснения процесса выбора общих признаков, служащих основанием отождествления разных предметов или событий Другими словами, 1) если человек не понимает смысл метафоры *Яго – угорь*, то он всё равно не поймёт выражения *Яго похож на угря*, и 2) почему человек должен уловить именно этот признак угря, если у угря есть разные признаки? Может быть, среди специалистов по угрям, или в другой культуре, эта метафора совсем по-другому понимается? Кроме того, не во всех случаях возможно буквально перефразировать метафору. Поэтому, несмотря на учёт важности сходства в метафоризации, традиционная сравнительная теория метафоры подвергалась критике со стороны исследователей,

⁴ См. также не очень убедительные, на наш взгляд, примеры: *He shouted silently* 'Он кричал тихо', *The rich perform leisure* 'богатые люди выполняют отдых'

принадлежащих к другому направлению, которые осторожнее относятся к вопросу о возможности перефразировать и интерпретировать метафору. Как отмечают некоторые исследователи, включая уже Аристотеля, метафора как иллюкутивный феномен связана не со значением слова, а сравнительная теория недостаточно учитывает сложность интерпретации метафоры.

А. Ричардс (1990:46-7) в своей **интеракционистской теории метафоры**, указывает: “Когда мы используем метафору, у нас присутствуют **две мысли о двух различных вещах**, причём эти мысли взаимодействуют между собой внутри одного единственного слова и выражения, чьё значение как раз и есть результат этого **взаимодействия**. (...) Метафорична сама мысль, она развивается через сравнение и отсюда возникают метафоры в языке”. М. Блэк, который считает, что “механизм метафоры заключается в том, что к главному субъекту прилагается **система “ассоциируемых импликаций”**, связанных со вспомогательным субъектом”⁵ (1990:167), пишет: “Буквальная парафраза неизбежно говорит слишком много, причём с неправильной эмфазой. Я особенно хочу подчеркнуть, что в данном случае речь идёт не о потерях в когнитивном содержании. Недостатки буквольной парафразы заключаются не в утомительном многословии, чрезмерной эксплицитности и дефектах стиля, а в том, что она лишена того проникновения в суть вещей, которое свойственно последней”⁶(1990:169). М. Блэк осознаёт, что метафора относится, скорее, к прагматике, чем к семантике (1990:158).

Однако и в рамках теории взаимодействия остается не решённым вопрос о том, как человек при наличии разных аспектов предмета или событий выбирает подходящие аспекты, понимает смысл метафоры и успешно совершает коммуникацию⁷. Д. Рос (1993:77-80), являясь сторонником сравнительной теории нового варианта, признаёт невозможность перефразировать “интересные метафоры”. Однако для него важно обычное понимание метафорического выражения. Он осознаёт, что парафраза или перевод производится в какой-то определённой ситуации в соответствии с какой-то целью на разных уровнях с разной степенью точности и художественности. Но, если люди одинаково понимают высказывания: *Ричард – лев* и *Ри-*

⁵ Стоит напомнить, что М. Блэк учитывает и общесоцио-культурный, и индивидуальный аспект метафоризации. см. отрывок: “Эти импликации обычно есть не что иное, как общепринятые ассоциации, связанные в сознании говорящего со вспомогательным субъектом. Но в некоторых случаях это могут быть и нестандартные импликации, установленные автором ad hoc”(1990:167).

⁶ Здесь стоит остановиться на понятии “**интеракция** ‘взаимодействие’”, поскольку это понятие ставит вопрос о направленности метафорического переноса. Некоторые исследователи понимают это как перенос в двух направлениях. Однако, на наш взгляд, слово “интеракция” можно понимать как “**новое осмысление**”. Например, в метафоре *The highways are snakes* ‘Автомобильные магистрали - это змеи’, образ магистрали вызывает образ змеи (image metaphor ‘образ - метафора’, по терминологии Лакоффа и Тунера 1989), а этот образ стимулирует создателя и (или) слушателя со специфической ассоциацией пересмотреть магистраль на фоне змеи с учётом предметно-содержательного и коннотативного аспекта концепта змеи, уловить раньше неосознанные сходства в этих двух предметах. И в этом случае перенос происходит последовательно, так что это понятие (“взаимодействие”) не противоречит однонаправленности метафорического переноса.

⁷ О недостатках лексического, семантического и синтаксического подходов см. также [Толочин 1996:25-35].

чард похож на льва, то практически их можно считать синонимичными, подобно тому, что *Сэм - холостяк* и *Сэм является неженатым мужчиной* в конкретной ситуации воспринимаются практически одинаково, хотя, строго говоря, неженатый мужчина не является холостяком, например, про маленького мальчика не говорят, что он холостяк. Другими словами, для Д. Роса важно учитывать не только принципиальную невозможность точного перевода или интерпретации, но и практическое осмысление метафоры. Поэтому Д. Рос, пытаясь обосновать свою **сильную сравнительную теорию метафоры**, предлагает решить этот вопрос с помощью психологического объяснения. По утверждению психологов, мы видим то, что мы ожидаем (Рос 1993:131). Такие результаты соответствуют тезису из работы Фрумкиной (1996:64): “Работа нашего интеллекта не базируется на операциях с мысленными моделями – отображениями объектов, ибо наше сознание и язык не отображают внешний мир, а интерпретируют его, исходя из наших текущих потребностей. Поэтому подлинное понимание требует от нас выхода за предел языкового контекста”⁸. Это означает, что в сознании заложен **механизм фокусировки** и отсева ненужной информации. Таким образом, Д. Рос считает, что в какой-то определённый момент в сознании существует лишь ограниченный набор признаков, на основании которых метафора интерпретируется⁹. Такой практический подход, по нашему мнению, представляется правомерным в конкретных случаях. Возможность перефразировать метафору без потери когнитивного содержания в конкретной ситуации уже отмечена и другими исследователями, например, М. Блэком (1990:168). Однако и в сильной сравнительной теории обсуждение природы метафоры ограничивается уровнем нескольких простых слов, остаются вне внимания разные типы метафоры на уровне текста, не учитывается систематический аспект метафоризации.

Итак, можно сказать, что и сторонники и критики признают принципиальную невозможность буквальной парафразы метафоры. Разногласие касается случаев синонимичности метафоры и метафороподобного выражения в конкретных ситуациях. Но если каким-то образом всё-таки различаются чистая метафора и образное сравнение, то следует рассмотреть эту проблему.

Н.Д. Арутюнова (1998), которая считает, что метафора создаётся путём предикации основному субъекту признаков вспомогательного субъекта и главная функция метафоры - характеристика, связанная с позицией предиката, не принимает точку зрения, согласно которой метафора представляет собой сокращённое сравнение¹⁰. Н. Д. Арутюнова пишет: “Метафора лаконична... Она избегает объяснений и обоснований. Метафора сокращает речь, сравнение её распространяет... Если сравнение указывает на подобие одного объекта другому, независимо от того, является

⁸ См. факт из газеты: “Взрослый человек видит глазами только 10 % (!) окружающего мира. Остальные 90% - домысливает, достраивает, заимствует из прошлого опыта. Короче говоря, работает не глазами, а головой” (*Аргументы и Факты*, № 46, 2001)

⁹ Механизм фокусировки объясняет, кроме этого, не равноценную инверсию типа *Ахиллес - лев* и *Этот лев - Ахиллес*.

¹⁰ По её мнению Н.Д.Арутюновой метафора не сводима к буквальной перефразе, открыта для разных интерпретаций (Арутюнова 1998:384).

оно постоянным или преходящим, действительным или кажущимся, ограниченным одним аспектом или глобальным, то метафора выражает устойчивое подобие, раскрывающее сущность предмета, и, в конечном счёте, постоянный признак. Поэтому метафорические высказывания не допускают обстоятельности времени и места. Не говорят * *Вы сейчас медведь*, * *На той неделе он был в лесу медведь*. Напротив, ограничение временным отрезком, или определённым эпизодом очень характерно для сравнения: *В эту минуту он был похож на разъяренную тигра*. Подобие может быть иллюзорным. Это то, что показало. **Метафора - это то, что есть.** Спор о сходстве - это спор о впечатлениях. Спор о выборе метафоры - это спор об истинной сущности предмета. Можно сказать, что *Сегодня она показала похожей на птицу*, но едва ли скажут: *Мне кажется, что она птица или Я думаю, что Собакевич-медведь*. Поэтому можно быть одновременно похожим на разные предметы. Но для метафоры конъюнкция не характерна” (там же 314). Такой вывод, на наш взгляд, находит отклик у других исследователей. Мнения Дж. Лакоффа и М. Тунера (1989:133) о том, что по крайней мере в случаях таких субстантивных метафор образное сравнение содержит более слабое утверждение, чем метафора, на наш взгляд, соответствуют их толкованию высказывания *Ахиллес - лев* как приписывание постоянного признака Ахиллесу, который мог бы только в какое-то определённое время храбро напасть на врага, как лев. По словам Дж. Лакоффа и М. Тунера (1989: 195-8), люди приписывают признаки и оценки человека животным, например, льву - храбрость и гордость. Таким образом формируется часть культурной модели, или **“большой цепи форм бытия “The Great Chain of Being”**” (1989:166), которая представляет иерархию форм бытия и их свойств. В соответствии с этой моделью человек находится выше, чем животные, в этой иерархии и имеет все свойства животных и свойственные человеку признаки. Поэтому *Ахиллес - лев* предполагает, что действие Ахиллеса воспринимается как действие льва, свойственное его инстинкту, а признак храброго поведения – как заложенное в нём постоянное свойство. Итак, Ахиллес становится по характеру храбрым человеком, несмотря на то, что он может не всегда проявлять такой признак. Такое предположение о наличии связи метафоры и постоянного признака подтверждается отрывком из работы [Язык и моделирование социального взаимодействия (ЯМСВ) 1987: 249-250]: “В настоящий момент наиболее удачным, на наш взгляд, способом описания метафоры является понимание о ней как о своего рода сгущённой аналогии - результате слияния элемента форы с элементом темы (например: *Старость - вечер жизни*). Благодаря этому слиянию, аналогия предстаёт перед нами не как предположение, но как **данность**. Это значит, что метафора привлекается как бы для **“уполномочения”** аналогии”. Как нам кажется, метафора имеет форму утверждения безоговорочной истины, которая не нуждается в обосновании и, следовательно, не расширяет речь. А сравнение с союзами показывает сходства в какой-то момент. Конечно, когда часто отмечаются какие-то признаки, они воспринимаются как результаты постоянно-го свойства предмета. Поэтому, когда мы даём форму метафоры, признак приобретает постоянность. Другими словами, внешняя форма метафоры (форма тождества), скрывая наличие различий, подчёркивает наличие сходств, в отличие от сравнения

(уподобления), показывающего и сходства и различия”¹¹.

На наш взгляд, при решении вопроса о возможности замены метафоры сравнением или буквальным языком может оказаться полезным условное разграничение метафоры по степени метафоричности, как это делается в некоторых работах, (например, Скляревская 1993), где метафора делится на генетическую (*нос лодки, ручка двери, волынить, жарить*), потенциально языковую (*парафиновое лицо, укусное выражение, свежая ненависть*), языковую (*отдушина, петух; раскисать, холодное отношение; базар, корова*), риторическую, и художественную, или индивидуальную, авторскую метафору.¹² По мнению Г. Н. Скляревской, языковая метафора может получать новое рождение в художественном тексте, к примеру: “изнанка жизни” – “Я снаружи и с изнанки ткань судьбы перебирала”. Но “взаимопереходы такого или иного образа из общего языка в художественный текст и наоборот отнюдь не означают тождества или близости языковой и художественной метафоры. (...) Языковая метафора не обнаруживает образного элемента и без ущерба для смысла высказывания может быть заменена своим эквивалентом (например, *песня льётся - песня звучит*)” (Там же). Если принимать такое разграничение в синхронном срезе, то можно сказать, что чем ближе метафора к индивидуальной, авторской метафоре, тем труднее становится перефразировать её.

II Уровень метафорических выражений

До сих пор мы рассматривали разные взгляды на метафору на уровне слова и словосочетания. Рассмотрим часто цитируемые примеры: *It's difficult to transplant mature trees* ‘Сложно пересаживать созревшие деревья’; *It is getting hotter here* ‘Здесь становится жарче’. Эти предложения, соблюдающие синтаксические и семантические правила, могут использоваться как метафоры в тех контекстах, где речь идёт о сложности переделать взрослого человека и о споре. Эти вполне нормативные предложения служат доказательством того, что чисто лингвистическими знаниями не определить метафоричность и буквальность. Если признать такие случаи метафорами, то можно сказать, что метафора - феномен не просто уровня лексики или даже предложения, а высказывания и текста, что чисто синтаксический или семантический подходы к метафоре недостаточны для полного охвата всех видов метафоры. Неизбежно вовлечение прагматических знаний в теорию метафоры.

¹¹ Важно осознать, что при осмыслении метафоры в форме “А - это Б” присутствуют не только сходства, но и различия, однако актуализируются именно сходства в форме тождества, в то время как уподобление или образное сравнение в форме “А похож на Б” формально указывает на наличие и сходств, и различий. В данном случае, на наш взгляд, действует принцип иконичности: “**формальная дистанция отражает семантическую дистанцию**”. Например, когда А является Б на самом деле, говорят не “А похож на Б”, а “А (есть) Б”.

¹² Автор считает, что безобразное номинативно-производное (например, *борьба чувства и долга, коснуться вопроса*) уже не имеет метафоричности. Однако, по нашему мнению, при таком рассмотрении упускаются такие когнитивные аспекты, как “концептуализация внутреннего мира по подобию нашему внешнему миру”, “понимание абстрактного через конкретное”.

П. Грайс (1975) в своей теории имплицатуры речевого общения объясняет метафору с помощью принципа кооперации. Приведём его пример¹³. А говорит Б: You are the cream in my coffee ‘ты - сливки в моём кофе’. По этой теории метафора понимается таким образом: в прямом значении Б не является сливками. Б знает, что постулат качества (“Старайся сделать свой коммуникативный вклад истинным”) нарушается. Но Б не думает что, А не соблюдает принцип кооперации. Поэтому, Б, используя свои инференции (предположения) и все знания, пытается найти верную интерпретацию того, что стоит за этим выражением. Однако нарушение постулата качества не является необходимо-достаточным условием для метафоры, ибо другие тропы, например, риторический вопрос, не являются метафорой. Кроме того, данная теория предлагает правила интерпретации метафоры, но не объясняет, по каким процессам имплицатуры понимается метафора.

Дж. Серль (1993:104-6) рассматривает метафору как несоответствие значения предположения и смысла высказывания и предлагает 7 правил интерпретации метафоры. Но он не рассматривает метафоры в широком контексте и не предлагает ни классификации, ни общей теории метафоры.

Рассмотрим ещё один взгляд на метафору в рамках прагматики: *The room is a pigsty* (Эта комната – свинарник). По мнению Д. Спербера и Д. Вилсона (1986: 236), данная метафора имплицитно означает: “Эта комната очень грязна и неопрятна”, когда произносится в конвенциональном контексте с представлением о свинарнике как о грязном и неопрятном. Когда мы слышим *Robert is a bulldozer* ‘Роберт – бульдозер’, в нашем сознании всплывают разные импликации, из которых нерелевантные значения отсеиваются. Но в данном примере нет настолько сильных импликаций, чтобы они автоматически всплыли на поверхность сознания, возникают лишь такие “слабые импликации”, как представления об упорстве, упрямстве, нечувствительности. Слушатель выбирает среди них самые подходящие. Когда круг потенциальных импликаций широк, ответственность за выбор лежит на слушателе, который получает возможность разночтения метафоры. Таким образом, при всех ценных наблюдениях над процессом понимания метафоры в рамках прагматических подходов не учитывается систематический характер метафорического переноса, обращается недостаточное внимание на процесс выбора импликаций. К тому же, не рассматривается концептуальная метафора следующего типа, которая без контекста не была бы метафорой¹⁴:

Текст 1: “*We have attacked and destroyed the walls and the very foundations of a castle, and yet some how left its battlements and fragile towers, hovering undisturbed above the wreckage* (Мы атаковали и разрушили стены и фундамент замка, но всё-таки немножко оставили стен с бойницами и хрупкие башни, спокойно реюющие над облом-

¹³ Из [Левин 1990: 355]

¹⁴ В данных примерах не производится слияние двух элементов на уровне слова и словосочетания (например, выпустить критические стрелы). Поэтому они, на первый взгляд, могли бы показаться не метафорами. Однако в таком рассуждении мы потеряем возможность объяснить, как мы понимаем одно через другое, т.е., “эмпирические сходства ‘experiential similarities’”, по терминологии Дж.Лакоффа и М. Джонсона (1980:155).

ками)” (из Рэди 1969).

Текст 2: “Ну, это как при игре в “дурака”. Играешь партий пятьдесят, а потом надоедает. Надоедает проигрывать. Надоедает, партнёр всё время “жухает”. Или слишком долго думает. Или много болтает” (из журнала *Домашний Очаг*, Март 2002).

В первом тексте речь идёт о споре, во втором - о семейной жизни. Без контекста невозможно понять, что здесь реализуется метафора. В данных случаях “мы понимаем и переживаем сущность одного рода в терминах сущности другого рода” (G. Lakoff & M. Johnson (1980:5). В первом случае, употребляется **структурная метафора “спор - это война”**, во втором - **“совместная жизнь – это игра”**. Такие модели реализуются на языковом уровне в конкретных примерах, поэтому без специального анализа нелегко уловить их системность, структурированность. Но такие примеры, как *Вы не сможете отстоять ваши утверждения; Он атаковал каждое слабое место в моей аргументации; Его критические замечания били точно в цель; Я никогда не побеждал его в споре; Он разгромил все мои доводы*¹⁵ показывают систематическое отображение одного концепта на другой. По утверждению Дж. Лакоффа и М. Джонсона (1980)¹⁶, такие языковые выражения метафоры являются результатом не ума, а физического и культурного опыта человека, т.е. метафора **“спор - это война”** основывается на физическом конфликте в мире живых существ, включая человечество. Учёные приводят в качестве доказательства такие общие основные приёмы спора и войны, как угроза, насилие, опора на авторитет и т.п. Подобные примеры употребляются, по их мнению систематически, потому что они выражают системный перенос одного **эмпирического “концепта – гештальта”** из сферы источника на другой - в сферу цели. Другими словами, **“структурированное целое”**, или **“схема опыта”** *физический конфликт* переносится на спор. При этом важно увидеть, что оба концепта имеют похожую структуру, или гештальт (в данном случае участники, этапы, цель, каузации и т.д.)¹⁷. Если бы это было не так, невозможно было бы использовать информацию об одном концепте для понимания другого концепта.

Попытка когнитивистов объяснять разные языковые явления через такие психологические понятия, как **категории, прототип, гештальт предмета, гештальт события**, обосновывать эти явления на эмпирическом основании и тем самым облегчать использование накопленных знаний в новых ситуациях¹⁸ отражает преимущество психолингвистического направления изучения языка. Основные тезисы концептуальной теории метафоры были сформулированы уже давно. Например, понятие И. Канта (1790:59)¹⁹ **“символическая сенсуализация ‘symbolical**

¹⁵ Из [ЯМСВ 1987:127]

¹⁶ Из [ЯМСВ 1987:126-131]

¹⁷ Из [ЯМСВ 1987:150-164]

¹⁸ о когнитивной экономии усилий с помощью такой идеализированной когнитивной модели, как фреймы, схемы см. [Скребцова 2000:94-95] и [Баранов 2001:300-301]

¹⁹ Из [Jakel 1997:12-4]

sensualization”, понятие Х. Вайнриха (1958:283)²⁰ **“образные поля (image fields)”** фактически составляют суть когнитивной концепции метафоры. Но этот факт не снижает вклад когнитивистов в теорию метафоры, а наоборот, может послужить доказательством обоснованности когнитивного подхода к последней.

III. Метафора в сфере межличностных отношений

Если признать одной из функций языка отражение концептуальной системы человека, или картины мира, то язык является источником данных о понятийной системе человека. Реализованная в языке концептуальная метафора, следовательно, играет ключевую роль в отражении схем, определяющих понятийную систему. В последнее время и в российской лингвистике фокус в изучении метафоры перемещается с языкового аспекта на когнитивный (познавательный) аспект.

Уже много раз проведены исследования, свидетельствующие о том, что метафора является ключом к пониманию основ мышления и процессов создания не только национально- специфического видения мира (Баранов и Караулов 1994; Чудинов 2000, 2001), но и его универсального образа (Гак 1988; Складневская 1993).

На основании изучения материалов разных жанров уже выяснены функции метафоры: когнитивная, номинативная, характеризующая, прагматическая, изобразительная, моделирующая, популяризаторская и т.д. Лингвистами изучены некоторые основные концепты и составлены словари метафоры (например, Баранов и Караулов 1994).

Однако на данный момент исследования метафорического представления межличностных отношений (МЛО) не проводилось, т.е. не выявлены соответствующие метафорические модели и конкретные метафоры, наполняющие эти модели в русском языке, хотя такие отношения отражают мышление и действия носителей русского языка и тем самым имеют значение не только для лингвистики, но и для психологии и социологии.

Объектом нашего исследования являются способы метафорического представления в русском языке межличностных отношений, подразумевающих не только двухсторонние (например, *дружба, конфликт, знакомство*), но и односторонние (например, *критика, требование*) отношения между людьми (Тошович 2000). Сюда включаются и понятия, которые иногда подводятся под рубрику **социальных отношений** (Бабенко 1999), поскольку отношения между людьми носят социальный характер, что подтверждается и таким, например, фактом, что в словаре В.В. Морковкина (“Лексическая основа...”) группа МЛО находится под рубрикой **Отношения в обществе**. Естественно, в центре МЛО стоит **человек**, а ЛСП “Человек” является самым актуальным для разговорной речи по количеству употреблений, что подчёркивает антропоцентричность языковой модели мира (Столярова 2000).

Одним из характерных параметров МЛО является их динамичность. Типичный способ представления динамики МЛО - это метафорическая модель **“развитие отношений между людьми - это движение по пути”**, включаемая в общую модель **“жизнь – это путешествие”**. Рассмотрим примеры.

²⁰ Из [Jakel 1997:18]

Встреча: С Путиным ваши дороги пересеклись в питерском управлении “комитета глубокого бурения”? (Огонёк, ноябрь 5, 2001).

Сохранение отношений: И чтобы лодка семейная не разбивалась о быт, можно обязанности делить пополам (Домашний Очаг, ноябрь 2001).

Переживание: Известный актёр Александр Пороховщиков и его молодая жена Ирина прошли через сплетни коллег, общественное порицание и непонимание друзей (Домашний Очаг, ноябрь 2001).

Препятствие: Я ухожу из театра, чтобы сделать свой проект на другой площадке, чтобы уже никого не трогать, и опять получается, что встаю кому-то поперёк дороги (Аргументы и факты, № 15, 2002).

Оказание помощи: Мария спасла меня, вытаскивала из бездны. Тяжело было психологически. Я не люблю проигрывать. Второе место не по душе. (Комсомольская Правда, 10 ноября 2001); Мы сотрудничаем с вами, идём навстречу в вопросах борьбы с терроризмом и надеемся, что вы пойдёте навстречу нам в других вопросах (Аргументы и Факты, № 40, 2001).

Кризис в отношениях: Мой коллега пожаловался на то, что его отношения с женой, похоже, зашли в тупик: мне кажется, она везде - куда бы я ни пошёл, чтобы я ни делал. (...) Я увяз в какой-то невидимой паутине, из которой не выбраться (Домашний Очаг, ноябрь, 2001).

Выбор разных жизненных путей: Прошло каких-то два сезона, а ваши пути так разошлись: Даниил победил на нескольких престижных мировых фестивалях классики, записал диски с лучшими музыкантами, а вы стали суперзвездой эстрады...Интересно, поддерживаете ли отношения друг с другом? (Смена, 13 ноября 2001).

Доминирование в решении проблем: У 87 процентов жён нет сомнений: это рулит семейными проблемами она, и только каждый пятый мужчина считает “капитаном” себя (Московские Новости, № 45, 6- 12 ноября 2001); Когда уходит воспитатель, дети начинают кидаться подушками. Вот что меня пугает. А что делать сейчас американцам, чтобы вырुлить из начинающегося планетарного кризиса? (Огонек, № 14, Апрель 2001).

Расставание: Я общался с девушкой около 5 лет, а потом мы расстались по моей инициативе. И вот сейчас, спустя почти 8 лет, душа застонала, стихи полезли в голову, она мне стала сниться по ночам (Комсомольская правда, 5 марта 2002); Международный кризис вызовет и расхождение Путина с генералами, которым он обязан властью. (Аргументы и факты, № 46, 2001).

Возвращение: - Как вы думаете, почему сегодня многие звездные семьи распадаются?

- У таких семей, как наша, - два выхода. Первый – через очень короткое время стать совершенно чужими людьми, жить под одной крышей, как соседи, и потом и вовсе разбежаться. Это наиболее лёгкий вариант. Второй – сложнее - сделать так, чтобы мужчина хотел вернуться в своё гнездо, зная, что там его ждут, накормят, утешат. Я всю жизнь на это положила (Комсомольская правда, 2 ноября 2001).

Отношения между людьми могут представлять и другие модели. Например, 1) **“МЛЮ - это нити”**: *Надо сказать, рождение ребёнка нас не сплотило, а, наоборот, ещё больше разъединило... Но эта тоненькая ниточка, что связывает меня с Виктором, не даёт мне шагу в сторону сделать (Моя семья, № 43, 2001)*; *После этого развода Фрэнк словно с цепи сорвался. Газетчики вновь оживились, сообщая об очередных похождениях ретивого холостяка (Огонёк, декабрь 24, 2001)*, 2) **“МЛЮ - это строение”**: *Однако идиллия семейной жизни скоро растаяла. В какой-то мере именно творчество разрушило репинский очаг. Ибо каждая новая картина прибавляла ему известность, поклонение, успех у женщин. И всё более нестерпимым для близких становился характер художника, не желавшего стеснять себя в своих проявлениях (Домашний Очаг, ноябрь 2001)*; *Примерно 51 процент семей в Швеции разваливается вскоре после заключения брака (Смена, 30.05, 2001)*, 3) **“МЛЮ – это хрупкий сосуд”**: *Свои разбитые отношения с женой он старался утаивать от знакомых (Домашний Очаг, ноябрь 2001)*, 4) **“МЛЮ – это соревнование или битва”**: *Весь мир пристально следил за “поединком” Беккер - Ермакова. Вначале вы агрессивно “отбивали мяч” на сторону противницы, утверждая, что всё сказанное ею - клевета. Но потом тон ваших заявлений смягчился, не так ли? Стало быть, эту битву вы проиграли? (Аргументы и факты, № 50, 2001)*, 5) **“МЛЮ - это растение”**: *Эти взаимоотношения, построенные на голом расчёте, могут перерасти в искреннее чувство? (Аргументы и факты, № 46, 2001)*

Каждая общая модель конкретизируется различными выражениями, обозначающими разные виды отношений между людьми. Например, 1) **“МЛЮ как нити”** реализует такие антонимические отношения, как **“знакомство как завязывание: связи, связывать, завязка, завязывать, цепь, закрутить и т.д.”**, и **“разобшение как разрыв нитки: разрыв, разрывать, отвязываться и т.д.”**, 2) **“МЛЮ как строение”** - **“знакомство как строение: строить, выстраивать, складывать и т.д.”** с одной стороны, и **“изменение отношений как перестройка: перестроить и т.д.”** с другой стороны, и далее - **“разобшение как разрушение здания: развал, распад, разрушение, обвал и т.д.”**. Виды МЛЮ могут выражаться и другими моделями, например, **“психо-логическая близость – это физическая близость”**, реализующаяся в таких выражениях, как *сходиться, сплотиться, слиться, клесться к кому, притираться друг к другу, влиться, вязываться, завязаться, переплетение, тянуться, затягивать и т.д.* или *держаться на расстоянии, дистанцироваться, отдаляться, расколоться, отделаться, отвязаться, отвертеться, отталкивать и т.д.*

Важно подчеркнуть, что чисто лингвистическое объяснение смысла таких метафор малопродуктивно, что при метафоризации происходит не просто сравнение предметов или пропозиций, а когнитивный процесс сравнения предметов или событий и сближение (или часто сращение) частей “концептов – гешталтов” по принципу фиктивности (“как если бы”)²¹, допускающему сближение двух разных

²¹ см. отрывок из [Телия 1988:40]: “Для нас важно отметить, что принцип фиктивности вводит в процесс метафоризации её субъекта, который и определяет не только возможности подобия, обрабатываемого когнитивно за счёт аналогии, но и антропоцентричность - спо-

сущностей на основании наличия подобия или аналогии между двумя представлениями²².

Идеографическое описание МЛО, которое включает не только классификацию данных единиц по моделям, но и по сферам деятельности, (например, метафоры, восходящие к сфере **торговли и обмена**, имеют такие языковые выражения, как *дать аванс кому-л., продать кого-л., променять кого-л. на кого-л., перекупить кого-л., подкупить кого-л., выдать кого-л., торговаться с кем-л., сдать кого-л., дать сдачи кому-л., заплатить за что-л., заплатить кому-л., расквитаться с кем-л., купиться на что-л., сделать деньги на ком-л., брать большие проценты за что-л., израсходовать чьё-л. доверие и т.д.*) облегчит иностранным учащимся усвоение русского языка.

Языковое представление МЛО является актуальным объектом не только теоретического изучения, но и такого описания, которое имеет перспективу учебного использования в обучении русскому языку как иностранному. Средства обозначения МЛО, в том числе и метафорические, представляют собой один из центральных в любом языке фрагментов картины мира. Их рассмотрение в когнитивном аспекте может послужить ценным материалом для выявления универсального и специфического в видении мира, поможет осмысленному освоению языковых явлений.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1998.
2. Бабенко Л.Г. *Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание.* М., 1999.
3. Баранов А.Н. *Новый лингвистический учебник. Введение в прикладную лингвистику.* М., 2001.
4. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. *Словарь русских политических метафор.* М., 1994.
5. Блэк М. *Метафора // Теория метафоры.* Под ред. Н.Д. Арутюновой. М., 1990.
6. Кассирер Х. *Сила метафоры // Теория метафоры.* Под ред. Н.Д. Арутюновой. М., 1990.
7. Лакофф Дж. *Лингвистические геиталты // Новое в зарубежной лингвистике.* Выпуск X: лингвистическая семантика. М., 1981.С. 350-368.
8. Лакофф Дж. и Джонсон М. *Метафоры, которыми мы живём // Язык и моделирование социального взаимодействия.* Общ. ред. В.В. Петрова. М., 1987.
9. Левин С. *Прагматическое отклонение высказывания //Теория метафоры.* Под ред. Н.Д. Арутюновой. М., 1990.
10. *Лексическая основа русского языка. Комплексный учебный словарь.* Под редак-

сность помыслить одну сущность **как если бы** она была подобна другой, а это значит соизмерить их в соответствии с собственно человеческим масштабom знаний и представлений, а вместе с тем – и с системой национально-культурных ценностей и стереотипов”.

²² Э. Кассирер пишет: “Метафора – это **сознательный** перенос названия одного *представления* в другую сферу - на другое представление, подобное какой-либо чертой первому или предлагающее какие-либо косвенные с ним “анalogии”” (1990: 35)

- цией В.В. Морковкина. М., "Русский язык". 1984.
11. Манерко Л.А. *Новая методика исследования категоризации в лингвистике* // вестник московского университета. 2/2000.
 12. Миллер Дж. *Образы и модели уподобления и метафоры* // Теория метафоры. Под ред. Н.Д. Арутюновой. М., 1990.
 13. Перельман Х., Олбрехт-Тытека Л. Из книги "*Новая риторика: трактат об аргументации*" // Язык и моделирование социального взаимодействия. Общая ред. Петрова В.В. М., 1987.
 14. Ричардс А. *Философия риторики* // Теория метафоры. Под ред. Н.Д. Арутюновой. М., 1990.
 15. Серль Дж. *Метафора* // Теория метафоры. Под ред. Н.Д. Арутюновой. М., 1990.
 16. Складаревская Г.Н. *Метафора в системе языка*. СПб., 1993.
 17. Скрепцова Т.Г. *Американская школа когнитивной лингвистики*. СПб., 2000.
 18. Столярова Э.А. Типы лексико-семантических полей в русской разговорной речи // Русский язык сегодня. М., 2000.
 19. Телия В.Н. *Метафора как модель смыслопроизводства и её экспрессивно-оценочная функция* // Метафора в языке и тексте. М., 1988.
 20. Толочин И.В. *Метафора и интертекст в англоязычной поэзии*. СПб., 1996.
 21. Тошович Б. *Семантическая структура жаргонных глаголов* // Русский язык сегодня. М., 2000.
 22. Чудинов А.П. *Россия в метафорическом зеркале: когнитивные исследования политической метафоры*. (1991- 2000). Екатеринбург 2001.
 23. *Язык и моделирование социального взаимодействия*. Общее ред. Петрова В.В. М., 1987.
 24. Jakel O. *Kant, Blumenburg, Weinrich: Some Forgotten Contributions to the Cognitive Theory of Metaphor* // *Metaphors in Cognitive Linguistics. Selected papers from the fifth international cognitive linguistics conference. Amsterdam, July 1997.* Edited by Raymond W. Gibbs, Jr. & Gerard J. Steen.
 25. Lakoff G. & Johnson M. *Metaphors We Live By*. The University of Chicago Press. 1980.
 26. Lakoff G. & Turner M. *More than Cool Reason// A Field Guide to Poetic Metaphor*. The University of Chicago Press. 1998.
 27. Ross D. *Metaphor, Meaning, and Cognition*. Peter Lang. 1993.

© Ву Бок Нам, 2002

О.Н. Журавлева **Небесные светила как действующие природные реалии**
Киров (на материале романа М.Ю. Лермонтова “Герой нашего времени”)

В энциклопедических словарях при более или менее абстрагированном подходе к описанию окружающей действительности субъективизм речемыслительной деятельности носителя языка сведен к минимуму. Поэтому статья, включающая, в частности, характеристику такой природной реалии, как СОЛНЦЕ, выглядит следующим образом: “*Солнце – газообразное раскаленное небесное тело, шарообразной формы, ближайшая к Земле звезда; центральное тело солнечной системы. В С. сосредоточено 99,87% массы солнечной системы... Линейный диаметр С. составляет 1 391 000 км., т.е. в 109 раз больше диаметра Земли; объем С. в 1 301 000 раз больше объема Земли, а масса больше в 333 400 раз... С. вращается вокруг оси, наклоненной к эклиптике под углом около 83 градусов*” и т.д. [ЭС, 1955; Т. 3; С. 259].

Как видим, в пределах словарной статьи внимание уделяется в основном описанию Солнца как небесного тела, а также атрибутивным характеристикам данной природной реалии. Что же касается ее деятельности, то действие, совершаемое Солнцем, здесь определяется лишь глаголом *вращается*. И действительно, более или менее объективно анализируя реальные деятельные способности Солнца, среднестатистический носитель языка, не являющийся специалистом в области астрономии и опирающийся лишь на бытовые знания о данном небесном теле, может констатировать, что практически вся деятельность Солнца сводится лишь к способности *вращаться / оборачиваться* вокруг своей оси и *перемещаться* по космической орбите. Кроме того, данный ряд незначительно может быть продолжен за счет таких наиболее распространенных в сочетании с лексемой СОЛНЦЕ глаголов, как *светить, греть*.

Однако в процессе общения мы постоянно приписываем Солнцу, да и другим небесным телам, гораздо более разнообразные деятельностные характеристики. Часть подобных языковых формул восходит еще к наивной картине мира, на которую ориентировалось человечество, полагая, что Земля является центром мироздания. Ср.: “Выражения типа *Солнце восходит, заходит, садится* отражают эллинистическую картину мира эпохи Птолемея, но продолжают использоваться и в наш век...” [Серебренников, 1988; С. 177]. То есть в настоящее время человек, с учетом накопленного за века научного знания и жизненного опыта, отчетливо понимает, что многие действия, приписываемые, например, Солнцу, в реально данным небесным телом не совершаются. В результате многие широко распространенные в языке выражения типа: “*Солнышко улыбается; солнце ушло за тучу; солнце спряталось, скрылось за горизонтом*” и т.п. изначально воспринимаются как имеющие переносное значение, метафоричные.

Очевидным признан факт, что практически вся языковая деятельность опирается на антропометрический принцип, согласно которому человек – мера всех вещей. Все реалии действительности любой говорящий соотносит со своим индивиду-

альным мировосприятием, и, следовательно, антропометричность находит выражение в подавляющем большинстве актов речемыслительной деятельности носителя языка. Именно принцип антропометричности лежит в основе метафоризации значенных языковых единиц. Ср.: "... важную роль играет наиболее характерный для метафоры параметр – ее *антропометричность*. Последняя выражается в том..., что сам выбор того или иного основания для метафоры связан со способностью человека соизмерять все новое для него (в том числе и реально несоизмеримое) по своему образу и подобию или же по пространственно воспринимаемым объектам, с которыми человек имеет дело в практическом опыте" [Серебренников, 1988; С. 182]. Таким образом, все события, происходящие в реальной действительности, носитель языка воспринимает исключительно через призму индивидуального опыта и соответственно отражает такое индивидуалистическое восприятие объективной реальности в речевых формулировках. В этом заключается одна из причин, по которой в нашей речи широко распространены метафоричные конструкции, называющие деятельность, которую якобы совершает неодушевленная природная реалья. Ср., в частности: *солнце закатилось, месяц поднялся, звезды потускнели на небосклоне* и т.п.

Однако, многие из нас подсознательно полагают, что некоторые небесные тела существуют в природе не сами по себе, а исключительно с целью помогать или препятствовать деятельному человеческому индивиду. И поэтому человек, порой неосознанно, ждет, что неодушевленные природные реалии с различной степенью активности будут принимать непосредственное участие в его жизнедеятельности. Не отсюда ли возникает стремление многих членов общества к различного рода гороскопам, астрологическим прогнозам и т.п.? Хотя большинство понимает абсурдность подобных предсказаний, но часто люди просто не могут игнорировать эту информацию, наивно надеясь, что небесные светила каким-то образом влияют на все происходящее с ними.

В романе "Герой нашего времени" М.Ю. Лермонтова встречаем следующие рассуждения: "*Мне стало смешно, когда я вспомнил, что были некогда люди премудрые, думавшие, что светила небесные принимают участие* [выделено нами. – О.Ж.] *в наших ничтожных спорах за клочок земли или за какие-нибудь вымышленные права!..*". И далее: "*Но зато какую силу воли придавала им уверенность, что целое небо, с своими бесчисленными жителями, на них смотрит с участием, хотя немым, но неизменным...*". Затем автор записок предается невеселым размышлениям об этих "лампадах", зажженных, по мнению людей, лишь для того, чтобы "*освещать их битвы и торжества*"...

На основе содержания данного текстового отрывка мы можем заметить, что литературный персонаж (в данном случае Печорин) довольно скептически относится к мысли о том, что небесные светила оказывают влияние на судьбы человечества. И поэтому вполне обоснованно было бы предположить, что сам Печорин не ожидает со стороны небесных тел какого-либо вмешательства в свои дела и не учитывает их возможное влияние на происходящие в жизни его и других жителей Земли события.

Однако в дальнейшем текстовый материал убеждает нас в том, что, даже понимая безразличность небесных светил к человеку, носитель языка тем не менее регулярно употребляет выражения, в которых человек предстает как центр мироздания, а все окружающие его природные реалии, в том числе и небесные светила, существуют и действуют только в контексте его личностного восприятия. В нашей речи вполне осознанно и достаточно регулярно допускаются обороты, называющие такую деятельность неодоушевленной природной реалии, которая свойственна ей не только как реалии природы, а в первую очередь как сознательному субъекту. И данный субъект совершает те или иные действия в отношении объекта, которым становится человек. В результате характерные для данных реалий узуальные (и тем более окказиональные) действия трактуются автором высказывания как предназначенные (или не предназначенные) исключительно для человека и совершаемые по отношению к нему. В частности, в одном из предложений у Лермонтова субъект СОЛНЦЕ сочетается с глаголом *светить*, употребленным в прямом значении и называющим наиболее характерную для данной реалии деятельность. Ср.: *Я, как матрос, рожденный и выросший на палубе разбойничьего брига; его душа сжилась с бурями и битвами, и, выброшенный на берег, он скушает и томится, как ни мани его тенистая роща, как ни свети ему мирное солнце* [ср.: *светить* – в основном значении: ‘излучать свет’ – МАС; Т.4; С. 46]. Показательным здесь оказывается тот факт, что хотя действие *светить* является для солнца первостепенным и в реальной действительности совершается им независимо от человеческого восприятия, однако в контексте романа оно все равно рассматривается не само по себе, а в призме отношения солнца к человеку (*как ни свети ему мирное солнце...*).

Почти каждый индивид при помощи языковых средств делает небесные светила частью своей жизни, в достаточной степени активной. Такое субъективное восприятие объективной действительности находит свое отражение в языке, и в первую очередь – в метафоре, которая для представителей когнитивной лингвистики являет собой важнейший источник сведений об организации человеческого мышления. При когнитивном подходе метафора рассматривается как “проявление аналоговых возможностей человеческого мышления. Метафоры заложены уже в самой понятийной системе мышления человека, этого особого рода схемы, по которым человек думает и действует” [цит. по: Чудинов, 2001; С. 36].

Анализ деятельностных характеристик неодоушевленных природных реалий, обозначающих небесные светила, показал, что, нимало не противореча собственным скептическим рассуждениям о наивности людей, верящих в воздействие светил на судьбу человека, автор “Героя нашего времени” тем не менее описывает небесные светила не абстрагированно, а исключительно через призму человеческого восприятия, с точки зрения влияния небесных тел: солнца, луны, звезд – на того, кто в данном случае занимает позицию объекта действия, совершаемого указанными реалиями, или же позицию наблюдателя, то есть субъекта пассивного. Может быть, поэтому в исследуемом тексте большинство высказываний, деятелем в которых выступают неодоушевленные природные реалии, метафорично.

Сам список реалий, обозначающих небесные светила, в обиходном понима-

нии невелик. Это, в первую очередь, СОЛНЦЕ, ЗВЕЗДЫ и ЛУНА / МЕСЯЦ. Изредка в текстах встречаются собственные наименования других звезд, кроме Солнца. Из романа “Герой нашего времени” методом сплошной выборки извлечены примеры, содержащие глаголы с названием действий, выполняемых данными небесными светилами. Эти лексемы мы условно можем подразделить на три семантических группы.

Первая группа включает глаголы, обозначающие перемещение небесных тел по небесному своду: *вставать, подыматься, катиться, садиться, закатиться*. Семантика глаголов, обозначающих названный вид деятельности небесных светил, несомненно, метафорична. Большинство этих метафор можно отнести к индикативным, или идентифицирующими. Ср.: “Спецификой этого типа метафоры является сходство ее обозначаемого и того образа, который становится внутренней формой метафорического значения” [Серебренников, 1988; С. 192]. И далее: “Значение идентифицирующей метафоры не есть продукт семантического синтеза, приводящего к появлению нового объекта, но отображение свойств уже существующей реалии” [там же; С. 193].

Природные реалии даны нам в качестве непосредственных объектов наблюдения. Находясь на земной поверхности, любой человек может констатировать, что по отношению к нему происходит перемещение небесных светил по небесной сфере (и никак не наоборот!), хотя доказанным является факт перемещения Земли по отношению к Солнцу. С большей долей соответствия реальности может быть охарактеризовано перемещение Луны, которая, действительно, совершает обороты вокруг Земли. Однако действия, обозначающие перемещение и Луны, и Солнца, в речевых реализациях примерно одинаковы. Ср.: *Солнце закатилось, и ночь последовала за днем без промежутка, как это обыкновенно бывает на юге ... Уж солнце садилось, когда я подъехал к Кисловодску; Луна подымалась из-за темных вершин; Луна уже катилась по небу, и мне показалось, что кто-то в белом сидел на берегу; Месяц еще не вставал, и только две звездочки, как два спасительных маяка, сверкали на темно-синем своде; ... Месяц подымался на востоке; Месяц бледнел за западе и готов уж был погрузиться в черные свои тучи...* Отметим здесь, что действия, обозначающие перемещение небесных светил, в целом дублируются (ср.: *подыматься* – для месяца, луны, солнца; *вставать* – для месяца и для солнца; *катиться, закатиться* – для круглых по форме природных реалий: луны, солнца). Метафоричность данных глаголов возникла в результате необходимости номинации способов перемещения по небу небесных светил. Стремление к образности здесь минимально (за исключением последнего примера).

Образность у Лермонтова возникает тогда, когда дается описание перемещения звезд. И действительно, при непосредственном наблюдении перемещение звезд невооруженным глазом не угадывается. Тем не менее по аналогии с другими небесными светилами этот вид деятельности здесь все-таки может быть представлен. В текстовом материале лишь в одном примере дано образное описание, в котором действие звезд условно можно отнести к перемещению. Ср.: *Хороводы звезд чудными узорами сплетались на далеком небосклоне и одна за другою гасли*. Хотя для

глагола *сплетаться* в его словарном толковании значение перемещения не свойственно (см., например: МАС; Т.4; С. 225), однако в данном контексте подразумевается, что наблюдатель видит хороводы, сплетающиеся в танце, перемещающиеся. Такое восприятие реальности уже представляет собой образную, или образно-художественную метафору.

К образным же метафорам, частично комбинируемым с идентифицирующей, можно отнести значения глаголов второй семантической группы. Здесь мы объединили лексемы, называющие деятельность, свойственную в первую очередь одушевленным субъектам. К этой семантической группе мы отнесли следующие глаголы: *смотреть, одеваться, показываться, бросать (взгляд), спрятаться* и др. При сочетаемости с неодушевленными природными реалиями для выражений с данными лексемами характерен такой литературный прием, как олицетворение. Ср.: *Солнце уже спряталось в черной туче, отдыхавшей на хребте западных гор; в ущелье стало темно и сыро; ...Уж солнце начинало прятаться за снеговой хребет, когда я въехал в Койшаурскую долину; Солнце чуть показалось из-за темно-синей горы, которую только привычный глаз мог бы различить от грозовой тучи; ...Это – ворота, образованные природой; они подымаются на высоком холме, и заходящее солнце сквозь них бросает на мир свой последний пламенный взгляд; Месяц, полный и красный, как зарево пожара, начал показываться из-за зубчатого горизонта домов...; Между тем луна начала одеваться тучами и на море поднялся туман; Луна тихо смотрела на беспокойную, но покорную ей стихию...* Можно заметить, что глаголы данной группы семантически неоднородны. Единственным общим свойством сочетаемости лексем, называющих небесные светила, с лексемами, называющими деятельность данных светил, выступает способность природных реалий прятаться, то есть временно исчезать из поля зрения наблюдателя, и появляться, то есть покидать свое укрытие и снова становиться видимыми, поддающимся наблюдению. Что же касается остальных поведенческих характеристик, то в зависимости от богатства фантазии и воображения автора данная семантическая группа может быть достаточно объемной и включать самые разнообразные лексемы, которые, в свою очередь, могут быть распределены по подгруппам и охарактеризованы с различных позиций.

К последней выделенной нами группе мы отнесли глаголы прямой номинации деятельности, характерной для неодушевленных природных реалий, обозначающих небесные тела. Естественной для небесных СВЕТИЛ является способность *светить* (семантика данного глагола легла в основу номинации данных реалий). Поэтому глаголы *сиять, светить, освещать, сверкать* употребляются в тексте в своем основном значении, хотя данная деятельность все равно может носить характер субъективного восприятия. Ср.: *Я, как матрос, рожденный и выросший на палубе разбойничьего брига; его душа сжилась с бурями и битвами, и, выброшенный на берег, он скушает и томится, как ни мани его тенистая роца, как ни свети ему мирное солнце; Полный месяц светил на камышовую крышу и белые стены моего нового жилища...; Наклоняюсь – месяц уже светит прямо на дорогу – и что же?; Она, по обыкновению, дождалась меня у калитки..., луна освещала ее милые губки,*

посиневшие от ночного холода...; Звезды спокойно сияли на темно-голубом своде...; Месяц еще не вставал, и только две звездочки, как два спасительные маяка, сверкали на темно-синем своде. Свойство небесных тел излучать свечение легло в основу достаточно распространенного сравнения, встретившегося также у Лермонтова: *Он просиял, как солнце.* Таким образом, деятельность неодушевленных природных реальных, обозначающих небесные светила, в целом нельзя свести лишь к метафоризации. В звучащей речи и в художественных текстах регулярно представлены лексемы, называющие такой род занятий, который свойствен данным реалиям как самостоятельно и объективно функционирующим.

Однако по-прежнему очевидным остается тот факт, что вся языковая деятельность человека ориентирована на призму его личного, субъективного восприятия реальной действительности. Несмотря на то, что люди рассудочно могут не верить во влияние астрономических субъектов на их судьбу, язык наш закрепил такие устойчивые формулы, в которых отчетливо обозначается зависимость одинокой космической песчинки – человека – от более могущественных, с его точки зрения, физических объектов. В тексте Лермонтова, наряду со скептическими рассуждениями о влиянии светил на судьбу человека, встречаем и такие строки: *...Небу было угодно испытать меня вторично...; ...Что.., если моя звезда, наконец, мне изменит? И не мудрено; она так долго служила верно моим прихотям; на небесах не более постоянства, чем на земле.* Эти рассуждения лермонтовского героя показательны! Зная, что звезды к нему равнодушны, он все равно в трудные минуты (например, перед дуэлью с Грушницким) думает о том, насколько небеса с их обитателями были к нему благосклонны в течение его ничтожно малой по астрономическим меркам жизни, и надеется, что эта благосклонность продлится и впредь...

Таким образом, при анализе деятельности неодушевленных природных реальных, обозначающих небесные светила, мы отмечаем, что значительное количество глагольных лексем, характеризующих данные действия, имеет метафорическое значение. Однако и при прямой номинации подавляющее большинство действий таких субъектов рассматривается не само по себе, а только с точки зрения человеческого восприятия действительности. Человеческий фактор в языке настолько силен, что даже при обозначении действий, объективно характерных для той или иной реалии, говорящий подразумевает, что подобное действие совершается в основном не само по себе, а по отношению к человеку.

Список литературы

1. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени // Избранное. – Горький, 1972.
2. МАС: Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. – М., 1981-1988.
3. Серебренников Б.А., Кубрякова Е.С., Постовалова В.И., Телия В.Н., Уфимцева А.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М., 1988.
4. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). – Екатеринбург, 2001.
5. ЭС: Энциклопедический словарь. – М., 1955.

© Журавлева О.Н., 2002

А. А. Каслова Концептуальная метафора в российских и американских текстах, посвященных выборам президента
Екатеринбург

В числе средств, используемых в тексте для создания экспрессивного эффекта, новых образов, оценочного смысла, ведущее место занимает метафора, в изучении которой центр тяжести в последнее время переместился в область знаний, обращенную к мышлению, концептуализации мира посредством языка. Человек стремится к интеграции, онтологизации накопленного им опыта, представлений об окружающей действительности, охватывающей различные сферы жизни. Именно поэтому когнитивная лингвистика представляет метафору не просто как образное средство, а как ментальную операцию. “Метафоры человека – это особого рода схемы, по которым человек думает и действует”. (А. П. Чудинов, 2000, с.27) Изучение процессов метафоризации в политическом дискурсе является перспективным направлением в рамках когнитивистики.

Политическая система представляет собой основополагающую форму организации всех сфер жизни современного общества (Гаджиев, 1994; Зеркин, 1996). Мир политики неизменно оказывает влияние на экономическое, социальное, культурное пространство нации. Е. И. Шейгал справедливо высказывает мысль об опосредованности всех элементов поля политики, их реализации и отражении в дискурсе, где “они либо составляют собственно предмет общения (его референциальный аспект), либо выступают в качестве элементов прагматического контекста, в том числе и прагматических presuppositions” (Е. И. Шейгал, 2000, с. 23 – 24). Концептуальная метафора, содержащая яркий ассоциативный потенциал, моделирует мир политики, доносит до читателя оценочный смысл, способствует созданию эмоционального эффекта. Характерная для когнитивной лингвистики методика исследования метафорического моделирования (А. Н. Баранов, М. Джонсон, Ю. Н. Караулов, Дж. Лакофф, Ю. Б. Феденева, А. П. Чудинов и др.) не стремится к разграничению лингвистической и экстралингвистической информации, что позволяет структурировать знания о мире, описывать процессы метафоризации посредством языка фреймов и слотов.

При анализе ситуации президентских выборов 2000 года в России и США, нами были выделены наиболее частотные, продуктивные концептуальные метафоры, позволяющие представить борьбу за кресло главы государства в милитарных, театральных, спортивных и монархических терминах.

В данной работе мы предприняли попытку исследования метафорических моделей в организации конкретных текстов. Материалом исследования послужили тексты на русском и английском языках, посвященные ситуации президентских выборов (2000 г.) в России и США.

В предложенном исследовании текст рассматривается как “целостный комплекс языковых, речевых и интеллектуальных факторов в их связи и взаимодействии” (А. И. Новиков, 1983, с.4). Смысловому восприятию текста способствует его внешняя и внутренняя организация. Именно поэтому, в качестве основных свойств текста принято считать целостность и связность (А. А. Леонтьев, Л. Н. Мурзин, А.

И. Новиков и др.). Следует отметить, что эти два параметра отличны по своей природе: если целостность психолингвистична, то связность лингвистична. Л. Н. Мурзин и А. С. Штерн считают возможным говорить о двух типах связности: интрасвязности, т. е. внутренней, смысловой связности и эктрасвязности, внешней, охватывающей, прежде всего звуковую или буквенную (Л. Н. Мурзин, А. С. Штерн, 1991, с. 11). Наличие двух типов связности объясняется знаковой природой текста. Компоненты текста связаны между собой, если “они имеют некоторую общую часть”(там же, с.11). Не существует такого компонента текста, который не был бы связан с другими компонентами.

С нашей точки зрения, система метафор является компонентом, способным обеспечить связность текста, его организующий стержень.

Внутренняя (смысловая, содержательная) организация любого текста может быть представлена как его целостность. Хотя связность и целостность - взаимообусловленные свойства текста, последнее тем не менее принято рассматривать как доминирующее. По справедливому утверждению А. И. Новикова, “ведущими признаками текста становятся... такие его свойства, как целостность, интегративность, завершенность, которые ... имеют смысловой, содержательный характер, что определяет их как психологические, речевые, коммуникативные явления” (А. И. Новиков, 1983, с.13). Говоря о целостности текста, Л. Н. Мурзин и А. С. Штерн имеют в виду его ситуативность. Именно “благодаря ситуативности текста цельность есть категория содержательная..., она ориентирована на содержание текста, на смысл, который приобретает текст, поставленный в соответствие с ситуацией” (Л. Н. Мурзин, А. С. Штерн, 1991, с.13).

На наш взгляд, концептуальная метафора способна обеспечить восприятие текста как единого целого. Употребленные в тексте метафорические номинации зачастую принадлежат к одной или нескольким моделям, что, бесспорно, позволяет рассматривать содержание текста в его целостности, смысловом единстве.

Говоря об адекватном восприятии текста, содержащего метафорические наименования, нельзя не обратить внимание на важность пресуппозиции, представляющей собой “некий общий для адресата и адресанта фонд знаний” (Чудинов, 2000, с.186). Не обладая необходимыми знаниями об описываемых событиях, их участниках, читатель вряд ли будет в состоянии должным образом соотносить имплицитную информацию, кроющуюся в метафорическом словоупотреблении, с реальной ситуацией и сделать соответствующие выводы, понять замысел автора.

Развертывание концептуальной метафоры в тексте может происходить по разным сценариям. Одним из наиболее распространенных случаев, представленных в российских текстах, посвященных ситуации выборов главы государства, является многоаспектное развертывание одной метафорической модели по самым разнообразным фреймам.

В качестве примера рассмотрим статью под заголовком “О чем говорят проценты” (О. Савченко / Российская газета, 28.03.2000). Основная тема публикации – оценка предвыборной кампании и итогов выборов президента. На протяжении всего текста сфера политики описывается в театральных терминах. С первых же строк

автор настраивает читателя на определенное восприятие событий; пытаясь разграничить реальную жизнь в мире политики и театр, давая понять, что привычная для электората театрализация описываемого политического события, о котором в данном случае идет речь, не удалась. Президентская гонка, описываемая автором по средством коннотативно нагруженной театральной метафоры, представлена как *спектакль, шоу, пьеса*. Ср.

Привычного политического шоу, которое мы видели во время недавних выборов в Госдуму, на сей раз никому устроить не удалось. Спектакль отменили.

В тексте происходит дальнейшее развертывание метафорической модели ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА - ЭТО ТЕАТР. Все политические деятели, принимавшие участие в выборах, а также их ближайшие сподвижники, помощники, единомышленники номинируются автором текста как персонал театра. Ср.:

Да и что делать остальным, когда один из участников действия перестает играть роль и начинает быть самим собой? Что делать, если он отказывается от услуг режиссера, гримера, костюмера, суфлера?

Совершенно очевидно, что данные метафоры несут негативный прагматический потенциал, т. к. субъекты политики (в нашем случае кандидаты в президенты) представляются избирателям как актеры, постоянно исполняющие разнообразные роли, что свидетельствует об их неискренности, притворстве, лицемерии, умении быть “не собой”. Все субъекты политической сферы, которые прямо или косвенно принимают участие в выборах, являются участниками шоу, проводимого по заранее написанному сценарию.

Доминантной метафорической номинацией в рамках рассматриваемой модели становится словосочетание *играть роль*, которое встречается в описываемом тексте 4 раза. Ср.:

Каждый в меру своих сил играл роль. Вы как хотите, говорит он своим коллегам, а я не желаю играть роль в приготовленной вами пьесе, я буду просто жить.

В статье театр неоднократно противопоставляется реальной действительности. Это выражается в следующих оппозициях: *играть роль – жить, играть роль – быть самим собой, игра – естественный способ существования*. Ср.:

И вдруг, когда появился человек, для которого политика не игра, а естественный способ существования, все его конкуренты стушевались, отработанные театральные позы исчезли. Действительно, как быть коллегам, если все они давно подзабыли, что значит жить в политике. Если все они на свою беду только и умеют играть в государственников, демократов, патриотов, реформаторов, оппозиционеров, премьеров и т. д.

Смысловая антитеза правдивый – лживый, настоящий – наигранный, искренний – лицемерный усиливает эмотивный эффект и помогает читателю представить избранника народа (теперь уже действующего президента России) в противовес его бывшим конкурентам через позитивно окрашенные номинации.

В тексте есть единственный пример использования метафоры, относящейся к другой модели, а именно ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА – ЭТО ВОЙНА. Ср.:

Не случилось и войны компроматов, одобренной разездами поп-звезд по городам и весям России, как не было и упакованных в коробки из-под ксеркса долларов.

Итак, примеры свидетельствуют о том, что доминантной в анализируемом тексте является концептуальная метафора ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА – ЭТО ТЕАТР. Из 15 метафорических употреблений 14 входят в состав модели с исходной понятийной сферой театр, и лишь 1 относится к другой модели. Подавляющее большинство театральных метафор связывает структурные компоненты текста в единое целое, служит целостности восприятия.

Нельзя не отметить, что “театрализация” политического процесса становится все более частым явлением в нашей жизни. Развитие СМИ, а особенно телевидения приводит к популяризации политики, превращению ее в развлечение. Аудитория требует шоу. Субъекты политики в основном озабочены своим имиджем. Высококвалифицированные менеджеры продумывают каждый жест, каждое слово политических деятелей, участвующих в президентской кампании, что, естественно, приводит к подмене содержания формой. Из проанализированной статьи видно, что в сознании носителей языка восприятие и отображение политической сферы в театральных терминах становится традиционным, неотъемлемой частью жизни современного общества.

Примеры аналогичного использования метафорических моделей можно обнаружить и в русских текстах, освещающих ситуацию выборов президента в США. Статья, озаглавленная “Дублеры сходят с дистанции” и имеющая подзаголовок “Буш провозгласил себя будущим президентом США. Возможно, он поспешил” (Е. Артемов/Известия, 10.03.2000), посвящена итогам предварительных выборов (primaries), после которых гонку за кресло главы государства продолжают лишь два кандидата от ведущих партий. Метафорический заголовок статьи, безусловно, настраивает адресата на определенное восприятие текста. Если читатель владеет необходимой информацией, следит за ходом предвыборной кампании, то он вряд ли воспримет заголовок и последующую статью как рассказ о спортивных состязаниях. Заглавие позволяет раскрыть основную идею статьи и вызывает у читателя ассоциации, заставляющие его воспринимать избирательную кампанию в спортивных терминах. Доминантной в тексте становится модель ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА – ЭТО СОРЕВНОВАНИЕ. В статье реализуется несколько метафор, относящихся к фрейму “Участники соревнований”, где кандидаты в президенты посредством коннотативно нагруженной лексики представляются как бегуны, соперники.

Ср.: На дорожке остаются лишь два бегуна – Буш и Гор. Сын бывшего президента США настолько свыкся с ролью первого, что не заметил, как в “супервторник” рядом с ним появился равный соперник, до того пребывавший в тени, - вице-президент Альберт Гор. Тем более, что его сопернику Гору есть чем похвастать.

Представленные примеры свидетельствуют, что автор статьи, прибегая к спортивной метафорике, пытается охарактеризовать участников гонки за пост главы государства как равных по силе соперников, обладающих набором качеств, необходи-

мых для победы. Сюда относятся особый моральный настрой, воля к победе, решительность, внутренняя сила, а также длительная подготовка. И в спорте, и в политике побеждает лучший.

Итоги “праймериз” освещаются автором посредством спортивной метафоры.

Ср.: “Супервторник” снял с табло имена дублеров. Джордж Буш по количеству покоренных штатов победил бывшего пилота со счетом приблизительно 2:1. Гор выиграл у Брэдли “всухую”, не оставив самому высокому (в прямом смысле) политику в США никаких шансов.

В монографии “Семиотика политического дискурса” Е. И. Шейгал обращает внимание читателя на связь политического дискурса со спортивно-игровым. По мнению автора в основе политического дискурса лежит “непрекращающийся диалог-поединок между партией власти и оппозицией, в котором противники время от времени нападают друг на друга, держат оборону, отражают удары и переходят в наступление” (Е. И. Шейгал.2000, с.32). Соглашаясь с автором, хочется лишь добавить, что динамика предвыборной гонки соответствует накалу страстей в спорте, а наличие победившей и проигравшей сторон, зрителей, болельщиков позволяет говорить о том, что коннотативно нагруженная спортивно-игровая метафорика органично вплетается в канву политического дискурса и становится его неотъемлемой частью. Этим легко объясняется продуктивность концептуальной метафоры с исходной понятийной сферой соревнования, без которой сложно представить современное понимание мира политики и неизменно присутствующего в нем элемента состязательности, борьбы, конкуренции.

Возвращаясь к тексту статьи, необходимо отметить наличие метафор, содержащих вектор агрессивности и несущих негативный прагматический потенциал. Сюда относится метафорика, номинирующая действия участников президентской кампании, которая представляет их через жесткие, силовые спортивные приемы.

Ср.: Еще неделю назад и тот и другой все свое внимание уделяли внутрипартийным схваткам. Буша пытался стациить с вершины холма ветеран вьетнамской войны, бывший летчик Джон Маккейн, на Гора заседал бывший баскетболист Билл Брэдли. Первый, по-петушину расправляя грудь, атаковал Буша с позиций партийного реформатора. Второй с ухмылочкой всезнайки ловко загонял соперника в лабиринты интеллектуальных дискуссий.

Критическое начало, доминирующее в любой предвыборной кампании, отражается в метафорах, принадлежащих к модели ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА – ЭТО ТЕАТР, которые также реализуются в статье.

Ср.: Начиная с прошлого лета, американская пресса высвечивала прожектором лишь одного актера на сцене – губернатора штата Техас Джорджа Буша – младшего. Он (А. Гор) вышел из тени Клинтона, перестал быть похожим на человека, который проглотил палку, и начал передвигаться по сцене почти как профессиональный танцор.

Следует отметить, что в статье реализуется лишь 2 метафоры с исходной понятийной сферой театр, тогда как спортивная метафорика, принадлежащая к доминантной модели статьи, реализуется в 14 номинациях.

Развертывание концептуальной метафоры в газетной статье является характерной чертой и для американских агитационно-политических текстов, посвященных ситуации выборов главы государства.

В качестве примера рассмотрим статью, озаглавленную “How AI Came back to Life” (E. Pooley, K. Tumulty, T. M. Edwards/Time, 13.03.2000). Метафорический заголовок текста “Как Эл вернулся к жизни” не может дать читателю исчерпывающей информации о том, в рамках какой метафорической модели автор намерен описать борьбу за президентство. Следующее в качестве подзаголовка предложение, содержит агрессивный прагматический потенциал и помогает прояснить ситуацию. Ср.:

The inside story of how Gore got up off the mat, became a ferocious candidate and whacked Bradley [Скрытая сторона событий о том, как Гор поднялся с мата, стал жестоким кандидатом и сразил своим ударом Брэдли].

Становится очевидным, что президентская гонка в рамках представленной статьи будет эксплицироваться с помощью метафор с сильным негативным вектором. И действительно, читатель находит здесь метафорические номинации, принадлежащие к двум моделям: ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА – ЭТО ВОЙНА и ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА – ЭТО СОРЕВНОВАНИЯ.

В общем смысле спортивная метафорика не пронизана духом антагонизма в такой степени, как милитаристская. Но если речь заходит о силовых видах спорта, жестких приемах, используемых участниками соревнований, стремлении к взаимоничтожению, то целесообразно говорить о наличии негативной окраски. Большинство спортивных метафор, используемых в данной статье, пронизаны жестокостью и агрессией. Кандидаты безжалостны по отношению друг к другу, поэтому их действия представлены как blows (удары), savagery (жесткое обращение с применением силы), charges (нападение), beats (удары). Ср.:

And when the news about Bradley's irregular heartbeat broke in December, his candidacy suffered another kind of blow [А когда в декабре слухи о нарушении работы сердца Брэдли всплыли на поверхность, его кандидатура пострадала от очередного удара]. ... after a week of savaging Bradley's health-care plan, he (Gore) had cut his rival's lead to 3 points [...после недельного разгрома программы Брэдли по здравоохранению, он (Гор) сократил преимущество своего соперника на 3 очка]. The Iowa plan was put in place early, when Bradley was riding high and thought he could beat Gore there [План проведения кампании в Айове начали претворять в жизнь рано, когда Брэдли высоко парил и думал, что сможет побить Гора].

В тексте реализуются метафоры, представляющие кандидатов на высший пост в следующих терминах: rivals (соперники), competitors (участники соревнований), opponents (противники, соперники). Ср.:

Gore and his team agreed it was time to engage his rival [Гор и его команда сошлись на том, что пришло время начать борьбу с соперником]. Faced with a robust aggressive opponent, he (Bradley) appeared to be neither [Столкнувшись лицом к лицу с сильным, агрессивным противником, он (Брэдли) не проявил таких качеств]. Two weeks later, when the rivals met again at ... Dinner in Iowa, a gathering of 3, 000 Democrats, Gore was even more aggressive [Через две недели, когда соперники вновь

встретились в Айове на ужине..., собравшем 3000 демократов, Гор вел себя еще агрессивнее)].

Наряду с метафорами с отрицательным коннотативным значением, в тексте реализуются положительно окрашенные номинации, представляющие описываемое событие в нейтральных спортивных терминах. Ср.:

The same quality that had fueled Bradley's rise ... was now conspiring his defeat [То же самое качество, которое помогло Брэдли подняться..., теперь составляло частично его поражение].

В рассматриваемом тексте встречается другая детально структурированная метафорическая модель. ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА – ЭТО ВОЙНА. Развертывание милитарной метафоры происходит параллельно со спортивной. Ср.:

While stressing that he is “not looking past the battle for the nomination,” Gore told TIME on Friday that “the strong, bracing competition has helped me to dig deep and find a better way to communicate and connect and campaign [Подчеркивая, что он “не задумывается о прошедшей битве за выдвижение кандидатуры на выборах”, Гор сообщил “Тайм”, что “серьезное, укрепляющее силы соревнование помогло ему глубоко вникнуть и найти лучшие пути для общения, установления связей и ведения кампании].

Царящий в президентской гонке дух войны заставляет кандидатов постоянно сражаться друг с другом, атаковать, содержать свою армию, стрелять, одерживать победу или терпеть поражение. В тексте обнаруживаются примеры использования метафор, входящих в состав фрейма “Военные действия”. Ср.:

The challenger's favorable ratings were rising nationwide, and he had money to fight [Рейтинги претендента повышались по всей стране, и у него были деньги, чтобы сражаться]. *Penn was fired* [Пэнн был обстрелян.] ...*Bradley left the Senate while Gore “stayed and fought”* [...Брэдли покинул Сенат, тогда как Гор “остался и сражался”].

В статье читатель находит метафорику, принадлежащую к фрейму “Участники военных действий”. Ср.:

“Your army is too big, so send two-thirds of it home” [“Ваша армия чересчур большая, поэтому отправьте две трети ее домой.”].

Чаще всего в статье обнаруживается метафорическая номинация attack (атака), которая встречается в тексте 6 раз. Ср.:

They thought that kind of attack was a vestige of the old order [Они думали, что такая атака была частью старого режима]. *The attack, a Bradley adviser says, “a dagger to Bradley's heart,” but he barely tried to wave it away* [Эта атака, как утверждает советник Брэдли, “была кинжалом в сердце Брэдли”, но он просто пытался не думать о ней]. *Gore's policy team found fertile ground for attack even before Bradley delivered his health-care speech* [Политическая команда Гора нашла удобную почву для атаки еще до того, как Брэдли представил свою программу по здравоохранению]. *In the end, even Bradley's attacks turned out to be one more gift for Gore* [В конце концов атаки Брэдли оказались еще одним подарком для Гора].

В рассматриваемой статье встречаются факты метафорического употребле-

ния, которые входят в состав фрейма “Результаты военных действий”. Ср.:

He tried to claim a symbolic victory, but his words were drowned out by John McCain's 19-point defeat of Bush [Он пытался претендовать на символическую победу, но его слова потопило поражение Маккейна перед Бушем, составившее 19 очков].

Еще прусский генерал Карл фон Клаузевиц отметил, что война – это продолжение политики другими средствами. Поэтому взаимосвязь политического и военного дискурсов кажется вполне естественной. Это взаимодействие отражается в сознании носителей языка и находит воплощение в метафорах.

На примере представленного текста мы проследили параллельное развертывание двух метафорических моделей с исходными понятийными сферами война и спорт. Данные модели в тексте являются детально структурированными. Их сближают векторы жестокости и агрессивности. К спортивной метафорике в тексте относятся 15 номинаций, к милитаристской – 23.

Анализ примеров метафорического употребления в тексте показывает, что объем газетной статьи дает широкие возможности для развертывания одной или нескольких метафорических моделей. На примере трех статей, посвященных ситуации президентских выборов в России и США, нами были рассмотрены два варианта развертывания метафорических моделей по самым разнообразным фреймам. В первом случае наблюдается многоаспектное развертывание одной модели, которая несет функцию метафорической доминанты. Она лишь эпизодически взаимодействует со смежными моделями. Второй вариант представлен параллельным взаимодействием и развертыванием двух основных концептуальных метафор. Описанные варианты позволяют говорить, что метафора в тексте обеспечивает его связность и смысловую, содержательную целостность.

Список литературы

1. Мурзин Л. Н., Штерн А. С. Текст и его восприятие. - Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 172с.
2. Новиков А. И. Семантика текста и ее формализация. М.: Наука, 1983. - 216с.
3. Политическая культура: теория и национальные модели. Гаджиев К. С., Гудименко Д.В., Каменская Г. В. и др. М.: - Интерпракс, 1994, 352с.
4. Политический дискурс в России – 3: Материалы рабочего совещания (Москва 27 – 28 марта 1993 года) // Под ред. Ю. А. Сорокина и В. Н. Базылева. – М.: Диалог – МГУ, 1999. – 128с.
5. Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). – 2-е изд. – М.: “Языки русской культуры”, 2000. – 480с.
6. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000): Монография / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2001. – 238.
7. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: Монография / Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград: Перемена, 2000.
8. Язык о языке: Сб. статей / Под общ. рук. И ред. Н. Д. Арутюновой. – М.: Языки

Т.В. Леонтьева **Метафора температуры в концептуальном поле**
Екатеринбург **“Интеллект человека”**

В исследованиях, посвященных вопросам реконструкции картины мира, выдвигается тезис о том, что восприятие и усвоение человеком новой информации опирается на способность человека вписывать незнакомое знание в уже имеющиеся структуры знаний. Особенно ярко этот механизм проявляет себя в естественном языке, в частности в явлении метафоры, запечатленной в языковых единицах разного уровня. Изучение метафорических аналогов абстрактных сущностей, популярное в когнитивной лингвистике последних десятилетий, позволяет выявлять концептуальное наполнение различных представлений.

Если подобное исследование имеет своей целью реконструкцию какого-либо концептуального поля, то мы можем наблюдать пересечение, взаимодействие и взаимовлияние его фрагментов, в частности метафор. В данной работе будет упомянуто несколько метафор из разных сфер отождествления, хотя организующим центром статьи будет метафора температуры. Такой выбор обусловлен необходимостью проанализировать и обобщить языковой материал, который содержит реминисценции из семантической области “Температура”. Необходимость обращения к другим метафорам предопределена тем, что центральная метафора соотносится с ними. Вообще, изолированное представление какого-то одного образа или мотива обедняет и неоправданно упрощает результаты исследования, а установление связей между различными структурами знаний позволяет обнажить механизмы мышления и способы обработки информации человеком. Кроме того, выявление многократно повторяющихся внутрисловесных отношений является дополнительным источником интерпретации неясного языкового материала, снижает возможность сомнительных интерпретаций отдельных лексем.

Исследуемые метафоры выявляются путем семасиологического и ономазиологического анализа лексических и фразеологических единиц со значениями из сферы, обозначенной в названии статьи. Рассматривается также сочетаемость субстантивов тематической группы “Интеллектуальная деятельность человека” с температурными прилагательными.

Рассмотрим температурный спектр *холодный – теплый – горячий*. Антропологичность картины мира проявляется в том, что нормальная температура тела человека может являться точкой отсчета для присвоения предмету свойства *горячий* или *холодный*. Имеется “огромная “пустая” зона в сочетаемости температурных прилагательных – это живые существа: люди и животные” [1, 231]. Не сочетаясь напрямую с обозначениями человека, эти прилагательные все же присутствуют в языковом материале, описывающем человека по интеллекту. Кроме того, встречаются их образные аналоги типа *лед, кипяток*.

Рассматривая лексемы, исходно означающие одну из ступеней температурного спектра, сначала будем указывать дефиниции для этих слов по Толковому словарю русского языка С.И. Ожегова.

Холодный – 1) имеющий низкую температуру; не нагретый, не дающий или не содержащий тепла; 2) не знающий тепла, северный (о климате, местности); 3) не имеющий отопления или плохо сохраняющий тепло, плохо отапливаемый; 4) мало греющий, дающий мало тепла; 5) близкий к цвету воды, льда, воздуха; 6) равнодушный, бесстрастный; 7) строгий и недоброжелательный; 8) производимый без помощи нагревания или при низких температурах [Ожегов, 866].

Присутствие в концептуальном поле “Интеллект человека” слота ‘низкая температура’ может быть проинтерпретировано только с опорой на концепты *ум* и *душа*, которые противопоставляются по признаку наличия/отсутствия связей с эмоциональной сферой. Душа (или сердце) объявляется локусом эмоциональной жизни, а ум (разум, интеллект) может играть роль цензора и диктатора на этой территории, так как способен подавлять эмоции. И душа, и ум являются базовыми концептами: “В закрепленной языком картине человеческого сознания существенную роль играет специальный класс слов, названный Е.М. Вольф классификаторами. Так, человеческая личность, ее внутренний мир характеризуются прежде всего различным соотношением интеллектуальных и эмоциональных качеств – *ума*, с одной стороны, *сердца* и *души* – с другой” [2, 24].

Это “противостояние” *ума* и *души* в сознании человека разрабатывается в русском языке, в частности, в модели **глупый ← душевный, простодушный; добрый**. Выражение *ни уму ни сердцу* также указывает на несовпадение упоминаемых конструктов, декларирует их взаимоисключаемость, которая отчасти основывается на критерии соотнесения с миром эмоций.

Физиологические симптомы эмоции определяют появление метафорического переноса **эмоция – жар, повышение температуры**. Поэтому опосредованно душа связана с теплотой эмоций (ср.: *согреть теплом своей души*). Интеллект “антонимичен” душе (и ее теплоте). Он занимает первый полюс оппозиции *холодный – горячий*. Сочетания типа *холодный рассудок, холодный расчет* “трактуют деятельность рассудка как противоположность эмоциональной жизни, ассоциируемой с теплом” [3, 138]. В сочетаниях с элементом *холодный* актуализировано отсутствие источников человеческого тепла (души и сердца), которое может быть компенсировано разумом и рассудком (*холодный* = ‘лишенный эмоций’). Отмечается, что “сочетания типа *решить все на холодную голову*, т.е. ‘взвешенно, без <лишних> эмоций’ имеют положительную оценку” [1, 225].

Семантика холода (низкой температуры) присутствует также на отдаленной периферии концепта *глупость*. Например, языковой факт *обледевить* ‘озадачить, поставить в тупик’ [СРНГ 22, 91], соотносимый, вероятно, со словом *лед*, актуализирует семантику холода, которая является метафорическим обозначением некой жизненной паузы, временного затухания эмоций и интеллектуальной деятельности, то есть позиции на границе между жизнью и смертью, между активностью и бездействием. Новейший языковой материал обнаруживает модель **глупость ← смерть: мертвый**,

доход, конченный, кря-кря ‘о глупом человеке’, *крякнуть* ‘перестать соображать’ [О. и. 1997]; *убитый* ‘о человеке в состоянии помрачения рассудка’ [БСЖ, 608]. Неясно, можно ли отнести к этой группе диалектное *бездушный* ‘глупый’ [СРНГ 2, 190]: можно ли считать, что внутренняя форма этого слова может быть развернута как ‘не имеющий души – мертвый’? Или слово представляет собой реминисценцию представлений о глупом человеке как лишенном человеческой души, принадлежащем не к земному миру, близком Богу? Вспомним здесь же и связанное с обрядом похорон выражение *отпетый дурак* с внутренней формой ‘тот, над кем уже совершен обряд отпевания’, т.е. подготовленный к похоронам. Так проявляет себя в рассматриваемом поле оппозиция **жизнь – смерть**.

Теплый – 1) нагретый, дающий или содержащий тепло; 2) не знающий морозов, южный (о климате, местности); 3) хорошо защищающий тело от холода; 4) имеющий отопление; 5) ласковый, приветливый; 6) близкий к цвету огня [Ожегов, 797].

В современном сленге функционирует лексема *теплый* ‘глупый, несообразительный человек’ [БСЖ, 587]. Ни одно из значений лексемы *теплый*, указанных в словаре С.И. Ожегова, не может способствовать интерпретации концептуального содержания данной лексемы. Рассматривая промежуточное температурное прилагательное *теплый*, Е.В. Рахилина отмечает, что *теплый* в составе словосочетаний имеет обычно положительную оценку ‘приятный’, поскольку это прилагательное имплицитно апеллирует к нормальной температуре человеческого тела [1, 213]. Но в нашем случае это слово имеет явно неодобрительную оценку носителя языка. Повидимому, последний называет глупого человека *теплым*, потому что стремится особо отметить изменение температуры. В концепте рассматриваемого слова присутствует динамическая составляющая. Предположив движение в направлении “от горячего к холодному”, мы можем реконструировать искомое температурное значение как ‘уже не горячий, но еще не холодный’. А вот обратное направление “от холодного к горячему” дало бы нам формулировку ‘уже не холодный, но еще не горячий’. Для слова *теплый* ‘глупый’ актуально, безусловно, первое толкование. Исходным пунктом для него явилось прилагательное *горячий*.

Выбор точки отсчета обусловлен здесь, конечно, наличием сформированных концептов **жизнь** и **смерть**. Можно предположить, что в сознании человека любая *деятельность, активность*, наконец, вообще *жизнь* связывается с повышением температуры. Об этом свидетельствует, например, сочетаемость этих существительных. Мы говорим *кипучая деятельность*, актуализируя метафорическую связь с *кипеть* ‘бурлить, клокотать, испаряясь от сильного нагрева’ [Ожегов, 273]. В сочетании *высокая активность* симптоматичен выбор прилагательного со значением ‘превышающий средний уровень, среднюю норму’ [Ожегов, 119], которое образует также узуальное сочетание *высокая температура*. Глагол *теплиться* ‘гореть слабым пламенем, слабо светиться’ в выражении (*в ком-нибудь*) *жизнь чуть теплится*, имеющем переносное значение ‘очень слаб, близок к смерти’ [Ожегов, 794], тоже обнаруживает семантику тепла. При этом легко устанавливается пропорция: бли-

зость к смерти – теплота, полноценная жизнь – более высокая температура. Ср.: *он еще тепленький (о трупe), *он едва тепленький (об умирающем или тяжелобольном, о сильной усталости). В этом контексте *теплота* – признак жизни, но в то же время признак затухания жизни. Согласно нашим представлениям, живой человек обладает температурой более высокой, чем предполагает слово *теплый*.

Можно заключить, что слово *теплый* на температурной шкале располагается выше нуля, а на шкале ‘смерть ---- ... ----> жизнь’ – на векторе *жизнь*, обнаруживая тем самым параллелизм оппозитарных схем с промежуточными звеньями **холодный – теплый – горячий**, с одной стороны, и **смерть – близость к смерти – жизнь**, с другой стороны. Не случайно Е.В. Рахилина определяет значение прилагательного *теплый* как ‘близкий к “абсолютному нулю”’ [1, 217].

Мы остановились на некоторых особенностях участия прилагательного *теплый* в организации концепта **жизнь**, потому что в процессе обработки языкового материала, называющего объекты и явления из сферы “Интеллектуальная деятельность человека” обнаружили точки пересечения между метафорой температуры, метафорой жизни и метафорой смерти. Интерпретация лексемы *теплый* ‘глупый человек’ только на основании включенности слова в температурный спектр вызывает трудности, если не обратиться к концепту **жизнь**, который дает нам представление о том, что высокая температура символизирует жизненную активность и маркируется как норма. Кроме того, о справедливости сделанных выводов свидетельствует наличие уже упомянутой модели метафорического переноса **глупый – мертвый**. Именно к ней стремится по своему концептуальному содержанию и лексема *теплый* ‘глупый’, вступая в противоречие с температурной символикой **умный – холодный** и одновременно сглаживая это противоречие тем, что все же находится за пределами семантики холода..

Интересно, что прилагательное *прохладный* отсутствует в концептуальном поле “Глупость”. Оно не находит там места, поскольку трактуется непосредственно через связь с холодом – ‘умеренно холодный’. Между тем, холод – это чужая для *глупости* территория *ума*. *Теплый* же апеллирует к недавней или потенциально возможной более высокой температуре. Таким образом, *теплый* может интерпретироваться при помощи метафоры **снижение умственной активности – снижение температуры**. Концептуальные основания для возникновения этой метафоры обозначены выше: ассоциативная связь с представлениями о *жизни и смерти*, о *движении и покое*, об *активности и бездействии*. Эти поля участвуют в организации фрагментов языковой картины мира, которые обеспечивают понимание русским человеком абстракций из сферы “Интеллектуальная деятельность человека”.

Функционирование слова *теплый* в пространстве поля “Интеллект человека” позволяет предположить, что ослабление какого-либо признака (**умный*), снижение интенсивности его проявления может метафоризироваться как снижение температуры (*теплый* ‘глупый’). На наш взгляд, заполнение ячейки *теплый* в рассматриваемом концептуальном поле все же несколько неожиданно. Вероятно, оно явилось результатом взаимовлияния нескольких фрагментов концепта **глупость**: смерть, аморфность, нехватка чего-либо, медлительность, бездеятельность.

Механизмы взаимодействия метафор внутри одного концептуального поля вызывают особый интерес, но могут быть представлены только в модусе предположительности. Вероятно, некоторые метафоры можно назвать синонимичными или частично совпадающими. Например, прослеживаются следующие аналогии. Глупому человеку приписывается *медлительность* (*тлюхтя* ‘неловкий, нерасторопный, глупый’ [СДЛ, 167], *тормозить* ‘плохо соображать’ [БСЖ, 592]), т.е. недостаточно активная деятельность, или *бездеятельность* (*досужий* [СРНГ 8, 150]; *безделяжный* /ср. *безделяжить* ‘бездельничать, заниматься пустяками’/ [СРНГ 2, 187]). Именно эти качества глупца сыграли решающую роль в привлечении лексемы *теплый* в поле “Интеллектуальная неполноценность человека”. *Глупость* и *смерть* сближаются в мотиве снижения активности, в одном случае – умственной, в другом – жизненной, и недостаток энергии вызвал к жизни метафору снижения температуры. Актуализации семы недостаточной активности способствовала продуктивная в изучаемом поле модель **нехватка** чего-л. – **глупость** (*иметь недочувств* [СРНГ 21, 35], *девьяносто девять чаек, а одной чайки нет; с редькой десять* [4, 31]; *у него не все дома: 99 не хватает до сотни* [5, 68];). Наконец, *теплый* как промежуточное температурное звено неявно ассоциируется с неопределенностью свойства – ‘ни горячий, ни холодный’. Вообще отсутствие устойчивых признаков получает крайне негативную оценку: *как оно* ‘очень глупый’ (фиксируется момент неразличения родовой принадлежности), *никакой* ‘совершенно тупой’ [о.и. 1997] (внутренняя форма – ‘не обладающий каким бы то ни было характеристическим признаком’). Возможно, и слово *теплый* осмысливается как ‘приближающийся по своему температурному значению к нулю’. Его динамическая составляющая, а в частности, движение к отметке “ноль”, обеспечивает его связь с мотивом *никакой, неопределенный*.

С другой стороны, антонимичные представления тоже могут провоцировать возникновение новых метафор, указывая свободные “ячейки”. Для случая с лексемой *теплый* противоположный полюс представляют собой концепты *жизнь, деятельность, норма, холод*. Выше было показано, что *теплый* приобрело значение ‘глупый’ в результате движения от первоначального представления о высокой температуре как “норме” жизненной температуры. Возможно, в сознании носителя языка есть представление о том, что температура “хороших”, адекватных реакций человека, активной деятельности должна быть больше нуля. Таким образом, *глупость* выталкивается из сферы *горячий*. Но напротив (в сфере *холодный*) есть другой ограничитель. Занятость сферы *ум* температурным прилагательным *холодный* не позволяет использовать его же для обозначения глупого человека, даже если бы носитель языка хотел актуализировать недостаток или отсутствие высокой температуры, которая является метафорическим аналогом активной деятельности, жизненной энергии.

Горячий – 1) имеющий высокую температуру; 2) полный силы, чувств, возбуждения, страстный; 3) производимый с помощью нагревания или при высоких температурах; 4) вспыльчивый, легко возбуждающийся; 5) напряженный, проходящий в спешной, напряженной работе [Ожегов, 141].

Выше говорилось о способности этого прилагательного метафорически характеризовать любую интенсивную деятельность. Не вызывает сомнений присутст-

вие семы *горячий* во фразеологизмах *бурлить решалкой* ‘интенсивно думать над чем-л.’ [БСЖ, 509], *чайник кипит у кого* ‘о состоянии переутомления при умственной работе’ [БСЖ, 664]. Можно вспомнить и ситуацию временной утраты способности соображать в ситуации аффекта: человек может реагировать быстро, но не умно, или вообще не реагировать. *Горячий* в значении ‘быстрый, скорый по реакции на какую-либо ситуацию’ актуализирует поспешность в принятии решений, преобладание эмоций над разумом, необдуманность поступков. Е.В. Рахилина определяет *горячий* как ‘интенсивный в эмоциональном отношении (в том числе в ущерб разуму)’ [1, 227].

Подводя итоги обобщения температурных реминисценций в концептуальном поле “Интеллект человека”, можно заключить, что области *холодный* и *горячий* участвуют в метафоризации полюса *ум*, ничуть не создавая противоречия. Будучи семантическими антонимами, они не являются “концептуальными антонимами”. Если холод связан с концептом души и эмоций (отсутствием таковых), то свойство *горячий* – с концептом *деятельности, жизни*. Метафоры *глупый – теплый* и *умный – горячий* подчеркивают деятельностный аспект работы ума, мышления.

Источники

- БСЖ – Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000.
Ожегов – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999.
О. И. 1997 – опрос информантов (носителей сленга), проведенный в 1997 г.
СДЛ – Лютикова В.Д. Словарь диалектной личности. Тюмень, 2000.
СРНГ – Словарь русских народных говоров. Л., 1966–, вып. 1–.

Список литературы

1. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.
2. Сукаленко Н.И. Образно-стереотипная языковая картина мира как отражение эмпирического обыденного сознания: Автореф. дис. ...д-ра филол. наук. Киев, 1991.
3. Головановская М.К. Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка. М., 1997.
4. Ивашко Л.А. Очерки русской диалектной фразеологии. Л., 1981.
5. Айрапетян В. Русские толкования. М., 2000.

© Леонтьева Т.В., 2002

Т.В. Попова
Екатеринбург

Когнитивные особенности деривационной семантики русского глагола

Интенсивное развитие когнитивной лингвистики обуславливает неизбежность нового осмысления традиционных объектов языкознания, в том числе деривационных. Среди многочисленных словообразовательных единиц, обладающих когнитивной значимостью (словообразовательных гнезд, парадигм и цепочек, способов словообразования, словообразовательных моделей и типов), особое место занимают

словообразовательные значения (далее – СЗ). Именно последние предопределяют семантику производных слов, различные комбинации которых и формируют комплексные деривационные единицы, названные выше.

За СЗ, как и за любыми языковыми значениями, скрываются определенные когнитивные структуры – концепты, “смыслы, составляющие когнитивно базисные подсистемы мнения и знания”²³. Анализ производных слов и свойственных им СЗ позволяет понять, “какое концептуальное или когнитивное образование подведено под “крышу” знака, какой квант информации выделен телом знака из общего потока сведений о мире”²⁴.

Представляется целесообразным попытаться выявить специфику таких словообразовательных концептов, тем более что вопрос о специфике грамматической категоризации мира и грамматических концептов уже поставлен и активно обсуждается лингвистами²⁵. Перспективным и интересным объектом исследования, на наш взгляд, является деривационная семантика русского глагола, поскольку она, с одной стороны, более сложна, неоднотипна, разноаспектна, чем у слов других частей речи, с другой – как любая грамматическая или лексико-грамматическая категоризация – “помогает переходить от более “наивного” отражения действительности [свойственного лексике. – *Пояснение наше*] в сторону более обобщенного и более опосредованного ее отражения”²⁶.

Анализ когнитивных структур, скрывающихся за СЗ русского глагола, позволяет предположить, что “деривационно оформленные” знания обладают некоторыми особенностями.

1. СЗ репрезентируют когнитивные структуры, являющиеся нечеткими понятиями, или понятиями с нечеткими краями. Существование именно таких структур знания целесообразно и необходимо для мышления человека, для функционирования его сознания: только такие понятия позволяют человеку категоризировать постоянно изменяющиеся явления действительности, называть их с помощью известных ему номинативных единиц, строить достоверные умозаключения при неполной информации и т.п.

1.1. СЗ не являются конструктами с четко ограниченным объемом и содержанием, поскольку практически любой компонент СЗ может быть нечетким множеством. Так, во всех типах СЗ (и мутационных, и модификационных) нежестко очерченным является тот компонент значения, который формулируется как “действие,

²³ Р. Павиленис. Язык. Смысл. Понимание // Язык. Наука. Философия. Логико-методологический и семиологический анализ. Вильнюс, 1986. С.241.

²⁴ Е.С. Кубрякова. Возвращаясь к определению знака. Памяти Р. Якобсона // Вопросы языкознания. М., 1993. № 4. С.23.

²⁵ Е.С. Кубрякова. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997; Г.А. Волохина, З.Д. Попова. Синтаксические концепты русского простого предложения. Воронеж, 1999; Е.С. Кубрякова. Когнитивные аспекты морфологии // Язык: теория, история, типология. Памяти В.Н. Ярцевой. М., 2000. С. 22-27; Н.Н. Болдырев. Когнитивная семантика. Тамбов, 2000 и др.

²⁶ Е.С. Кубрякова. Когнитивные аспекты морфологии // Язык: теория, история, типология. Памяти В.Н. Ярцевой. М., 2000. С. 25.

названное мотивирующим глаголом” (в дальнейшем – н.м.г.): качественная специфика такого действия никак не определена – это любое действие, которое может быть модифицировано способом, заданным словообразовательным значением.

1.2. Таковы же и субъектно-объектные семы СЗ. Семантические отношения типа "субъект - действие" и "действие - объект" должны быть отнесены, по мнению А.А.Уфимцевой, к константам сознания, они являются единицами концептуальной модели мира и не могут не присутствовать в языковой картине мира, но на разных уровнях языка выражаются неоднотипно, маркируются с разной степенью вероятности. Так, сема субъекта в СЗ часто имплицитна, не манифестирована отдельной лексемой в его толковании, в то время как сема объекта эксплицитна.

Субъект, по мнению Г.А.Золотовой и А.В.Бондарко, - это любая субстанция, являющаяся источником приписываемого ей неpassивного предикативного признака. На уровне деривационного глагольного значения субъект отражен в толковании СЗ лишь в том случае, если специализирован в качественном и количественном отношениях, например, СЗ 'с.д., субъектом которого являются взаимодействующие друг с другом одновременно субъекты': *сосуществовать*; 'с.д., производителем которого являются все субъекты' (СЗ распределительно-субъектного СГД): *повставать*; 'переместиться куда-либо в большом количестве': *набежать* и под.

В отличие от субъекта действия, объект действия, "зависимая от предиката неактивная субстанция, на которую направлен или которой так или иначе касается предикативный признак" (А.В.Бондарко) обычно представлен в толковании СЗ с помощью местоимений *кого/что*, реже с помощью конкретизаторов *со всех сторон*, *на многие части объекта*, *на все объекты* и под. Но такие конкретизаторы определены лишь в грамматическом аспекте: указывают на одушевленность/неодушевленность объекта и охватывают значительный по объему класс слов, обозначающих качественно разнородные явления.

1.3. В полипропозициональных мутационных СЗ русского глагола нечетким может быть и категориально-словообразовательная сема, фиксирующая следствие – результат совершения действия, н.м.г. В этом случае состояние, являющееся результатом совершения действия, н.м.г., передается в толковании СЗ с помощью нескольких семантически близких глаголов, которые относятся к “психологическим синонимам” (“углубить(ся), вникнуть во что-л., свыкнуться, освоиться, длительно совершая действие, н.м.г.”: *вдуматься*, *вжиться*), связаны родо-видовыми отношениями (“уничтожить(ся), израсходовать(ся), употребить, совершая действие н.м.г.”: *скормить*, *сглотать*) или являются антонимами (“приобрести / утратить какие-л. свойства, длительно совершая действие, н.м.г.”: *выбегаться* ‘долго бегая, окончательно перестать хотеть совершать это действие /т.е. потерять качество желания и приобрести новое качество удовлетворения тем, сколько раз совершил это действие/’).

1.4. В мутационных глагольных СЗ недостаточно определенно характеризуется и способ совершения действия, который является причиной появления фиксируемого словообразовательным значением следствия-состояния. В этом случае дифференциальная словообразовательная сема способа совершения действия может быть

представлена несколькими конкретизаторами, реализация каждого из которых влечет за собой появление зафиксированного в СЗ результата: “прекратить действие, н.м.г., после длительного / интенсивного / многократного его совершения”: *перебеситься* (весь комплекс факторов может действовать одновременно или в разных сочетаниях), *перебродить* (только после длительного брожения).

1.5. В монопозиционных модифицирующих СЗ достаточно размыты, допускают субъективное осмысление признаковые семы: “совершать действие, н.м.г., долго/какое-то время, со значительной/незначительной интенсивностью, многократно” и т.п.

1.6. В ряде глагольных СЗ неопределенны несколько сем сразу: категориально-словообразовательная и дифференциальные – “прийти в состояние удовлетворения, пресыщения (КСС), совершив действие, н.м.г. (ДСС 1), длительно, интенсивно, в достаточной степени или в избытке (ДСС 2)”: *набегаться*.

Если согласиться с тем, что в основе СЗ лежит фреймовая структура, то варьироваться могут как ее ядерная часть (см. мутационные СЗ с жестко заданной категориально-словообразовательной семой), так и слоты, связывающие данный фрейм с другими (см. СЗ с жестко или предельно широко заданными дифференциальными семами).

Таким образом, размытость, жесткость информации, фиксируемой СЗ, создается за счет недостаточной конкретизации различных его сем, но в то же время является обязательным признаком СЗ, которое должно объединять в “пространстве” производного слова значительный класс неоднородных ситуаций.

2. Анализ СЗ делает очевидным тот факт, что СЗ представляют собой концепты разного типа: пропозициональные структуры, фреймы, сценарии, схемы.

2.1. В исследованиях Е.С. Кубряковой убедительно доказана пропозициональность русских глагольных и отглагольных СЗ, отражающих один из компонентов ситуации (“тот, кто совершает действие, названное мотивирующим глаголом /далее – н.м.г./”), одну ситуацию (“совершать действие, н.м.г., N раз”) или комплекс взаимосвязанных ситуаций (“прийти в состояние удовлетворения /ситуация 1/, совершая действие, н.м.г., длительно или многократно /ситуация 2/”).

2.2. Модификационные СЗ (акционсартные СЗ, передающие значения СГД) задают разные модели отражения ситуации, видоизменяя последнюю в количественном, темпоральном, субъектно-объектном и ином аспектах (“совершать действие, н.м.г., N раз / долго / с незначительной интенсивностью и т.п.”).

Такие СЗ, как нам кажется, строятся на базе схематических когнитивных моделей. Схема как вид когнитивной структуры, фрейма, не имеет однозначного определения: М. Арбиб, Е.Д. Конклин и Дж.Хилл понимают под схемой сложный вид репрезентации, пучок семантических сетей и правил, посредством которых рецептируются и обрабатываются структуры “внешнего мира” во “внутреннем мире” человеческого сознания; Н. Стиллингс, М. Файнштейн, Дж. Гарфилд и др. максимально сближают схему с категорией и прототипом²⁷; другие ученые трактуют схе-

²⁷ А.П. Бабушкин, 1996. С.21-22.

му как мыслительный образец предмета или явления, имеющего пространственно-контурный характер²⁸. Представляется, что при определении сущности этого когнитивного образования необходимо учитывать основное значение существительного *схема*, которое хорошо коррелирует с ее пониманием как пучка семантических сеток, как пространственного контура явления. Такая интерпретация когнитивного явления, называемого схемой, будет максимально соответствовать модификационным грамматикализованным СЗ: они называют качественно не конкретизированное действие (единственное уточняющее определение – “действие, н.м.г.” – предполагает широкий круг обозначаемых ситуаций) и задают только схему модификации этого действия, сетку, под которую могут быть подведены самые разнородные ситуации.

2.3. Мутационные глагольные СЗ обычно отражают не одну, а две и более ситуации, обозначая действие и его причину (прийти в состояние усталости, совершая действие, н.м.г., слишком долго, интенсивно или многократно: *убегаться*), действие и его цель (совершать действие, н.м.г., неинтенсивно для отдыха: *прогуливаться*), действие и его результаты, следствия (перемещаться из одного места в другое, оказываться где-л., совершая действие, н.м.г.). Мутационные СЗ – в отличие от модификационных – “специализируются” на точном, а не обобщенном отражении связей между ситуациями, передают качественную специфику следствия, результата, цели и т.п.

Мутационные глагольные СЗ опираются на пропозициональные когнитивные модели категоризации, которые вычлняют элементы, дают их характеристику и указывают связи между ними. Большая часть структур нашего знания, по мнению Дж. Лакоффа, имеет форму пропозициональных моделей²⁹. Мутационные СЗ полипропозициональны, поскольку связывают несколько ситуаций воедино.

Вероятно, СЗ других частей речи могут отражать и другие когнитивные структуры. В целом вопрос о том, какие типы когнитивных моделей и фреймов могут репрезентировать русские СЗ, только поставлен и находится в стадии осмысления.

3. Пропозициональные и схематические когнитивные структуры, скрывающиеся за глагольными СЗ, могут обладать разной степенью сложности. СЗ русского глагола репрезентируют от 3 до 6-7 компонентов ситуации одновременно. Так, СЗ “совершать действие, н.м.г., не раз / один раз” (*кричать, крикнуть*) включает имплицитную сему субъекта и эксплицитные семы “совершать действие, н.м.г.” и “не раз/один раз”; СЗ “довести до нежелательного состояния (крайней усталости, бессилия исчерпанности) с помощью действия, н.м.г.” (*укачать*) – имплицитные семы субъекта и объекта воздействия, способа совершения действия (“длительно, интенсивно или многократно”) и эксплицитные семы следствия (“до нежелательного состояния”), причины (“с помощью действия, н.м.г.”) и модальности (“*нежелательное состояние*”).

²⁸ Н.Н. Болдырев, 2000. С.36.

²⁹ Н.Н. Болдырев, 2000. С.90.

4. Общеизвестно, что СЗ неоднотипны с точки зрения свойственного им уровня обобщения: традиционно среди них выделяют обобщенные и конкретные СЗ. Это позволяет предположить, что ядерные СЗ имеют прототипическую природу.

Прототипы какой-либо категории обладают наибольшей психологической выделенностью, когнитивной точкой референции, максимальной типичностью для данной категории, максимальной информативностью: они имеют наибольшее количество характеристик, общих с другими членами данной категории, и наименьшее количество признаков, характерных для других категорий. Прототипы характеризуются средним уровнем обобщения (не относятся ни к супер-, ни к субординатному уровням) и потому максимально удобны для обыденного сознания³⁰.

Чтобы убедиться в этом, достаточно проанализировать семантику одного из деривационных полей, например поля кратности. В нем нет максимально абстрактного суперординатного значения “совершить действие, н.м.г., N раз”. Данное поле разбивается на два или три подполя: подполе однократного, многократного и двукратного совершения действия. К последнему относятся СЗ, аналогичные следующему: “совершить действие, н.м.г., еще раз, повторно / иначе / дополнительно / для восстановления утерянного результата / в ответ на другое действие” (*переписать, прикупить, воссоздать, отдарить*). Такие СЗ фиксируют как минимум двукратное совершение действия.

СЗ именно этого второго уровня являются прототипическими для остальных значений, составляющих это поле: на базе этих смыслов, по терминологии Н.Ю. Шведовой³¹, порождаются суперординатное СЗ кратности вообще и субординатные СЗ третьего - шестого уровней: “совершить действие, н.м.г., один раз” > “совершить действие, н.м.г., один раз интенсивно/неинтенсивно”: *стегануть, сполоснуть* > “совершить действие, н.м.г., один раз, интенсивно, неожиданно”: *взвизгнуть* / “совершить действие, н.м.г., однократно, неинтенсивно, в течение короткого времени”: *прихворнуть*; “совершить действие, н.м.г., еще раз” > “совершить действие, н.м.г., еще раз, чтобы изменить его результат / чтобы восстановить утраченный, но необходимый результат / чтобы добавить что-л. / в ответ на другое действие”: *переписать, воссоздать, отдарить, прикупить* и т.д. Именно СЗ “совершить действие, н.м.г., один / два / несколько раз” являются базовыми, прототипическими, первыми актуализируются в сознании носителей языка при упоминании понятия “кратность”.

Таким образом, когнитивный анализ СЗ отчетливо показал, что словообразование эффективно обеспечивает “механизмы свертки более сложных и развернутых наименований в более компактные обозначения”, механизмы модификации воспринимаемой ситуации в сознании человека, способность представить и описать наблюдаемое явление по-разному³². Последнее, по мнению Е.С. Кубряковой, является главной особенностью когнитивной грамматики.

³⁰ Н.Н.Болдырев, 2000. С.76-78 и др.

³¹ Шведова Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над “Русским семантическим словарем” // Вопросы языкознания. М., 1999. № 1. С.3 – 16.

³² Е.С. Кубрякова. 2000. С.26.

Проведенный анализ глагольных СЗ свидетельствует о том, что обращение к когнитивным аспектам русского словообразования позволит глубже понять природу СЗ и скрывающихся за ними когнитивных структур, выявить особенности словообразовательной категоризации мира, определить, какие элементы человеческого опыта уже получили отражение в концептуальной и деривационно-языковой картине мира, с какой степенью дробности и глубина фиксируется словообразованием и средствами других уровней языка та или иная ситуация.

Список литературы

1. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов, 2000.
2. Волохина Г.А., Попова З.Д. Синтаксические концепты русского простого предложения. Воронеж, 1999;
3. Кубрякова Е.С. Возвращаясь к определению знака. Памяти Р. Якобсона // Вопросы языкознания. М., 1993. № 4.
4. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997.
5. Кубрякова Е.С. Когнитивные аспекты морфологии // Язык: теория, история, типология. Памяти В.Н. Ярцевой. М., 2000.
6. Р. Павиленис. Язык. Смысл. Понимание // Язык. Наука. Философия. Логико-методологический и семиологический анализ. Вильнюс, 1986.

© Попова Т.В., 2002

Е. А. Шудегова
Екатеринбург

Милитарная метафора в российском и американском политическом дискурсе

Исследование метафоры в политическом дискурсе – одно из наиболее перспективных направлений в современной когнитивной лингвистике (Дж. Лакофф, М. Джонсон; Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, А.П. Чудинов, Е. И. Шейгал). С точки зрения Дж. Лакоффа и М. Джонсона, “наша понятийная система носит преимущественно метафорический характер, наше мышление, повседневный опыт и поведение в значительной степени обуславливаются метафорой”. (Лакофф Дж.,

Джонсон М. 1990, с.387). Это объясняет широкое использование метафор в газетных текстах. Современная когнитивистика рассматривает метафору как “основную ментальную операцию, как способ познания, структурирования и объяснения мира” (Чудинов 2001, с.7).

Когнитивная лингвистика анализирует метафоры с позиций метафорического моделирования, сущность которого состоит в “раскрытии имплицитных параллельных значений, дополнительных к эксплицитно выраженному смыслу метафорических высказываний” (Многозначность в лексике современного русского языка 1999, с. 303). Таким образом, метафорическая модель представляет ту или иную денотативную сферу, используя при этом лексику, относящуюся в первичном значении к совсем иной сфере.

Важно отметить, что для современного политического дискурса характерно большое разнообразие метафорических моделей. Происходящие события могут представляться как “живой организм”, “механизм”, “театр”, “дом”, “растение”, “животное” и др.

В рамках когнитивного подхода метафорические модели характеризуются с помощью двух категорий – фрейма и сценария. Согласно Баранову А. Н. и Караулову Ю.Н., фрейм – это “описание типизированной ситуации, состоящее из слотов”. Каждый слот представляет собой некоторый тип информации, релевантный “для каждого фрагмента действительности” (Баранов, Караулов 1991, с. 188)

В отличие от фрейма, сценарий – это процедурный способ представления стереотипного знания. Таким образом, сценарий представляет собой последовательность ситуаций, типичных для той или иной модели. Именно что этот подход будет использоваться в данном исследовании.

Как уже было упомянуто выше, для современного политического дискурса характерно функционирование большого количества метафорических моделей. Одной из наиболее активных является милитарная метафора. Политическая деятельность все чаще ассоциируется с войной. Можно выявить несколько причин активного использования данной метафоры.

Во-первых, широкое распространение данной модели лингвисты объясняют исторически. Действительно, на протяжении многих веков человечество постоянно находилось в состоянии войны, поэтому военная лексика – это один из основных источников метафорической экспансии. “Богатый военный опыт, - пишет Чудинов А.П., – традиционно находил свое отражение и в национальной ментальности, военные метафоры как бы показывали наиболее эффективный путь для решения сложных проблем общества”. (Чудинов, 2001,с.104). В настоящее время на частотность использования модели оказывают также влияние террористические акты в России и других странах, войны в Афганистане и Чечне.

Кроме того, милитарная метафора как экспрессивное образное средство обладает воздействующей силой и повышает прагматичность текста. Основываясь на хорошо знакомых читателям конкретных образах, она создает эмоциональный фон повествования. Военная метафора представляет положение в обществе как напряженное, взрывоопасное, отражает накал политической борьбы и противостояние

сил. Для участников политических “баталий” характерна тревожность, враждебность, решительность, поэтому модель “Современная действительность- это война” обладает агрессивным прагматическим потенциалом.

Таким образом, милитарная метафора занимает важное место в образном представлении современной действительности и четко структурирована в обыденном сознании человека. Необходимо подчеркнуть, что широкое использование данной модели свойственно как для российского, так и для американского политического дискурса, что подтверждается анализом прессы.

Исследование модели войны показало, что в русском и английском языках наблюдаются очень похожие факты метафорического употребления. При переводе с одного языка на другой милитарная метафора в большинстве случаев сохраняется. Т.В. Шмелева объясняет это тем, что “современные средства массовой информации составляют уже своеобразный медиальный интердискурс, в котором различие отдельных языков – вещь чисто поверхностная”. (Шмелева 2001, с. 5) При этом она оговаривается: “...было бы легкомысленно утверждать, что не следует ожидать различия в деталях, но если речь идет только о самой оптике (т. е. модели), мы рискуем не очень”. (Шмелева 2001, с. 5).

Итак, современному обществу свойственно осмысливать политические события в терминах войны. При этом включается весь “сценарий”: объявление войны, ведение боевых действий с использованием различного вооружения, возможность ранения и смерти, победа или поражение. Такой подход вовлекает в действие большой круг лексики, что может быть продемонстрировано на примерах из русской и американской прессы.

Прежде всего, необходимо отметить, что в армии существуют различные воинские подразделения, все военнослужащие имеют звание. Отсюда в политической деятельности партия, объединение, блок часто метафорически обозначается как дивизия, полк, взвод, отряд, гвардия. Политики и государственные деятели становятся генералами, солдатами, рядовыми. Ср.:

По словам представителя президента РФ в Госдуме Александра Котенкова, “аппарат ЦК (КПРФ) почти сплошь состоит из штатных помощников депутатов, получающих зарплату”. А ведь есть еще целая армия помощников на общественных началах, зарплату не получающих, но пользующихся, к примеру, бесплатным проездом на транспорте (опять же за казенный счет) (Аналитический центр АиФ).

14 кандидатур (среди них и сама Татьяна Миткова, и Вячеслав Грунский, и Юрий Липатов, Борис Кольцов – практически вся оставшаяся “старая гвардия”) выдвинул коллектив, после чего Миткова сказала: “Это полностью совпадает с подготовленным мною собственным списком” (О. Костенко).

В. Игунов, один из создателей партии “Яблоко” и некогда ближайший соратник Г. Явлинского, сделал сенсационное заявление. Он объявил о том, что снимает с себя полномочия руководителя московской организации. Реакция не заставила себя ждать, и на заседании Центрального совета “Яблоко” в последнюю субботу сентября раскольник был разжалован до рядового партидца (А. Колесни-

ченко, В. Цепляев).

The Defense secretary, an ebullient warrior who has overseen the U.S. military effort in Afghanistan, told reporters that the president's speech “had near-perfect clarity” [Министр обороны, полный энтузиазма воин, который предвидел военные действия США в Афганистане, заявил репортерам, что речь президента была очень ясной.] (Michael Hirsh, Roy Gutman).

Военные несут службу, проходят строевую подготовку. Ср.:

Выборы – короткое, но сладкое время для специалистов черных технологий. Главное – хорошо замаскироваться, чтобы не выловили, и срубить с богатого кандидата “бабки”. Десятки тысяч долларов, заплаченные за такую службу, заставят не только в сельском клубе отключать свет (Н. Александрова).

Есть и более яркие признаки ревизии ельцинского наследства. “Строевая подготовка” для губернаторов, привыкших при Б. Ельцине к полной бесконтрольности (Т. Нетреба, А. Угланов).

In fact, Powell appears to be soldiering on loyally beside his chief – and still winning small but important internal battles [В действительности, Пауэлл верно служит рядом со своим руководителем и выигрывает маленькие, но важные внутренние битвы.] (Michael Hirsh, Roy Gutman).

Армия призвана стоять на страже порядка и поэтому готова в любой момент вступить в борьбу с противником. Однако возникающие конфликты часто можно разрешить мирным путем, для этого заключают пакт о ненападении. Ср.:

В конце января Евгений Примаков предложил ветвям власти заключить “пакт о ненападении” (В. Цепляев).

В условиях, когда конкуренция внутри оппозиции обостряется, председатель ЦК КПРФ, кажется нашел способ поддержать свой авторитет – заключить “пакт о ненападении” с Ю. Лужковым (В. Цепляев).

К сожалению, сохранить мир не всегда удастся и тогда начинается война. По данным российской и американской прессы в современном обществе ведутся: “cold war” - “холодная война”, “war on drugs” – “война с наркотиками”, “Washington's policy wars” - “политические войны Вашингтона”, “война компроматов”, “статусные войны”, “война с прошлым”, “война амбиций”, “алюминиевая война”, “война против частной собственности на землю”, “война с партией власти”. Ср.:

Между тем отечественные инвалиды информационных войн ковыляют в “Останкино”, откуда строго выговаривают странам и континентам (Г. Павловский).

Ярый сторонник ядерного разоружения, он (Тед Тернер) сообщил президенту (Путину), что готов отдать немалые деньги на уничтожение российских ядерных боеголовок, с тем, чтобы поставить точку в “холодной войне” (Е. Штайгер).

Large amounts of U.S. resources are now being devoted to the fight against terrorism and much less to the war on drugs [Большое количество сил США сейчас отданы борьбе с терроризмом и намного меньше войне с наркотиками.] (Mary Jordan).

At 46, Lindsey has decades of experience in Washington's policy wars [В 46 у Линдсея был огромный опыт в участии в политических войнах Вашингтона.]

(Martha Brant).

Война объявлена, и далее по сценарию для достижения результата необходимо тщательно продумать все действия, разработать тактику (tactics) и стратегию (strategy). Ср.:

Слияние “Единства” и “Отечества” не стало сенсацией для искушенных наблюдателей. Оно было предопределено стратегией Кремля и готовящимся законом о партиях (Виталий Цепляев).

Все органы власти должны иметь четкую стратегию долгосрочного развития подконтрольного им региона, без которого экономическое и политическое руководство сродни блужданию в темном лесу, и эта стратегия должна быть принята гражданами (Анатолий Серебряков).

На самом деле идея трех колонн (на выборы в Думу) – не столько тактический замысел, сколько следствие внутрипартийной борьбы и амбиций отдельных лидеров (Виталий Цепляков).

This is not an easy time to be a Democrat Survival Strategies are required [В настоящее время нелегко быть демократом. Требуется стратегия выживания] (Howard Fineman).

After false starts and backroom feuds, they have cobbled together a battle plan. The tactical doctrine: be patient, attack – but very carefully [После неверного начала и вражды они разработали вместе план битвы. Тактика: будьте терпеливы, атакуйте, но осторожно.] (Howard Fineman).

Use guerrilla tactics. Assault procedurally, not frontally...Another tactic: demand repeated votes on raising the ceiling on the national debt [Используйте партизанскую тактику. Атакуйте с тыла, не в лоб... Другая тактика: требуйте повторного голосования, чтобы поднять допустимый предел национального долга.] (Howard Fineman).

После выработки тактики и стратегии, на политическом фронте начинается расстановка сил, укрепление позиций, маневры, воины разрабатываются средства защиты и маскировки. Ср.:

Сегодня путь Горбачева повторяет Зюганов. И совершает почти те же ошибки. Он истощает свой политический темперамент в маневрах (В. Костиков).

Ясно как божий день, что такое важное событие, как рождение новой партии, не может обойтись без участия Кремля. А там все очень сложно и запутанно, особенно в той части, на кого ставить как на лидера? Если им станет Е. Гайдар, то на правом фланге будут дрейфовать “Яблоко” и СПС. Никакой перспективы их слияния или даже простой дружбы не предвидится: Явлинский и Гайдар, мягко говоря, друг друга не любят. При этом Кремль признает, что сильная правая партия ему нужна хотя бы для маневрирования в парламенте между двумя гигантами – партией власти и КППФ... Если лидером станет Б. Немцов, то объединение с “Яблоком” вполне вероятно. Но одновременно на правом фланге возникает очень мощная сила, которая может стать сильным конкурентом на президентских выборах” (А. Угланов).

В противостоянии с Примаковым Борис Абрамович рискует потерять ОРТ и должность исполсека СНГ, поэтому укрепление позиций главы главы правитель-

ства не входит в его планы (В. Цепляев).

Нарушители (недобросовестные налогоплательщики) используют очень красивый образный язык для того, чтобы закамуфлировать свои выкрутасы (Г. Букаев).

Смысл интриги с объединением (Ю. Лужкова и С. Шойгу) не ограничивается созданием “дымовой завесы” (В. Цепляев).

Далее по сценарию начинаются непосредственно боевые действия. Сначала участники политических баталий атакуют. При обозначении наступательных действий используются следующие номинативные единицы: “атаковать”, “нападать”, “отбивать у врагов”, “захватывать”, а также “прорыв”, “штурм”. Ср.:

В чем же истинная цель атаки на Степашина? Глава Счетной палаты очень активно взялся за расследование того, куда “утекают” бюджетные деньги (А. Угланов, Т. Нетреба).

Всю неделю политологи шумели и пугали народ – мол, власть в России захватывают питерские (Г. Павловский).

Путин понимает, что Россия должна идти по капиталистическому пути. И это хорошо. Плохо, что он не может спокойно воспринимать критику, нападает на средства массовой информации (А. Угланов).

Рассказывают, что находящийся во Франции Б. Березовский в последнее время всерьез увлекся подготовкой осеннего наступления на власть (А. Кондрашов).

В любом случае В. Путину сейчас нелегко. Совершенно ясно, что ему очень хочется сделать некий прорыв в наших отношениях с западными демократиями (А, Угланов).

The Senate's Democrats, meeting in private, were learning that they didn't have to attack President George W. Bush's [Демократы в Сенате, в частной беседе решили, им не нужно атаковать Джорджа Буша] (Horward Fineman).

Однако постепенно силы у одной из враждующих сторон иссякают, приходится уже не атаковать, а держать оборону или отступать. Ср.:

В результате большинство населения до сих пор не понимает, что же произошло с социализмом в России – окончательно ли проиграл он в историческом соперничестве с капитализмом или у нас временное отступление, очередная недолгая “оттепель” и новый Андропов уже стучится в нашу дверь (В. Костиков).

The administration made a limited tactical retreat as pressure increased to fully disclose its ties to Enron [Когда давление возросло, правительство произвело небольшое тактическое отступление и полностью прекратило контакты с Enron.] (Horward Fineman, Michael Isikoff).

Bush cannot afford to spend his first month in office fending off attacks on his nominees [Буш не может себе позволить провести первый месяц в кабинете, отбивая атаки на предложенных им кандидатов.] (Evan Thomas).

Участники политических сражений используют различные виды вооружения и другие средства ведения боя. Оружие может быть и современным (танк, винтовка), и устаревшим (копье, стрела, дубина). Воины готовят боеприпасы (мины замедленного действия,

патроны, снаряды). Ср.:

Вы знаете, еще при Б. Ельцине могло показаться, что Счетная палата – дубина против прогрессивных начинаний (В. Старков).

У телевидения одна функция – это всегда что-то орудие. Никаких других функций на сегодняшний день у него быть не может (А. Невзоров).

Сочетание Лебедь – Быков не могло не вызвать вопросы с самого начала. Всякий здравомыслящий человек должен был понимать, что это мина замедленного действия (П. Морозов).

В ходе боевых действий появляются жертвы и разрушения, участники битв могут быть ранены или убиты. Ср.:

С. Степашин, так и не успев показать себя в деле, пал жертвой “семейных интриг” (Т. Нетреба, А. Угланов).

Ради решения этого (земельного) вопроса правительство из всех сил шло на компромисс. И, тем не менее, депутаты вновь чуть не убили друг друга (М. Кактурская).

Кто вправе противопоставить людей, состоящих в межнациональном браке, имеющих общих детей, которые одинаково любят свою русскую мать и отца башикура? Может быть, подобного рода “теории” и породили чеченский кризис, упомянутый автором, превратив его в кровоточащую рану России (Шейх Нафигулла Аширов).

Price on bereavement wounds families anew [Выплаты семьям погибших ранят снова.] (Е. J. Montini).

В конце концов, война все же заканчивается. Одни участники столкновений одерживают победу, а другие терпят поражение. Ср.:

Что получается: по первому же слову Лебеда Примаков бросился топить его врага, то есть завоевывать дармовую победу не себе, кому-то другому (П. Морозов).

Президентские выборы в Казахстане закончились так, как и следовало ожидать: полную и безоговорочную победу на них одержал Нурсултан Назарбаев, обеспечивший себе руководство республикой на ближайшие семь лет, а возможно, и на больший срок (В. Михневич).

Как и 4 года назад, Кремль и на этот раз вел счет своим победам и поражениям в борьбе с неудобными губернаторами (В. Цепляев).

Очередным моментом истины стала война в Чечне. Чеченский водораздел, на мой взгляд, стал основной причиной и поражения демократов на выборах в Думу в декабре 1995г. (С. Юшенков).

The White House says the fight is “Lott's to win or lose” [В Белом доме говорят, что борьба закончится либо победой Лотта, либо поражением.] (Eleanor Clift).

But Pickering is a favorite of fellow Mississippian Trent Lott, who says the judge will win confirmation [Пикеринг – любимчик Трента Лотта, который говорит, что судья одержит победу и займет пост.] (Eleanor Clift).

It is hard to defeat someone who comes from the Senate if he has a fairly decent reputation [Очень трудно нанести поражение тому, кто пришел из Сената и имеет

отличную репутацию.] (Evan Thomas).

Итак, из приведенных примеров видно, что метафорическое употребление военных терминов распространено как в российской, так и американской прессе, оно подчиняется “сценарному” принципу и вовлекает большое количество лексики в газетные тексты. Политические события метафорически рассматриваются как военные действия, партии и объединения как воинские подразделения, а политики – как военнослужащие. Модель “Современная действительность – это война” обладает широкой возможностью для формирования эмотивных смыслов тревожности, враждебности, опасности. Милитарная метафора характеризует положение в обществе как напряженное, взрывоопасное и обладает агрессивным прагматическим потенциалом.

Список литературы

1. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора: (Материалы к словарю)/ АН СССР, Ин-т рус. яз. – М.: ИРЯ, 1991.
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем.// Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз/ Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. - М.: Прогресс, 1990.
3. Многозначность в лексике современного русского языка: Монография/ Под. ред. А. П. Чудинова. Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 1999.
4. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург, 2001.
5. Шмелева Т. В. Морбуальная оптика.// Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества/ Урал. гос. пед. ун-т; Отв. ред. А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2001.- Т. 7

© Шудегова Е.А., 2002

Раздел 3. Лингвокультурология

Е.Л. Березович
Екатеринбург

**К символике пространственных отношений
в русском языке**

(на примере оппозиции “далекое-близкое”)

Пространственные отношения могут быть выражены в языке как напрямую, так и опосредованно, с помощью лексики и идиоматики, “пришедшей” к пространственным смыслам через другие – смежные и отдаленные. Именно такие опосредованные способы реализации пространственных отношений наиболее интересны для

выявления особенностей организации соответствующего фрагмента картины мира, поскольку демонстрируют закономерности наивного восприятия пространства, где абстрактные категории оказываются порожденными конкретными представлениями, приобретающими статус символа. В настоящей статье анализируется языковая символика дистанционных отношений – параметров “далеко” и “близко”, являющихся одной из базовых пространственных оппозиций.

При описании полюсов этой оппозиции к анализу привлекаются лексические и фразеологические единицы (извлеченные из словарей русского литературного языка, а также из диалектных словарей и ономастических картотек), в концептуальном ядре значения которых представлены семы ‘далеко’ или ‘близко’, а также топонимы, имеющие соответствующие коннотации (коннотация в топонимии проявляет те же свойства, что и аналогичное явление в сфере апеллятивной лексики: логическую факультативность и, вместе с тем, устойчивость, имеющую языковую верификацию; в данном случае верификация может быть осуществлена при анализе семантических связей в парадигме названий одного объекта, связей в рамках семантической микросистемы онимов, закономерностей объектной соотнесенности имен). Рассматриваются только факты с более или менее прозрачной внутренней формой. При подаче материала выделяются идеографические разделы – “доноры” для языковых единиц с анализируемыми значениями (“Ландшафтные реалии”, “Человек” и т.п.). В рамках этих разделов единицами описания становятся базовые лексемы, входящие в состав фразеологизмов или являющиеся производящими для семантических дериватов, а также топонимов; после базовой леммы приводятся примеры соответствующих языковых единиц с паспортизирующей справкой. Иногда один и тот же факт включается в две рубрики (к примеру, в составе идиомы *за горами, за долами* символика удаленности реализуют оба компонента); в таких ситуациях соответствующий языковой факт с паспортизирующей справкой приводится один раз – в первой по ходу подачи материала рубрике, а в нижеследующей рубрике дается отсылка.

ДАЛЕКО

ЛАНДШАФТНЫЕ РЕАЛИИ:

вир (*вир* ‘омут, водоворот’ [СРНГ 4, 291]): *в виру на дне (на дну)* ‘за тридцать земель’ [СРНГ 4, 291]; **вода**: *не за одну воду* ‘далеко’ [СРГК 4, 150]; **волок** (‘лесная дорога’ [ЛК ТЭ]): *волок* ‘дальний путь’, ‘дальний лес или сенокос’ [ЛК ТЭ]; **гора**: *за горами, за долами* ‘очень далеко’ [ФСРЛЯ 1, 156] (ср. также реализацию модели “от обратного”: *не за горами* ‘неподалеку, очень близко’ [ФСРЯ, 116]); **дол**: см. “гора”; **земля**: *за тридцать земель* ‘очень далеко (жить, уехать, находиться и т.п.)’ [ФСРЯ, 173], *втриземель, втриземелье* ‘очень далеко’ [ЛК ТЭ], *на краю земли* ‘очень далеко’ [ФСРЯ, 211]; **кулички, кулижки** (*кулижка* ‘участок из-под леса, расчищенный под пашню’, ‘рукав поля, покоса’ и др. [СРНГ 16, 64–65], *кулички* ‘лесные полянки’ [ЛК ТЭ]): *у черта на куличках* ‘очень далеко’ [Даль ПРН 2, 495]; *у черта на куличках* ‘очень далеко, в отдаленных глухих местах (быть, жить, селиться и т.п.)’, *к черту (чертям) на кулички* ‘очень далеко, в отдаленные, глухие места (уезжать, отправляться и т.п.)’ [ФСРЯ, 523–525]; **лес**: прост. *сто верст до небес и*

все лесом 'о дальней и трудной дороге'; **море**: *заморские страны, города и т.п.* 'о далеких странах, городах и т.п.' [ССРЛЯ 4, 687]; **небеса**: см. "лес"; **свет** (**белый свет**): *по край света* 'далеко, неизвестно куда' [СРГК 4, 557], *дальше света* 'очень далеко' [1, 127], *на край света* 'куда-нибудь очень далеко, куда угодно (идти, бежать и т.п.)' [ФСРЯ, 211]³³; **сосны**: *к семи соснам* 'очень далеко' [Прокошева, 94]; *сузём* ('дремучий лес' [ЛК ТЭ]): *сузём* 'дальний лес' [ЛК ТЭ]; **тайга**: *тайга* 'удаленное место' [АОС 10, 254]; **толша** ('отдельный лесной массив' [ЛК ТЭ]): *затолишь* 'удаленное, глухое место, захоlustье' [ЛК ТЭ]; **чаща**: *чаща* 'удаленное место' [АОС 10, 254]; **чистое поле**: *чистое поле* ('фольк.) о далеких краях, дальнем пределе'³⁴; **холм**: *на девятом холму молоть мужу* 'находиться далеко' [ЛК ТЭ]; **шалга** ('лесная поляна' [ЛК ТЭ]): *шалга* 'удаленное место' [АОС 10, 254]; **шелом** ('холм' [ЛК ТЭ]): *на девятом шеломе* 'далеко' [ЛК ТЭ; КДЭИС], *на седьмом шелому* 'далеко' [Лютикова, 88].

МЕРЫ И ПРЕДЕЛЫ:

верста: *за версту, за две версты* 'издалека' [ФСРЯ 1, 69]; **край**: *украина* 'дальние деревни' [ЛК ТЭ], *на краю жительства* 'на краю света' [СРГК 2, 66], *идти куды вкрай* 'уходить подальше' [ЛК ТЭ]; см. также ЛАНДШАФТНЫЕ РЕАЛИИ ("земля", "свет"); **сторона**: *усторонок, устороны* 'глушь, отдаленное поселение' [Грандилевский, 289]; **черта**: *под три черты* 'очень далеко' [СРДГ 3, 192].

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ КОНФИГУРАЦИИ И ИЗМЕРЕНИЯ:

задний: *задний* 'дальний, последний, конечный в ряду чего-л.' [СРНГ 10, 58], *заднее полё* 'поле, расположенное вдали от дома, от усадьбы' [Прокошева, 78]; ср. также данные топонимии, где *задние* названия выступают в коррелятивных парах с *ближними*: *Ближняя Литовка – Дальняя (Задняя) Литовка*, *покосы, Ближняя Митинга – Дальняя (Задняя) Митинга*, *реки, Ближний Запесок – Средний Запесок – Задний Запесок*, *покосы*³⁵ и т.п.; **около** ('устар. вокруг чего-н.' [СРЯ II, 608]): *околок* 'отдаленное, глухое место в лесу' [СРГК 4, 181], *окольной полё* 'поле, расположенное вдали от дома' [Прокошева, 78], *околица* 'пашня, отдаленная от села, деревни' [СРНГ 23, 139]; **кут** ('угол' [ЛК ТЭ]): *закутьё* 'отдаленное место, находящееся в стороне от чего-нибудь' [СРГК 2, 146]; **угол**: *медвежий угол* 'отдаленное, глухое малонаселенное место; захоlustье' [ФСРЯ, 489], *в углу* 'далеко' [КДЭИС]; **широкий, ширина**: *ширина* 'удаленное место' [АОС 10, 254], *широко* 'далеко' [КДЭИС].

ОБЪЕКТЫ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО МАКРОМИРА³⁶:

³³ Слово *свет* ('земля со всем существующим на ней, мир, вселенная' [СРЯ IV, 45]), не являющееся обозначением ландшафтной реалии, включено в данную группу условно.

³⁴ Эпитет *чистое* употребляется в русских песнях только для определения отдаленного поля, места, оно никогда не употребляется по отношению к близкому полю, на котором работает крестьянин [СРФ, 459].

³⁵ Весь приводимый здесь и далее топонимический материал извлечен из картотек топонимической экспедиции Уральского университета по территории Русского Севера (Архангельская, Вологодская и Костромская области), поэтому при подаче топонимов паспортизация не проводится. В отдельных случаях даются мотивационные контексты – объяснения топонимов информантами.

³⁶ В эту рубрику могут входить как "заморские страны", так и географические макрообъекты

Амур: *амуры* ‘отдаленное место’ [СРНГ 1, 252]; **Ирбит:** *уйти в ирбит (ирбить)* ‘уйти очень далеко’ [ЛК ТЭ]; **Можай:** *за (в) можай загнать* ‘отправить, выслать очень далеко, в самые отдаленные места’ [СОГ 6, 135]. В топонимии: **Америка:** *Америка*, покос – “дальний покос был”; *За Америкой*, лога – “далеко дак, поэтому За Америкой. Бабы говорили: “Куда пошла косить? А За Америкой”; **Воркута:** *Воркута*, урочище – “мужики называли эдак после войны уж, далёко от деревни”; **Заполярье:** *Заполярье*, поле – “это Заполярье считалось, ото всех сзади”; **Иерусалим:** *Ерусалим*, поле – “дальнее поле, далеко до него, как до Ерусалима”; **Камчатка:** *Камчатка*, покос – “в углу была, вот и Камчатка”; **Китай:** *Китай*, покос – “самая последняя наша пожня”; **Питер:** *Питер*, покос – “дней на 10 ездили косить – вроде как в Питер съездили”; *Гогин Питер*, поле – “далеко она, сама последняя новина, потому и Питер”; **Сахалин:** *Сахалин*, часть деревни – “Сахалин почти в самом конце деревни, далеко до него”; *Сибирь*, поле – “далеко поле, вот и Сибирь”; **Тайвань:** *Тайвань*, урочище – “ушла за Тайвань – заблудилась”; **Турция:** *Турция*, деревня – “далеко Турция, автобусы не ходили в ту сторону, вот и прозвали так”; **Туруханский Край:** *Туруханский Край*, куст деревень – “далеко и бездорожье дикое”; **Финляндия:** *Финляндия*, часть деревни – “на отставу она, подальше от других”. Ср. также прозвище жителей деревни Хлыщево *китайцы* (имеющее показательный параллельный вариант *лопарь*) – “от сельсовета самая крайняя деревня с той стороны”.

ЧИСЛОВАЯ СИМВОЛИКА:

не один: см. ЛАНДШАФТНЫЕ РЕАЛИИ (“вода”); **три:** *под три холеры* ‘очень далеко’ [СРДГ 3, 181]; см. также МЕРЫ И ПРЕДЕЛЫ (“черта”), ЛАНДШАФТНЫЕ РЕАЛИИ (“земля”); **семь:** *за семь верст киселя хлебать* ‘далеко и попусту идти, ехать, тащиться и т.п. куда-либо’ [ФСРЯ, 507], прост. *не за семь верст* ‘недалеко, близко’; *к семи лешиш* ‘очень далеко’ [СПГ 1, 478]; см. также ЛАНДШАФТНЫЕ РЕАЛИИ (“сосна”, “шелом”); **девять:** *на девятом суку* ‘неизвестно где, где-то, далеко’ [АОС 10, 402]; *на девятом кирпиче* ‘далеко, высоко’ [АОС 10, 402]; *на девятом суку молоть муку* ‘находиться далеко, неизвестно где’ [ЛК ТЭ]; см. также ЛАНДШАФТНЫЕ РЕАЛИИ (“холм”, “шелом”). Ср. в топонимии: *Девятое Поле* – “самое далекое поле”; **тридцать:** см. ЛАНДШАФТНЫЕ РЕАЛИИ (“земля”); **сто:** см. ЛАНДШАФТНЫЕ РЕАЛИИ (“лес”).

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ:

ветер: *с ветру* ‘издалека, неизвестно откуда; неизвестный, пришлый (о человеке)’ [2, 77] (ср. также: *прийти, приехать с ветру* ‘явиться с чужой стороны’ [СРГК 1, 186]).

ЖИВОТНЫЕ И ПТИЦЫ:

медведь: *медвежий угол* ‘отдаленное, глухое малонаселенное место; захолустье’ [ФСРЯ, 489]. Эта идиома отражена в топонимии: на территории Русского Севера имеется 8 топонимов *Медвежий Угол (Уголок)*; **ворон, ворона:** *где наши вороны не летают* ‘далеко, в чужих краях’ [СПГ 1, 119]; *ворон костей не носит* ‘глухой, такой, где

своей страны. Последние, как правило, пространственно удалены от носителя традиционной культуры, но при этом обладают широкой известностью, вводящей их имена в фонд прецедентных имен традиции.

никто не бывает' [НОС 2, 137]; *куда ворон костей не заносил (занесет, заносит)* 'очень далеко, в самые отдаленные места (выслать, загнать, попасть и т.п.)' [ФСРЯ, 78] и др.; **птица: на птичий полёт** 'на большое расстояние, далеко' [ФСРГС, 144].

ЧЕЛОВЕК:

лес (в противопоставлении *бабе*): *Дедков Лес (Бор)* – “Бабий Лес близко, а в Дедков Лес пойдешь – сапоги надо одевать”; “в Бабкин Лес бабки по красули бегали, а в Дедков Бор не сразу попасть можно, там чабра такая, только мужик в болотниках пройдет”. Данный топоним – единственный в нашем материале: если *бабьи* объекты окружают населенный пункт, то *мужские* объекты – “все остальные”, поэтому соответствующие топонимы не могли бы реализовывать дистинктивную функцию.

СВОЙСТВО:

чужой: чужбина 'дальний лес, глухое место в лесу' [ЛК ТЭ].

ПЕРЦЕПЦИЯ (ЗРИТЕЛЬНЫЕ И СЛУХОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ):

глаза (очи) глядеть: *куда очи глядят* 'далеко, куда-нибудь' [СРНГ 8, 253], *в поть глаз* 'куда-нибудь очень далеко, без определенного направления' [1, 129] и др.; **глухой: глухота** 'удаленное место' [АОС 10, 254], *глухомань, глушь* 'отдаленное поселений, пустынное место' [СРЯ I, 318], *заглушинный* 'отдаленный, глухой (о месте)', *заглушь, заглушье* 'отдаленное от культурного центра место, глушь' [СРГК 2, 105]; **тьма: тьма** 'даль, глушь' [ЛК ТЭ].

ЧАСТИ ТЕЛА:

глаза, очи: см. ПЕРЦЕПЦИЯ; **голова:** *куда голова понесет* 'куда-нибудь далеко' [1, 129].

ПЕРЕДВИЖЕНИЕ:

забегать: *в забеге* 'в глуши, в отдалении' [СРГК 2, 79]; ***не добежать:** *бегом не ускокить* 'далеко, недоступно без транспорта' [Лютюкова, с. 7]; **отходить:** *на отходе* 'далеко' [ЛК ТЭ] (ср. также *на отходе* 'на отшибе, в стороне' [СРНГ 24, 354]), *отхожий* 'отдаленный, отъезжий (о покосе)' [СРГК 4, 339].

БЫТОВЫЕ СИТУАЦИИ:

не вешать хомут (о чертях): *где черти хомуты не вешали* 'очень далеко, в отдаленных, глухих местах' [1, 129]; **не гонять (доить, пасти) телят (коз и т.п.):** *куда Макар телят не гонял* [ФСРЛЯ 1, 364], *где Макар быков не пас* [СРГК 1, 152], *где Макар коз не даивал; куды Макар коров не гонял; где комар телят не пас* 'очень далеко, в самые отдаленные места (послать, выгнать, загнать и т.п.)' [1, 128]; **не сушить портянки (о лешем):** *где леший портянки не сушит* [ЛК ТЭ]; **ночевать (вне дома):** *ночь* 'дальний покос, где оставались ночевать' [ЛК ТЭ]; **празднование окончания жатвы** (соломат, дежень, канунец): *Соломатница*, покос – “назвали, потому что самый дальний покос. Когда раньше косили, завершали весь покос, соломат мешали”, *Соломатной Лог*, поле, *Деженное*, поле – “это поле у нас последним убирали”, *Канунцы*, покос – “Канунцами назывались, потому что сенокос ими завершали, самый далекий покос” (данные топонимы образованы от названий “специализированных” блюд, готовившихся по случаю окончания уборочных работ: *соломат* 'жидкое кушанье из крупы или толокна, готовившееся обычно по окончании уборки урожая', *дежень (дежён)* 'блюдо из толокна со сметаной или простоква-

шей, которое, как правило, готовилось по окончании уборки урожая' [ЛК ТЭ]; *канунец* 'пиво, брага, приготовленные к празднику; местный праздник в честь святых весной или осенью, сопровождающийся молебном, угощением в складчину' [СРНГ 13, 44–45]. Эти топонимы обозначают наиболее удаленные поля, которые убирались в последнюю очередь и на которых проводился ритуал дожинок).

ДЕМОНИЧЕСКИЕ СУЩЕСТВА:

жихорь (*жихарь, жихорь* 'злой дух – черт, леший и т.п.' [ЛК ТЭ]): *у жихоря* 'об очень отдаленном месте' [СРНГ 9, 198]; **леший**: *к семи лешим* 'очень далеко' [СПГ 1, 478], *на леший след* 'очень далеко, неизвестно куда' [СРГК 3, 121]; **черт**: *у черта на рогах* 'очень далеко, в отдаленных глухих местах (быть, жить, селиться и т.п.)' [ФСРЯ, 523], *черт знает где* 'очень далеко или в очень плохих условиях', *черт-те откуда* 'из очень отдаленного места' [ФСРЛЯ 2, 369], *черти ни в кулачки не бьют* 'очень далеко' [ФСРГС, 217]; см. также БЫТОВЫЕ СИТУАЦИИ; ЛАНДШАФТНЫЕ РЕАЛИИ ("кулички").

БОЛЕЗНЬ:

холера: см. ЧИСЛОВАЯ СИМВОЛИКА ("три").

БЛИЗКО

МЕРЫ И ПРЕДЕЛЫ:

край: *вскрай* 'близ, неподалеку, около' [СРНГ 5, 204], *окарай* 'возле, рядом' [СРГК 4, 188]; **лапоть**: *два лаптя* 'очень близко' [ЛК ТЭ]; **шаг**: *один только шаг, в трех (двух) шагах* 'совсем близко, недалеко' [ФСРЛЯ 2, 377–378], *шаг шагнуть* 'близко' [ЛК ТЭ].

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ КОНФИГУРАЦИИ:

около ('устар. вокруг чего-н.' [СРЯ II, 608]): *около* 'возле, рядом' [СРЯ II, 608], *околес* 'близко, рядом' [СРНГ 23, с. 137]; **ряд**: *рядом* 'по соседству, очень близко' [СРЯ III, 750]; **узкий**: *узко* 'близко' [3, 569].

ЧИСЛОВАЯ СИМВОЛИКА:

один: см. МЕРЫ И ПРЕДЕЛЫ ("шаг"); **два, три**: см. МЕРЫ И ПРЕДЕЛЫ ("шаг", "лапоть").

ДОМ И ДВОР:

ворота: *у ворот* [Даль ПРН 2, 492]; **дом**: *домашний лес* 'ближний лес', *домашняя тоня* 'тоня на той стороне, где стоят жилища, обыкновенно начинающаяся тут же от вешал' [СРНГ 8, 117]; ср. также в топонимии: *Домашние*, озера – "близко, вот и Домашние", *Домашний*, покос – "у себя косили, никуда не ездили, вот и Домашний", *Домашний*, ручей, *Домашний Увал*, гора, *Доможировка*, река; **двор**: *не за горами, а за дворами* [Даль ПРН 2, 492], *дворовое (надворное, удворное) полё* 'поле, находящееся при усадьбе, около дома' [Прокошева, 78]; **порог**: *у порога* [Даль ПРН 2, 492]; **окно**: ср. в топонимии названия, образованные на базе конструкций *под окном, перед окном, прямо* ('напротив' [ЛК ТЭ]) *окна*: *Подоконница*, полоса, *Подоконное*, покос – "рядом здесь, под окнами у нас", *У Фоки Под Окном*, поле, *Передоконные*, покос, *Передокошко*, покос, *Перед Окошком*, покос, *Прям Окошек*, поле и мн. др.

ЖИВОТНЫЕ:

кошка: *Кошачий*, ручей – “мелкий ручеечек тут у деревни, даже кошка перебрела бы”, *Кошачья*, поляна – “у самой деревни, вот и Кошачья”, *Кошкин*, ручей – “небольшая канавка, течет у самой деревни, тут кошки еще бегают” и т.п. (*кошачьи* названия могут маркировать близкую к дому зону, прилагаясь к мелким ложкам, ручейкам, полянкам, которые вряд ли удостоились бы особого названия, если бы находились подалее от деревни; задействование образа кошки мотивировано тем, что это самое “домашнее” животное, своего рода символ дома, ср. представление о превращении домового в кошку; использование кошки в обряде вселения в новый дом и т.п.); **курица:** *Курицкое*, болото – “оно маленькое, у самой деревни”, *Куриный*, ручей – “близко от деревни ручеек, вот и назвали”, *Куричье*, болото – “маленькая ямка заболоченная, в самой деревне. Здесь Куричье у нас, курицы бегали, что ли”, *Курицыно*, покос – “около самой деревни, здесь даже курицы бегают”; **петух:** *Петушиха*, тропа (ведет из деревни в ближайший лес) – “берем ягоды и слышим, как петухи поют”.

ЧЕЛОВЕК:

баба: *Бабье*, болото – “бабы по ягоды бегали, близко оно”, *Бабье Поле* – “тут у деревни оно, бабы работали”, *Бабье*, покос – “самый ближний покос от деревни”, *Бабья Пожня* – “бабы обрабатывали, у деревни дак”, *Бабье Болото* – “около деревни оно, бабы всё туда бегали, далеко-то некогда бежать”, *Бабий (Бабкин) Лес* – “Бабий Лес близко, а в Дедков Лес пойдешь – сапоги надо одевать”; “в Бабкин Лес бабки по красули бегали, а в Дедков Бор не сразу попасть можно, там чабра такая, только мужик в болотниках пройдет” и др. (как видно из примеров, топонимы, в состав которых входит определение *бабий*, обозначают объекты, расположенные около населенного пункта и связанные с хозяйственной деятельностью женщины (на *бабьих болотах* женщины собирают ягоды, в *бабьих ручьях* или на *бабьих озерах* стирают белье и т.д.). Соответственно, атрибутив *бабий* приобретает, помимо “социальной”, пространственную семантику); **пенсионер:** *Пенсионерское*, болото – “оно рядом, всё бабки ходят, дойти близко”.

ПЕРЦЕПЦИЯ (ЗРИТЕЛЬНЫЕ И СЛУХОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ):

глаза: *перед глазами* ‘рядом, поблизости’ [ФСРЛЯ 1, 136], *под глазами* ‘совсем близко’, *в глазах* ‘на виду, близко, рядом’ [ЛК ТЭ];

ЧАСТИ ТЕЛА:

бок: *под боком* ‘очень близко, совсем рядом’ [ФСРЯ, 42], *возле боку* ‘поблизости’ [СРГК 1, 86], *коло боку* ‘рядом’ [ПОС 2, 80]; **глаза:** см. ПЕРЦЕПЦИЯ; **голова:** *под голову* ‘рядом, близко’ [АОС 9, 233–234]; **нос:** *из-под носа* ‘с самого близкого расстояния от кого-либо (брать, хватать, тащить и т.п.)’ [ФСРЯ, 285], *под (перед) носом* ‘в непосредственной близости от кого-либо, рядом с кем-либо’ [ФСРЯ, 287]; **плечи:** *не за горами, а за плечами* ‘близко’ [Даль ПРН 2, 492]; **руки:** *рукой подать* ‘совсем близко’ [ФСРЯ, 328], *протягай рука* ‘очень близко, рукой подать’ [Прокошева, 82], *под рукой* ‘поблизости, рядом’ [ФСРЯ, 401].

СВОЙСТВО:

наш: *Наш Бор, Наша Клетка*, поле, *Наша Поскотина*, пастбище, *Наш Луг, Наше Болото, Наши Низы*, поле и т.п.; **свой:** *Свое Болото* – “около деревни, потому Своё”, *Свое Косынёво*, покос, *Свое Озеро, Свой (=Домашний)*, ручей, *Свой Бор*,

Свой Наволок, поле, *Своя Река*, старлица, *Своя Сторона*, покос и др.; **родимый, родной**³⁷: *Родимый Мох*, болото, *Родимой Поток*, река, *Родная Исадница*, покос, *Родные*, покос.

ПЕРЕДВИЖЕНИЕ:

быстрый: *побыстрее* ‘ближе’ [ЛК ТЭ]; **лапоть**: см. МЕРЫ И ПРЕДЕЛЫ; **ходить** (отходить, подходить): *на отходе* ‘близко’ [СРНГ 24, 354]; **подходить**: *на подходе* ‘совсем близко’ [ФСРЛЯ 2, 109]; **шаг**: см. МЕРЫ И ПРЕДЕЛЫ.

БЫТОВЫЕ СИТУАЦИИ:

перемещение объекта на небольшое расстояние: *на лотке подать* [Даль ПРН 2, 492]; *горшок со щами на ухвате передать* [Даль ПРН 2, 492]; *палку бросить (палкой кинуть)* ‘близко’ [1, 129].

Представим итоги предпринятого описания.

ИДЕОГРАММЫ, ОБЩИЕ ДЛЯ “ДАЛЕКО” И “БЛИЗКО”:

	Б Л И З К О	Д А Л Е К О
МЕРЫ И ПРЕДЕЛЫ	<i>край, лапоть, шаг</i>	<i>верста, край, сторона, черта</i>
ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ КОНФИГУРАЦИИ И ИЗМЕРЕНИЯ	<i>около, ряд, узкий</i>	<i>задний, около, кут, угол, широкый</i>
ЧИСЛОВАЯ СИМВОЛИКА	<i>один, два, три</i>	<i>не один, три, семь, девять, тридцать, сто</i>
СВОЙСТВО	<i>наш, родной (родимый), свой</i>	<i>чужой</i>
ЖИВОТНЫЕ И ПТИЦЫ	<i>кошка, курица, петух</i>	<i>медведь, ворон, птица</i>
ЧЕЛОВЕК	<i>баба, пенсионер</i>	<i>дед</i>
ЧАСТИ ТЕЛА	<i>бок, глаза, голова, нос, плечи, руки</i>	<i>глаза (очи), голова</i>
ПЕРЦЕПЦИЯ	<i>глаза</i>	<i>глядеть, глаза, очи, глухой, тьма</i>
ПЕРЕДВИЖЕНИЕ	<i>быстрый, лапоть, отходить, подходить, шаг</i>	<i>бегать, отходить, *не добежать</i>
БЫТОВЫЕ СИТУАЦИИ	<i>на лотке подать, горшок со щами на ухвате передать, палку бросить (палкой кинуть)</i>	<i>ночевать, празднование окончания жатвы, не вешать хомут (о чертях), не сушить портянки (о лешем), не пасти (гонять) телят (коз, коров) и т.п.</i>

³⁷ Слова *родной, родимый* включены в группу ‘свойство’ условно, поскольку соответствующие смыслы не входят в концептуальное ядро значения этих слов. В то же время такие смыслы имеют статус вполне “законной” коннотации, что подтверждается хотя бы антонимией *свой=родной // чужой*.

ИДЕОГРАММЫ, СПЕЦИФИЧНЫЕ ДЛЯ “ДАЛЕКО”:

ОБЪЕКТЫ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО МАКРОМИРА: *Америка, Амур, Воркута, Заполярье, Иерусалим, Ирбит, Китай, Можай, Питер, Сахалин, Сибирь, Тайвань, Туруханский Край, Турция, Финляндия;*

ЛАНДШАФТНЫЕ РЕАЛИИ: *вир, вода, волок, гора, дол, земля, кулички (кулижки), лес, море, небеса, свет, сосны, сузём, тайга, чаща, чистое поле, холм, шалга, шелом;*

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ: *ветер;*

ДЕМОНИЧЕСКИЕ СУЩЕСТВА: *жихарь, леший, черт;*

БОЛЕЗНЬ: *холера.*

ИДЕОГРАММЫ, СПЕЦИФИЧНЫЕ ДЛЯ “БЛИЗКО”:

ДОМ И ДВОР: *дом, двор, окно, порог, ворота.*

Анализ способов языкового воплощения идей удаленности и близости обнаруживает весьма ощутимую асимметрию данной оппозиции. Асимметрия проявляется как на уровне прямых обозначений дальних и ближних объектов, так и на уровне обозначений опосредованных. Прямые обозначения не рассматривались в настоящей статье – укажем только, что их анализ, проведенный на топонимическом материале, продемонстрировал значительный перевес *дальних* названий над *ближними* [см.: 4, 88–93]³⁸. Что касается опосредованных обозначений, то здесь по количеству способов реализации анализируемых идей лидирует “удаленность”: насчитывается пять идеограмм, специфичных для “далеко”, а для “близко” – всего одна.

Специфичные для “далеко” идеограммы указывают на то, что при восприятии дали носитель языка склонен искать пространственные эталоны удаленности, ср. группы “Объекты географического макромира” и “Ландшафтные реалии”. Первая может пополняться, по сути, за счет названий любых “заморских” земель – особенно азиатских (здесь учитывается не только удаленность, но и климатический контраст), и тех, которые являются знаками библейской традиции, а также за счет обозначения макрообъектов России – преимущественно Сибири и Дальнего Востока. В группе ландшафтных реалий наиболее распространены обозначения лесных локусов (*лес, сосны, сузем, тайга, чаща, шалга, кулички, волок*), что связано с наименьшей освоенностью этих элементов ландшафта. На значимость идеи неосвоенности указывает и то, что *поле* может выступать как символ удаленности только в том случае, если оно *чистое*, т.е. необработанное (ср. также: *поле турецкое* ‘о целине, обширном необработанном поле’ [ЛК ТЭ]). Кроме того, здесь представлены названия опасных мест (*вир*) и реалий, нетипичных для “эталонного” русского ландшафта (и нередко воспринимаемых как граница “своей” и “чужой” зоны), – *гора (холм, шелом), море.*

³⁸ Такой перевес обусловлен разными причинами, важнейшую роль среди которых играет то обстоятельство, что *ближние* топонимы обладают относительно низкими различительными возможностями: находящихся поблизости от наблюдателя объектов много, значительно больше, чем удаленных, и для их дифференциации должен быть задействован более дистинктивный признак, чем простое указание на близость объекта.

В то же время не встречаются обозначения таких “эталонных” реалий, как степь или луг, а также объектов, включенных в хозяйственную деятельность: покос, пашня и др. Неосвоенность удаленного пространства влечет за собой его мифологизацию, когда маркерами рассматриваемой идеи становятся разного рода демоны, болезнь и такое явление природы, как ветер, который в народных представлениях наделяется свойствами демонического существа [СД 1, 357].

В отличие от “далеко”, “близко” не воспринимается через призму каких-то пространственных эталонов. Единственная специфическая идеограмма – “Дом и двор” – разрабатывается весьма подробно: маркерами близости становятся даже части дома (окно, порог, ворота).

Большая часть идеограмм является общей для “далеко” и “близко”. Здесь, во-первых, выделяются ситуации антонимии или оппозитарности смыслов: близкое воспринимается как свое, родное, а дальнее – как чужое; близкое связано с такой пространственной конфигурацией, как узость, дальнее – с шириной; числовыми символами близости становятся числа до трех, удаленности – после трех, с которыми связана символика неопределенного множества; в рамках идеограммы “Человек” близость маркируется через образ бабы, удаленности – деда (правда, последний образ имеет весьма слабую позицию, так как оказывается “наведенным” образом бабы). Потенциально противопоставлены и “животные” символы: идею близости реализуют образы домашних животных, удаленности – диких. Во-вторых, любопытны случаи, когда лексические средства воплощения идеи близости и удаленности оказываются образованными от одной основы: *край*, *около*, *отходить* и др. Здесь значима позиция номинатора: к примеру, объекты находящиеся о-коло, в окружности, при статичной позиции субъекта обычно воспринимаются как близкие; в то же время движение по окружности – в отличие от движения напрямую – дает петлю (ср. *около* ‘в обход, не прямо’ [СРГК 4, 181], *окольная дорога*), вследствие чего возникает семантика удаленности. В-третьих, в ряде случаев в рамках одних и тех же идеограмм обнаруживается разноплановость способов выражения идей удаленности и близости. Так, с идеей близости связываются образы различных частей тела в их непосредственном “физическом” смысле, а с идеей удаленности могут соотноситься образы тех частей тела, которые выступают как органы перцептивной и интеллектуальной деятельности. Говоря о бытовых ситуациях, связанных с “далеко” и “близко”, следует отметить, что для манифестации идеи близости используются стандартные ситуации перемещения объекта на небольшое расстояние, а для выражения идеи удаленности задействуются как реальные ситуации, приуроченные к какой-то пространственной зоне (ночевка вне дома, дожинальный обряд), так и ирреальные, оксюморонные сюжеты, в которых обычное бытовое действие оказывается приписанным ирреальному персонажу, что вновь работает на мифологизацию удаленного пространства (при этом оксюморонность действий лешего, сушащего портянки, или черта, вешающего хомут, усиливается отрицательной частицей).

Итак, идеи удаленности и близости могут находить принципиально различное языковое выражение, что позволяет говорить о глубоких различиях в их восприятии: “даль” является маркером пространства как такового, пространства раг

excellence, пространства, которое нередко предстает как неосвоенное, принципиально неведомое, таящее опасность. Выделение “дали” – попытка мнимого ее освоения. Идея близости разработана в языке слабее, чем идея удаленности; “близь”, по сути, не является пространственным показателем, она очерчивает зону человека, растворяется в его облике, жилище и деятельности.

Изучение способов выражения оппозиции “далеко – близко” в русской народной языковой традиции показывает, что они нередко объединяют данный дистанционный параметр и такие пространственные параметры, как “высота”, “глубина”, “охват пространства”, “освоенность” и т.п. Следует предполагать, что анализируемая оппозиция выступает организующим центром модели географического пространства, но это может стать предметом дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Ивашко Л.А. Пространственные фразеологические единицы в псковских говорах //Лексика и фразеология севернорусских говоров. Вологда, 1980, с. 127–131.
2. Ивашко Л.А. Очерки русской диалектной фразеологии. Л., 1981.
3. Глушченко О.А. Наречия образа действия в архангельских народных говорах: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2001.
4. Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000.

Сокращения

АОС – Архангельский областной словарь. М., 1980–, вып. 1–.

Грандилевский – А. Грандилевский. Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Областной крестьянский говор. СПб., 1907.

Даль ПРН – Пословицы русского народа /Сб. В. Даля. М., 1993, т. 1–3.

КДЭИС – картотека Этноидеографического словаря говоров Свердловской области (кафедра русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета).

ЛК ТЭ – лексическая картотека топонимической экспедиции Уральского государственного университета им. А.М. Горького (кафедра русского языка и общего языкознания).

Лютикова – В.Д. Лютикова. Словарь диалектной личности. Тюмень, 2000.

НОС – Новгородский областной словарь. Новгород, 1992–1995, вып. 1–12.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1967– вып. 1–.

Прокошева – Материалы для фразеологического словаря говоров Северного Прикамья /Сост. К.Н. Прокошева. Пермь, 1972.

СД – Славянские древности: Этнолингв. словарь: В 5 т. М., 1995–, т. 1–.

СОГ – Словарь орловских говоров. Ярославль, 1989–, вып. 1–.

СПГ – Словарь пермских говоров. Пермь, 1999–, вып. 1–.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1994–, вып. 1–.

СРДГ – Словарь русских донских говоров. Ростов-на-Дону, 1975–1976, т. 1–3.

Прагматичность жанра приметы базируется на таких составляющих ее семантической структуры, как:

- информация, включающая описание исходной, прогнозирующей ситуации;
- интерпретация полученной информации с учетом существенных для интерпретатора и адресата сообщения пропозиций;
- оценка, основанная на народной аксиологии, учитывающая в большей степени не индивидуальный, а коллективный опыт рефлексии по поводу прототипических ситуаций;
- прогноз, представляющий собой описание типизированного результата типизированной ситуации;
- регламентация, являющаяся частью прогноза и предписывающая адресату определенные действия “post factum” в рамках описанной в примете ситуации.

Учитывая эти параметры, можно определить примету как однофразовую двухчастную структуру, моделирующую поведение человека (социума) на основе интерпретации (в том числе оценки) информации о типизированных ситуациях, практически значимых для адресата.

Другими словами, онтология приметы формируется представлением о наличии реальных или возможных ситуаций, как правило, приводящих к ограниченному кругу результатов, оцениваемых как благоприятные/ неблагоприятные для участников ситуации при условии выполнения/ невыполнения ими определенных действий в определенное время в определенном месте. Ср., например, *вернуться с полпути – к неудаче. Чтобы удача все-таки не отвернулась, надо перед повторным выходом посмотреть в зеркало, показать себе язык; заново причесаться, сменить какую-либо деталь одежды; заглянуть под коврик, плюнуть в угол и т.д.*, то есть каким-то образом обмануть (испугать) нечистую силу [Панкеев 1997], путающую ваши планы. Левая часть - *вернуться с полпути* – содержит информацию о типизированной возможной ситуации, оцениваемой в правой, прогнозирующей, части текста приметы отрицательно (как неблагоприятная для исполнителя действия). Далее следует регламентация, описывающая последовательность (или произвольный набор) действий, которые необходимо выполнить участнику ситуации для того, чтобы снять, нейтрализовать прогнозируемую неудачу.

По характеру когнитивного базиса приметы можно разделить на приметы-констатации, приметы-регламентации и приметы-прогнозы. Под когнитивным базисом приметы понимаем содержание информации, заключенной в левой (интерпретируемой) части текста, цель интерпретации (функциональное назначение приметы), способ представления информации в правой (интерпретационной) части текста. Экпликация когнитивного базиса приметы происходит на основе логических моделей разных типов.

Логическая модель приметы-прогноза содержит модальность возможности и соотносится с грамматическими категориями будущего времени и условного наклонения. Ср., например: *Будешь волосы на полу оставлять или по двору разбрасывать – голова заболит* [Панкеев 1997]. // *Не зашивай ничего прямо на себе – память можешь зашить* [Панкеев 1997]. // *Если кто за обедом, не доев своего ломтя хлеба,*

возьмется за другой или отломит кусок от другого, то кто-нибудь из близких оголодает или будет терпеть нужду [Даль 1993]. Лингвокогнитивная структура подобных примет может быть представлена в виде формулы “Если ... - то ...”, то есть примета содержит следующую информацию: если есть (было, будет) то-то (описывается типизированная ситуация), то будет (может быть) то-то (описывается возможный, ожидаемый результат). При этом отмеченная модальная рамка в формальной структуре текста может быть имплицитной, но логически легко выводимой.

Логическая модель приметы-констатации содержит модальность детерминированной закономерности и соотносится с грамматическими категориями настоящего (соотнесенного и не соотнесенного с моментом речи) и прошедшего времени. Ср., например: *Ножик туп – хозяин глуп, скатерть черна – хозяйка глупа* [Панкеев 1997]. // *Кто сидя от безделья ногами болтает, тот чёрта качает* [Даль 1993]. // *Падающая звезда означает, что ангел за душой усопшего полетел* [Даль 1993]. Часто в приметах такого типа исходная информация содержит описание признаков, свойств, а не действий. Ср., например, приметы, определяющие особенности поведения человека и его судьбу по характеристикам внешности: *У кого низкий лоб, тот недолговечен или глуп* [Даль 1993]. // *Если у кого на лбу глубокие продольные морщины, тот злопамятен* [Даль 1993]. Лингвокогнитивная структура таких примет может быть представлена в виде формулы “То-то означает то-то”. При этом условно-временные отношения между частями текста ослаблены и на первый план выходит значение вневременности, постоянности, обусловленное причинно-следственными отношениями означаемого (типизированной ситуации) и результата.

Логическая модель приметы-регламентации содержит модальность необходимости, обязательности и соотносится с грамматическими категориями настоящего и будущего постоянного, временной неопределенности, выражаемой глагольным инфинитивом, или императивности. Ср., например: *В Благовещенье нельзя девицам косы заплетать: своего дома не будет* [Даль 1993]. // *Если зеркало разбилось, надо немедленно его выбросить* [Панкеев 1997]. // *Нельзя, чтобы за столом было тринадцать человек, не садись тринадцатым* [Панкеев 1997]. Слову *нельзя* в народном сознании соответствует понятие *грешно*, выступающее в примете в качестве семантического эквивалента-табу: *Порядочным людям грешно купаться после Ильина дня (20 июля), а после Ивана постного (29 августа) грешно уже всякому, даже и сорванцу* [Даль 1993]. Лингвокогнитивная структура примет такого типа может быть представлена в виде формул: “Если ... - надо ...”, “Нельзя ... - иначе ...”. В эту модель семантически вписываются и приметы типа: *В среду и в пятницу не сватаются* [Панкеев 1997]. Формально правая часть (результат) отсутствует, однако импликация выводится в опоре на культурную коннотацию, связанную с конкретными днями недели: среда и пятница – постные дни, предполагающие отсутствие пищевых излишеств, традиционно сопровождающих русский обряд сватовства.

Когниция, структурируемая приметой, кроме отмеченных выше параметров, оперирует определенным способом представления (организации) информации, формируется определенной моделью ментальной деятельности. Все три типа примет могут базироваться, например, на игровой когнитивной стратегии, становясь при

этом в большей или меньшей степени игровыми текстами, не выходя при этом за рамки жанра. В этом случае можно говорить об утрате изначальной связи приметы с ритуалом и магией, что ведет к функциональному сдвигу в целеполагании текста: если исконная функция приметы эзотерическая, то при игровой интенции усиливается ее развлекательно-эвристическая и эстетическая функции. При этом сохраняющийся суггестивный эффект основывается уже не на семантическом, а, скорее, на формальном (фонетическом, звукосимволическом, ритмико-мелодическом, структурном) коде организации текста приметы: исходная магия тайного знания стирается, “поверья постепенно переходят к поэтическим вымыслам, в коих видна игра воображения, или дух времени, или просто иносказание и народная поэзия, принимаемая ныне нередко в прямом, насущном смысле за наличную монету” [Даль 1994: 94].

Ведущей в последнем случае становится магия знака, магия символа, в то время как магия семантики выступает лишь фоном, легким “аккомпанементом”. Именно поэтому в игровых приметах часты различные формальные сближения (например, ложноэтимологического, паронимастического, структурного характера), основанные на внешнем сходстве слов, выявляющем условно устанавливаемую между ними семантическую связь. Иначе говоря, при игровой целеустановке логика сближения фактов уступает место логике сближения формы, которая подвергается подчеркнутой актуализации. Само содержание игрового высказывания как будто бы детерминировано формальным сходством сближаемых компонентов правой и левой частей приметы. Ср., например: *Видеть во сне, что что-либо горит, – к горю* [Даль 1993]. // *Темна морощка – на морозко* [Грушко 2000]. // *Дождь на Акулину* (20 апреля) – хороша *калина* [Грушко 2000]. // *Не хочешь лиха – сей в хороший день гречиху* [Даль 1993]. // *Опока* (куржак, иней) *на деревьях – к покою* (о погоде) [Даль 1993].

Такие приметы явно распадаются на две группы с точки зрения формирующей их когниции. Первая группа игровых примет основана на ассоциативно выводимой (потенциальной) когниции: например, *гореть* – (в данном случае - о пожаре) – к *горю* (т.е. несчастью, убытку и т.п.). Такие приметы могут актуализировать исходные этимологические связи слов или основываться на ложноэтимологической мотивации.

Вторая группа примет с использованием приемов языковой игры основана на реальных наблюдениях носителей традиционной крестьянской культуры над природными явлениями (ср., в частности, приведенные выше и другие приметы, зафиксированные народным календарем природы).

Общим механизмом игровой стратегии создания приметы является устанавливаемое формальное отношение между сближаемыми компонентами левой и правой частей текста-прогноза, текста-регламентации и текста-констатации.

“В особенности замечается игра слов или созвучий, подающих повод к поверью. Например, *Пантелеймона*, 27 июня, называют *Палий* и боятся в этот день грозы; празднуют, мая 11, обновление *Царяграда*, иначе хлеб выбьет *градом*; июня 24, *Бориса* и *Глеба*, называют *барыш* день, и празднуют его для получения во весь год *барышей*; если июля 19, в день *Макрины*, ясно, то осень будет сухая, а если *мок-*

ро, так ненастная; в день Наума, 1 декабря, отдают детей в школу, полагая, что они тогда более ума наберутся” [Даль 1994: 90].

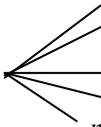
Ср. также: Денис (16 октября) – лихого глаза берегись. // В день Мокия (24 мая) мокро – все лето мокрое будет. // Пришел Евсей (7 мая) – овсы отсей. // На Евтихия (12 апреля) день тихий – к урожаю ранних яровых [Грушко 2000].

Приметы, связанные с народным календарем природы, часто построены на фонетических сближениях (рифмованных или ритмизованных), которые выступают как своеобразный мнемонический прием, способствующий закреплению традиций социума в сознании индивидуума. Ср., например³⁹: На Аграфену (6 июля) высей репку – уродится крепко. // Алексей (30 марта) – выверни оглобли из саней. // Акундин (15 ноября) разжигает овины: в это время надо обминать в овинах лен и коноплю, продолжают обмолачивать хлеб. // На Благовещенье (7 апреля) дождь – родится рожь, в Благовещенье мороз – под кустом овес. // В Борис и Глеб (15 мая) сеют хлеб. // Афоня и Кирила (31 января) забирают за рыло – к знойному июлю. В этих случаях можно говорить о симбиозе народной мудрости и народного творчества, ориентированного на культурные традиции русского этноса.

Другой блок составляют приметы, основанные на игре паронимов, паронимазов, эпидигматов и т.д. Ср., например: Не бойся зимы – бойся озимка, слишком ранняя весна тоже ни к чему (сближение эпидигматов - однокоренных слов - создаст игру антонимических смыслов) // Чай, примечай, куда чайки летят (чайки - вестницы весны и хода рыбы) – игровой каламбур, построенный на паронимастических сближениях, создает эффект скороговорки, закрепляя знание о природном явлении в смеховой форме. // На Варвару (17 декабря) зима дорогу заварит, заварварит, мосты замостит (прием дублирования “корня” и окказиональное сближение ассоциатов варить – Варвара – заварварить создает каламбурный скороговорочный звукоряд приметы). // Если с первых дней весна разгульна, не застенчива – обманет, верить нечего (игровая паронимастическая рифма подчеркивает, акцентирует ключевые слова приметы). // Коли на Федота-овсянина на дубу макушка с опушкой, будешь мерить овес кадушкой (рифма подчеркивает образный характер оформления моделируемой бытовой ситуации: макушка с опушкой – о густой кроне дуба; мерить овес кадушкой – образный перифраз со значением “иметь что-либо в большом количестве”). // Когда на дороге грязь, тогда овес – князь (ср. поговорку: Из грязи да в князи, что создает аллюзивно-игровой контекст восприятия приметы). // Коли в апреле земля прееет – к урожаю, коли стынет – к засухе (ложноэтимологический характер сближения апрель и прееет является традиционным приемом выведения “прогноза” с ориентацией на игровую условность формы. Ср.: В мае родиться /жениться – всю жизнь маяться; Кто в пятницу дело начинает, у того оно будет пятиться). // Как третья хвоя падет, так через две недели и река пойдет, хвоя падет – жди ледоход (игра грамматическими формами-паронимазами от глаголов падать и пойти при словообразовательной “поддержке” ассоциатом ледоход).

³⁹ Далее без ссылки приметы приводятся по: [Грушко 2000].

Словообразовательная игра так же актуальна для создания примет, как и звуковая, паронимастическая. При этом словообразовательные гнезда, выступающие как игровая основа в приметах, могут выстраиваться без учета значения этимона, на основе синхронных семантических связей слов. Ср., например, переосмысление названия христианского праздника Воздвижения святого Креста Господня (“церковный праздник в воспоминание обретения царицею Еленюю Креста Господня, воздвигнутого ею на поклонение” - Даль 1955: т.1) по связи с *двигаться, движение* в значении “передвигать, передвигаться”:

Воздвиженье

- хлеб с поля на гумно движется*
- последняя копна с поля двинулась*
- осень зиме навстречу двигает*
- кафтан с плеч сдвинет – тулуп надвинет*
- птица в отлет двинулась.*

Встречаются случаи актуализации исходного (прямого) значения у метафорических лексем. Ср. последовательный ряд примет, приводимых В.И.Далем: *Голову к мылу свербит. // Голова свербит к головомойке. // Голова чешется – брань на себя слышать*. Ср. *головомойка* в значении “мыть голову” и в метафорическом значении “брань, ругань”.

Разного типа игровые сближения лексем в составе приметы могут основываться на соединении профанного и сакрального смыслов текста, ср.: *Если 7 дней подряд стоит безветренная погода, значит, райская птица Алконост яйца несет “на краю моря”* - принцип ложноэтимологического сближения реализует сакральные мотивы при реализации профанного смысла приметы. В подобных случаях построение приметы часто базируется на поведенческих стереотипах, связанных с сакральными запретами табуистического характера. Ср.: *Не пей нападкой* (то есть лежа или став на колени), *не то подтолкнет черт лопаткой*. “В основе лежит мистический запрет пить воду из открытых водоемов, не отделяя себя от них, а наоборот – соединяясь с ними, как бы кланяясь водяному и другой нечисти, покоряясь им” [Панкеев 1997: 57].

Мотив ассоциативной (в том числе языковой) игры в примете часто поддерживает проявление принципа партиципативной магии при объяснении описываемых в тексте фактов. Ср.: *В Новый год должны надевать обновку, тогда их много будет в течение года // Сажая хлеба в печь, подымай подол, приговаривая: “Подымайся выше!” // Когда домашний скот заболевает прострелом (род падучей болезни), знахари советуют привязывать прострел-траву к рогам захворавшего животного. // Не шагай через коромысло – корча потянет и т.п.*

Таким образом, примета как жанр фольклора содержит в себе потенциал для развертывания своеобразного игрового поля, в котором максимально ярко проявляются ментальные ориентиры русского этноса, отражающие наивную картину мира через призму народной языковой культуры.

Список литературы

1. Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Энциклопедия русских примет. М., 2000.

2. Даль В.И. О повериях, суевериях и предрассудках русского народа. СПб, 1994.
3. Даль В.И. Пословицы русского народа. В 3-х т. М., 1993.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. М., 1955.
5. Панкеев И.А. Тайны русских суеверий. М., 1997.

© Гридина Т.А., Н.И.Коновалова Н.И., 2002

Дзюба Е.В

Екатеринбург

Концепт *инобытие* в поэзии М. И. Цветаевой

В современном цветаеведении отмечалось, что самой важной для М.И. Цветаевой темой является противопоставление “быта и бытия, повседневности и вечности, жизни и смерти” [Федосеева, 1992, 17]. Антонимичность понятий *жизни* и *смерти* в человеческом сознании и в художественном творчестве объяснимы опытом и культурной традицией. Однако в поэзии М.И. Цветаевой действует и противоположный процесс: в многочисленных цветаевских контекстах устанавливаются точки семантического пересечения указанных субстанций. В поэтике поздней Цветаевой все чаще используется прием со-положения слов-концептов, их сравнение, то есть выявление общности; *жизнь* и *смерть* выступают в роли однородных членов предложения: занимают одинаковую синтаксическую позицию и имеют одинаковое лексическое окружение. Так, изначально противоположные по значению субстанции в поэзии М. Цветаевой становятся семантически близкими (ср.: *Я и жизнь маю, я и смерть маю В легкий дар моему огню...; Я столько раз хотела жить И столько умереть!; Жизнь и смерть произношу с усмешкой Скрытою...и др.*). *Жизнь* и *смерть* уравниваются, их значение становится тождественным (ср.: *О, в рассеянии участи – Сущие души молей! Многие мои! Несметные! Мертвые мои! – живи!...*). При сравнении этих субстанций теперь подчеркивается сходство (ср.: *Жить (конечно не новой Смерти!) жилам вопреки. Для чего-нибудь да есть – Потолочные крючки...).*

Наличие в поэтическом сознании М. Цветаевой моментов семантического пересечения концептосфер *жизни* и *смерти* позволяет выделить еще один важнейший элемент цветаевской поэтики – концепт *инобытия*.

“Философия инобытия” М. Цветаевой наиболее ярко выражает индивидуальность авторского художественного мышления. Оригинальным является представление поэта о вечном Космическом, вселенском бытии, в котором пребывает человеческая субстанция до *рождения в свет / в мир / в дни... Родиться*, по М. Цветаевой, значит стать *смертным, бранным, тленным, ничтожным* (ср.: *Не родиться бы лучше...),* то есть “способствовать собственному разрушению” (ср.: *С заоблачных нигдеиных скал, Младенец мой, Как низко пал! Ты духом был, ты прахом стал... – о рождении человека; Плачь, маленький, и впрдь, и вновь: Рождение – паденье в кровь, И в прах, И в час...; Бранные руки и бранные губы Слепо разрушили вечность мою...).* *Смерть* представляется поэту возвращением в состояние вечного блаженного покоя, в котором пребывала субстанция человека до его рождения, ср.: *Отче,*

*возьми в назад, В жизнь свою, отче...; Возвращение в жизнь – не обман, не измена. Пусть твердим мы: “Твоя, вся твоя!” чуть дыша, Все же сердце вернется из плена, И вернется душа... (ср. при этом: В теле ...как в тюрьме...); Но узришь! То, что в мире – век Смеженье – рожденье в свет...; Смерть, маленький, не спать, а встать, Не спать, а вспать...; Когда же, Господи, На жизнь мою сойдет Спокойствие седин, Спокойствие высот. Когда ж в пратишиизну Тех первоглубизн Высокое плечо, Всю вынесшее жизнь... (здесь: семантически нагруженными являются окказионализмы пратишиизна и первоглубизна, подчеркивающие наличие *прабытия, в котором пребывала субстанция человека до рождения и о котором осталась память; жизнь при этом – всего лишь определенный этап, трудности которого вынужден переносить человек).*

Однако “философия инобытия” складывалась в творчестве М.Цветаевой не просто. Отношение к существованию иного мира было у поэта не всегда однозначным. Так, в творческой эволюции М. Цветаевой были этапы признания инобытия человека после смерти и его отрицание. Основным аргументом для выявления приоритета того или иного мнения может стать статистический фактор. Контекстов, актуализирующих идею отрицания инобытия человека после его физической смерти, сравнительно немного (ср.: *Верюшь в воскресенье души? – Нет! Так чего ж? Так чего ж поклоны бьешь? – Отойдешь...; ...оставив стол, Оставив стул – куда ушел? Опрашиваю весь Париж. Ведь в сказках лишь да в красках лишь Возносятся на небеса! Твоя душа – куда ушла?; Напрасно глазом – как гвоздем, Пронизываю чернозем: В сознании – верней гвоздя: Здесь нет тебя – и нет тебя. Напрасно в ока оборот Обшариваю небосвод: - Дождь! Дождевой воды бадья. Там нет тебя – и нет тебя. Не ты – не ты – не ты – не ты. Что бы ни пели нам попы, Что смерть есть жизнь и жизнь есть смерть, – Бог – слишком Бог, червь – слишком червь... – о смерти поэта Н. Гронского). В письме В.В. Розанову от 7 марта 1914 года М. Цветаева написала: “Слушайте, я хочу сказать Вам одну вещь, для Вас, наверное, ужасную: я совсем не верю в существование Бога и загробной жизни. Отсюда – безнадежность, ужас старости и смерти. Полная неспособность природы – молиться и покоряться. Безумная любовь к жизни, судорожная, лихорадочная жадность жить. Все, что я сказала, – правда” [Цветаева М. Сочинения в 2-х т. Т. 2. М., 1988. С. 451]. Так, М. Цветаева отрицает (но не всегда!) христианскую версию инобытия и предлагает свою: “неделимость” человека после физической смерти на бессмертную душу и разрушающееся тело (ср.: *На дух и призрак – неделим...)* и его вечное существование в “символическом” пространстве души и духа живых (ср.: *И если где-нибудь ты есть – Так – в нас...)* [см. подробный анализ стихотворения: Лотман, 1996, 221 – 233].*

Однако и идея абсолютной конечности человека также неприемлема для поэта (ср.: *Губы, кричавшие слово: ответ! – Знают, что этого нет – умереть!; И – гроба нет! Разлуки – нет! Стол расколдован, дом разбужен. Как смерть – на свадебный обед, Я – жизнь, пришедшая на ужин...; Сказать? – Скажу! Небытие – условность...; Смерть – это нет, Смерть – это нет, Смерть – это нет...; Слушайте! – Я не приемлю! Это – западня! Не меня положат в землю, Не меня...; Я*

смерти не верю, я жду вас с вокзала Домой...; Нет, выпростаю руки! – Стан упругий Единым взмахом из твоих пелен – Смерть – выбью! Верст на тысячу в округе Растоплены снега и лес спален...; ...на погост дала себя увести – То лишь затем, чтобы смеясь над тленом, Стихом восстать – иль розаном расцвететь!)

Идея бессмертия души и духа М. Цветаевой вовсе не отрицается, даже утверждается, о чем свидетельствует многочисленность контекстов соответствующего содержания (ср.: *Дробясь о гранитные ваши колена, Я с каждой волной – воскресая! Да здравствует пена – веселая пена – Высокая пена морская!; Был мне пасхальный тропарь: – Иоанна! Восстань, Дева – Царь! И восстала – миры побороть – Посвященная в рыцари – Плоть...; Пламень пьет с подобной пищи! Вы ж восстаньте – непла чище!; Кто уцелел – умрет, кто мертв – воспрянет...; Боюсь, Я завтра утром – мертвой встану...; Мертвый лежит певец И воскресенье празднует...; Мне мертвый восстал из праха! Мне страшный свершился суд!; Юношей воскрес старик!; Сквозь плиты – Ввысь – в опочивальню – и власть! Своей королеве встаю на защиту – Я, Ваша бессмертная страсть...; Из мертвого сна надгробий – В руки, вот в эти ладони, в обе, Раковинные – расти...; Только убит – воскрес! ...Не погибает – чех!; И будет нам обеим – Рай, В который – верую...; Мертв – и воскрес? и др.*

Несмотря на признания, сделанные автором в письмах, в некоторых стихотворениях о неприятии религиозной версии бессмертия души, М. Цветаева отчасти находится в рамках и этого мифа (ср.: *Благодарю, о Господь, За Океан и за Сушу, И за прелестную плоть, И за бессмертную душу...; Нищие пели: – Страшен последний крест! Бог без церквей воскрес!; Все навзничь лежавшие В тебе встали – обращение к Богу; Берегись жены, Дабы, сбросив прах, В голый час трубы Не предстать в перстнях...; Юноши, девы, деревья, созвездья, тучи, – Богу на Страшном суде вместе ответим, Земля!; Ничто уже меня не вгонит в краску, святая у меня сегодня Пасха...).* Однако М. Цветаева часто оспаривает религиозные догматы, ср.: *И сказал Господь: – Молодая плоть, Встань! И вздохнула плоть: – Не мешай, Господь, Спать...; Бренные губы и руки пою... Рокот божественной вечности – глуше. Только порою, в предутренний час – С темного неба – таинственный глас: – Женщина! – Вспомни бессмертную душу!; Я ли в день святого Воскресенья Поутру не украшала сени? Нету для души моей спасенья, Нету за субботой воскресенья!.* В некоторых произведениях в трактовке бессмертия и переселения душ М. Цветаева близка древнейшим религиям (египетской, тибетской), где считалось, что душа проживает многочисленные жизни (ср.: *А следующий раз – глухонемая Приду на свет, где всем свой стих дарю, свой слух дарю...; В нынешней жизни – выпало так: Мальчик поет, а девочка плачет. В будущей жизни – лобо глядеть! – Ты будешь плакать, я – буду петь!; А покамест еще в тенетах Не увязла – людских кривизн, Буду брать – труднейшую ноту, Буду петь – последнюю жизнь!; Ты дал нам мужества – На сто жизней! Пусть земли кружатся, Мы – недвижны...).*

Исследователи отмечают, что М. Цветаева создает свой миф об инобытии человека после его физической смерти [Бродский, 1997; Ельницкая, 1990; Осипова, 1995 и др.]. Как справедливо отмечает И. Бродский, “поэтическая идея вечной жиз-

ни [у М. Цветаевой – Е.Д.] вообще тяготеет более к космогонии, нежели к теологии, и мерилом души часто представляется не степень ее совершенства, необходимая для уподобления и слияния с Создателем, но скорее физическая (метафизическая) длительность и дальность ее странствий во Времени” [Бродский, 1997, 87].

Действительно, инобытие в поэтическом воображении М. Цветаевой имеет свою особую “хронологию” и “топографию”, или “географию”.

При этом большинство темпоральных характеристик бессмертия традиционных: значение “вневременности, вечности” реализуется с помощью лексических компонентов с корнем *-век-/веч-* (ср.: ... *То Вечности Бессмертный загар...*; *перекрестясь на последний храм, Белогвардейская рать - векам...*; *Не спи! Крепись! Говорю добром! А то - вечный путь, Оправдай змеяную породу: Дом - меня - мои стихи - забудь...*; *Встать... Из днесь – В навек...*; *Что в вашем веяньи? Но знаю – лечите Обиде Времени – Прохладой Вечности...*; *И погружаюсь как в реку В мимо – текущую Вечность ...*). У М. Цветаевой этот корень имеет значение, ставшее традиционным: “неподвижное, абсолютное, неизмеренное, неупорядоченное логическим сознанием время”, хотя изначально корень обозначал “жизненную силу, жизнь, продолжительность человеческой жизни, вечность” [Степанов, 2000, 828]. *Вечность* традиционно противопоставляется *времени*, отмеренному для человеческой экзистенции.

Индивидуально-авторские номинации “хроноса” связаны с начальной фазой инобытия, ср.: *С Новым-годом-светом-краем-кровом!; Новый Год! Новый Год! Чек на Смитсона в букете! – Алчет у моих ворот Зябкий Серафим Россетти! (Смитсон – револьвер системы смит-и-вессон, распространенный в России в конце XIX века).*

Пространственные характеристики инобытия актуализируются в поэтике М. Цветаевой посредством традиционных и индивидуально-авторских образных систем. Традиционные представления связаны с пространственной вертикалью, которая имеет определенно- и неопределенно-локальные обозначения.

Определенно-локальные характеристики инобытия соотносятся с представлениями о небесном царстве, где обитают души праведников (ср.: *И мерещится мне: в самом Небе я погребена!; И знал, под песнь родную засыпая, Что в небесах проснешься – королем...*; *В его заоблачных снегах – Что в ризе ценной, Благословенна ты в снегах! Благословенна!; Что ж, – мы проживем и без хлеба! Недолго ведь с крыши – на небо...*; *Не лебедей это в небе стая: Белогвардейская рать святая...*; *Вербочка! Небесный житель! – Вместе в небо! – погоди!; Нынче – раб, завтра – царь Всем семи – небесам!; Свое подобье Ты в небо поднял – Великой верой В свое подобье...*; *Затем и насылает беды Бог, что живой меня на небо Взять замышляет за труды...*; *Смертные мои! Бессмертные Вы, по кладбищам! Вы, в кучистом Небе – стаей журавлей...*). Своеобразным вариантом этого значения является представление об инобытии души среди небесных светил (ср.: *На сорок верст высоты вокруг – Солнечного да кроме Лунного – ни одного лица, Ибо соседей – нету. Место откуплено до конца Памяти и планеты...*; *Возраст? – Десять. – Не меньше ли, плут? – Был один, – тоже ростом не вышел. Выше солнца теперь вознесен...*; *Ни в*

гробовом сугробе, Ни в облачном с тобою не прощусь...; ...так в звездный вихрь Сивилла: выбившая из живых...; Белогвардейцы! Белые звезды! С неба не выскрести!).

Неопределенно-локальные обозначения указывают лишь направление “перемещения души”, “вознесения” и имеют своими репрезентантами адвербиальные формы (ср.: ...Поник. Смолк. *И облачный – ввысь! – Столб...; Пропали! Не вынесут сухожилья! Конец! – Сдались! – Двумолнием раскрепощает крылья. Команда: ввысь!; А тебе, дружок, Я слово скажу: Кому – верху гулять, Кому – внизу лежать...; И ты простер слабеющие руки Туда наверх, где странникам – приют...; Не ветром – до – осени Снята гроздь. Ах, виноградарем – до – осени Пришел гость... По голубым и голубым лестницам Повел ввысь...; Дело Царского Сына – ...Встать в полночную пору, Прочь с дороженьки белой – Ввысь на вышнюю гору...; Высоко твои братья! Не докличешься!; На пути твоём – целых семь планид, Чтоб высоко встать – надо кровь пролить...).*

Также традиционной номинацией локуса инобытия является словосочетание *тот / другой / иной свет*, противопоставленное *этому свету*, земному бытию (ср.: *И колос взрос, и час веселый пробил, И жерновов возжаждало зерно. Закон! Закон! Еще в земной утробе Мной вожделенное ярмо. Час ученичества! Но зрим и ведом Другой нам свет, – еще заря зажглась. Благословен ему грядущий следом Ты – одиночества верховный час!; Дай мне руку – на весь тот свет! Здесь – мои обе заняты...; Такой мне сад на старость лет... – Тот сад? А может быт – тот свет? – На старость лет моих пошли – На отпущение души...).*

Пространство инобытия наделяется в поэзии М. Цветаевой следующими чертами: “отдаленностью”, “обширностью”. Значение “пространственной отдаленности инобытия” реализуется с помощью адвербиального компонента *там* (ср.: *Сосед не спеши! Нечего Спешить, коли верст – тысячи. Разменной стрелой встречною Когда-нибудь там спишемся...; В миг отрывающийся – весь! В лад дышащий – с одной вселенной! Всегда отсутствующий здесь, Чтоб там присутствовать бессменно...).* Семантика “обширных просторов, пространств инобытия” представлена в контекстах: *Милый друг, ушедший дальше, чем за море!; И улыбка из великого Издали, – Умирающего светская лесть...; Небо – тридевять земель...; Уплочено же – вспомяни мои крики! – За этот последний простор...; Уплочено же – всеми розами крови За этот просторный покров Бессмертия...; Я в смерти нарядной Пребуду – твоей быстроте златоперой Последней опорой В потерях простора!* и др.

Наиболее самобытными являются локальные номинации, представляющие “топографию инобытия”, изоморфную земной топографии, хотя поэт отмечает “неземную локализацию называемых географических мест” (ср.: *Ты ль это, лунатик, Приступом небо брал? Новых земель вельможа, Сын неземных широт – Точно содрали кожу – Так улыбался рот...).* Инобытие представляется поэту страной, краем, городом, домом, садом (ср.: *Черным по белу на конверте. – Есть такая страна – Бессмертье!; В стране, которая – одна Из всех звалась Господней, Теперь меняют имена Всяк, как ему на ум или не-ум ...взбредет...; Опять с узелком подойду утром рано К больничным дверям. Вы просто уехали в жаркие страны К великим*

морям...; *Наслаждайтесь!* – Скоро-скоро Канет в страны дальние – Ваша птица разноперая – Вербная – сусальная...; – Где же бабка? – В краю безвестном! Прямо в ад провалилась с креслом!; Где золото мое? Где серебро? В моей руке – лишь горстка пепла! ...И это все, что я возьму с собой В край целований молчаливых...; Не камень! – Уже Широкою орлиною – Плащ! – и уже по лазурным стремнинам В тот град сияющий, Куда – возьмь Не смеет дитя Мать...; За красною тучею – Белый дом. Там впускают Вдоум С конем...; А когда покойник прибыл В мирный дом своих отцов – Рыжая девчонка Библию Запала в четырех концов...; Не спи! Крепись! Говорю добром! А то – вечный сон! А то – вечный дом!; Скрип полозьев, ответный скрип Двери: рокот ветров таежных. Высочайший пришел рескрипт: – Смена царств и въезд вельможе. И домой: В неземной – Да мой...).

Важным локусом инобытия в поэтике М. Цветаевой является образ *Сада-Рая, который, по словам Н.О. Осиповой, “амбивалентно связан как с мотивом умирания, смерти-покоя, так и с мотивом воскресения” [Осипова, 1995, 68], ср.: *А теперь она уснула кротко Там, в саду, где Бог и облака...; Возьмите все, мне ничего не надо. И вывезите в..... Как за решетку розового сада Когда-то Бог – своей рукою – ту...*(о пребывании в райском саду до рождения); *За этот ад, За этот бред, Пошли мне сад На старость лет... На старость лет Собачьих – клад: Горячих лет – Прохладный сад...*

Интересным фактом цветаевской поэтики является образное представление локуса инобытия, связанного с морской темой. Здесь также находит отражение представление о пребывании субстанции человека в некоем совершенном (райском) бытии до рождения и возвращение человека в это бытие после физической смерти. Так, водная стихия является локусом рождения лирической героини (ср.: *Но имя Бог мне иное дал: Морское оно, морское...; Но душу Бог мне иную дал: Морская она, морская!; Кто создан из камня, кто создан из глины, А я серебрюсь и сверкаю. Мне дело – измена, мне имя – Марина, Я брeнная пена морская...*), локусом смерти (порогового состояния, точкой смены онтологических плоскостей – горизонтальной на вертикальную, ср.: *А когда – когда-нибудь – как в воду И тебя потянет – в вечный путь...; Все так же, так же в морскую синь – Глаза трагических героинь...*) и локусом инобытия (ср.: *Дробясь о гранитные ваши колена, Я с каждой волной – воскресяю! Да здравствует пена – веселая пена – Высокая пена морская!; Закачай меня, звездный челн! Голова устала от волн! Слишком долго причалить тиусь, – Голова устала от чувств...; И комната стала каютой, Где душа говорит с тишиною, Он плыл, убаюкан волною, Окруженные волненьем и смутой...; Милый друг, ушедший в вечное плаванье, – Свежий холмик меж других бугорков, – Помолитесь обо мне в райской гавани, – Чтобы не было других моряков...; Как начнут меня колеса – В слякоть, в хлисть, Как из глотки безголовой Хлынет кить – Хрип. Кончающийся за морем, что стерт Мол с лица земли мол...).*

Пространство инобытия представляется поэту локусом блаженного существования души: это пространство, где *спокойно, тихо, светло* (ср.: *Где сонмы ангелов летают стройно, Где арфы, лилии и детский хор, Где все покой, я буду беспокойно Ловить твой взор...; Дай мне душу, Спаситель, отдать - только тени В тихом*

царстве любимых теней...; Вы чисты, и далекого рая Вам откроется светлая дверь!; Когда же, Господи, На жизнь мою сойдет Спокойствие седин, Спокойствие высот...).

Важно отметить, что традиционными представлениями о *небесном рае / том свете / ином мире* М. Цветаева не ограничивается. Бессмертие, по Цветаевой, возможно и в “символическом” пространстве души и духа человека. Сущностное, субстанциональное бытие становится залогом вечной жизни. “Символическое” пространство инобытия – это *текст, душа, память* живых людей (ср.: *Последний – посмертный – бессмертный Подарок России – Петра...; Всех румяней и смуглее До сих пор на свете всем, Всех живучей и живее!* – об А.С. Пушкине; *Мертвый лежит певец И воскресенья празднует...; У навсегда повелевшего: быть! – Хлеба достанет его прокормить!*; *Днепром разламывая лед, Гробовым не смущаясь тесом, Русь – Пасхою к тебе плывет, Разливом тысячеголосым...* – об А. Блоке; *И тот, кто ранен смертельной твоей судьбой, Уже бессмертным на смертное ложе сходит...* – об А. Ахматовой). Дух и творчество *Поэта* делают бессмертным и его самого, и тех, о ком он пишет (ср.: *Плачь же, плоть! – Завтра прах! Дух, не плачь! – Славься, дух! Нынче – раб, завтра – царь Всем семи – небесам...; Да вот и сейчас, словарю Придавши бессмертную силу, – Да разве я то говорю, Что знала, пока не раскрыла Рта...; И если все ж – плеча, крыла, колена Сжав – на погост дала себя увести – То лишь затем, чтобы восстав над тленом Стихом восстать – иль розаном расцвествь!*; *...вдохновенный – Всем пророкочет голос мой крылатый – О том, что жили на земле когда-то Вы – столь забывчивый, сколь незабвенный!*; *Бури-вьюги, вихри-ветры вас взлелеяли, А останетесь вы в песне – белы лебеди...).* Остаться вечным можно в памяти людей (ср.: *И если где-нибудь ты есть – Так – в нас. И лучшая вам честь, Ушедшие – презреть раскол: Совсем ушел. Со всем – ушел...; Я вижу, я чувствую, – чую Вас всюду! – Что ленты от Ваших венков! – Я Вас не забыла и Вас не забуду Во веки веков!; Но встанете в памяти В час, когда над ручьевою хроникой Гамлетом – перетянутым – встанете...).* Иначе говоря, одним из пространственных вариантов инобытия является “символическое” пространство души и духа человека.

Таким образом, *инобытие* в поэтическом сознании М. Цветаевой трактуется как 1) “некое пра-*бытие*, в котором пребывают дух и душа человека до рождения и после физической смерти; при этом *жизнь* – лишь этап человеческой онтологии (чаще всего самый трудный)”; 2) “вечное пребывание в “символическом” пространстве души и духа человека (в памяти людей, в творчестве)”.

Всей поэтической системой М. Цветаева представляет “философию бытия”, не тождественную религиозно-догматической философии небесного рая, но являющую собой “философию космогонического бытия человека высокого духа” [см. также: Бродский, 1997, Осипова, 1995]. Так, внимание поэта к экзистенциальным проблемам человечества выводит его в сферы реально неощутимого, неизведанного, непознаваемого – а потому вечно влекущего к себе – бытия.

Список литературы

1. Бродский о Цветаевой: интервью, эссе. М.: “Независимая газета”, 1997.

2. Ельницкая С. Поэтический мир Цветаевой // Wiener slavistischer Almanach. Wien, 1990. Bd. 30.
3. Лотман Ю.М. М.И. Цветаева “Напрасно глазом – как гвоздем...” // Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство, 1996. С. 221 – 233.
4. Осипова Н.О. Мифопоэтика лирики М. Цветаевой. Киров: Вятский гос. пед. ун-т, 1995.
5. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2001.
6. Федосеева Л.Г. Марина Цветаева. Путь в вечность. // Новое в жизни, науке, технике. Сер. “Литература”. № 4. М.: Знание, 1992.

© Дзюба Е.В., 2002

Суспицына И.Н.
Екатеринбург

Метеонимы-фразеологизмы в говорах Русского Севера

Специфика метеонимов, функционирующих в говорах Русского Севера (РС), наглядно проявляется при сравнении их с научной номенклатурой. Отличия наивной системы обозначений погоды складываются из особенностей понятийного членения действительности, несовпадений в структурной организации, наличия особых номинативных средств, в частности, фразеологизмов. Следует отметить, что использование различного рода устойчивых сочетаний в качестве номинаций погоды свойственно не только севернорусским диалектам, но и другим русским и славянским говорам [2, 88-91]).

В лингвистике нет единого мнения относительно того, что является фразеологическим оборотом, нет и единства взглядов на то, каковы границы фразеологии. Не вдаваясь в полемику по этим вопросам, очертим круг тех единиц, которые, с нашей точки зрения, выступают в качестве метеонимов-фразеологизмов в говорах РС, и на основании их анализа проследим специфику видения погодных процессов диалектоносителями.

К фразеологизмам будем относить несвободные сочетания слов, "которые не производятся в речи (как сходные с ними синтаксические структуры – словосочетания или предложения), а воспроизводятся в ней в социально закрепленном за ними устойчивом соотношении смыслового содержания и определенного лексикограмматического состава" [5, 381]. По нашим данным⁴⁰, подобные единицы широко используются диалектоносителями для номинации различных атмосферных процессов и явлений погоды, ср.: *Точной ветер* ("восточный") *ставит реки, лед ломает; Как дош страдой пойдет, у, говорят, Авдотьи-именинницы* ("дождь во время страды, сенокоса"⁴¹); *Солдатские портянки* ("крупные снежинки") *валяются, снег севод-*

⁴⁰ Материалом для исследования послужили данные лексической картотеки Топонимической экспедиции Уральского государственного университета (ЛК ТЭ), а также современных и исторических словарей, содержащих лексику исследуемого региона.

⁴¹ День летней Евдокии (Авдотьи) по народному календарю приходится на 20 июля, 17 и 26

ня такой, как у солдата *портянки белые* /ЛК ТЭ/. А также: *горный ветер* – "ветер с берега", *хрушкой снег* – "крупный град", *резовой дождь* – "ливень", *сито сеет* – "идет морозящий дождь", *ведренные облака, хлебные облака* – "кучевые облака", *вёдро каменное* – "жара", *дедко леший* – "сильный ветер", *бабы недопрядки* – "крупные снежинки", *божья милость* – "гроза", *зайцы пиво варят* – "о тумане", *сироты плачут* – "об обильной росе", *утопленники сохнут* – "о сильном ливне; о грибном дожде", *ветерок как шубу надевает* – "дует теплый ветерок", как по старухе *лепухи* – "о крупных снежинках". Среди наименований дождя в говорах РС таких единиц зафиксировано 69 единиц, среди названий снега – 61.

Проблематично отграничение фразеологизмов от свободных сочетаний "сущ. + прил.". Подобных единиц особенно много среди обозначения ветров по направлениям и наименований "разновидностей" дождя. *Береговая погода, голомяный ветер, уливный дождь* – это идиомы или характеризующие наименования объекта? Считаем, что в случае, когда прилагательное в подобных номинациях выступает в связанном значении (употребляется только в сочетании с данным существительным), нужно считать рассматриваемые наименования фразеологизмами. В том случае, когда прилагательное может сочетаться с лексемами, обозначающими разные объекты, необходимо квалифицировать такие единицы как свободные словосочетания.

Так, лексема *тороковой* манифестируется следующими контекстами: *Подошел опять торок; то дождик тороковой, то снег тороковой; Тороковой ветер идет полосой, не всем местом; тороковой дождь еще бывает* /ЛК ТЭ/. Следовательно, сочетания *тороковой ветер, тороковой дождь и тороковой снег* мы будем считать свободными и рассматривать прилагательное *тороковой* "сильный, быстро проходящий" как характеристику событий "Дождь", "Снег", "Ветер". Также как свободную классифицируем номинативную единицу *осённая кореба* – "мелкий морозящий дождь", потому что лексемы, входящие в ее структуру, бытуют в говорах в свободном значении (ср. *осённая погода, кореба* – "морозящий дождь").

В наших материалах зафиксировано наименование *русский ветер* для обозначения южного ветра, дующего "с Руси" – из центральных районов Европейской части России. Считаем, что в данном сочетании прилагательное *русский* выступает в связанном значении, и поэтому рассматриваемое словосочетание относим к устойчивым. К подобному типу относятся метеонимы *летов ветер* ("южный"), *знойный дождь* ("холодный, затяжной") и пр.

Прилагательное *хрушкой* отмечено в речи диалектоносителей в сочетаниях *хрушкой снег "град"* (*У меня хрушкой снег давеча все окна побил* /ЛК ТЭ/), *хрушкой гряд "сильный град"* (*Хрушкой гряд – такие лёдышки, да больно крупной бывает* /ЛК ТЭ/), *хрушкой дождь "сильный дождь"* и *хрушкой снег "сильный снегопад"*. Считаем, что первый из приведенных диалектизмов нужно отнести к идиоматическим единицам, поскольку в нем проявляются устойчивость и нерасчлененность значения, а все два других классифицировать как свободное сочетание "сущ. + прилагательное-диалектизм".

Как известно, процесс фразеологизации протекает постепенно и длительно и связан как со становлением особого связного значения обобщенно-целостного характера, так и с оттачиванием формы, компонентный состав которой обретает относительную устойчивость. В связи с этим необходимо отметить вариативность компонентного состава многих севернорусских метеонимов-фразеологизмов. Ср.: *дедко по внучке идет* – "о крупных снежинках", *дед за внуком пришел* – "о слежавшемся снеге", *мать за детками придет* – "о льдинах, выброшенных на берег при ледоходе"; *черти портянки сушат* – "о дожде, идущем при солнце", *черти баню топят* – "о тумане", *черти свадьбу играют* – "о вьюге", *черти кашу варят* – "об испарении после дождя"; *стоячую собаку снегом завалило* – "о сильном снегопаде", *сидячую собаку навалит, а две съест* – "о позднем весеннем снеге", *зайцем стоять на волю, зайцы баню топят, зайцы выскочили, зайцы куржасеют, зайцы навывлезали, зайцы намерзли, зайцы появились, зайчик выскочил* – "об инее в избе", *зайцы пиво варят* – "об инее; тумане".

Среди севернорусских метеонимов-фразеологизмов выделяются две группы. В первую входят субстантивные устойчивые словосочетания, имеющие прямое номинативное значение и построенные по модели "имя соответствующей группы метеонимов (национальное или его диалектный эквивалент) + его характеристика", ср.: *буйкой ветер* – "сильный", *ветер с полуночи* – "северный", *летов ветер* – "южный", *относной ветер* – "ветер с берега", *загривный ветер* – "теплый", *крестовой ветер* – "ветер, дующий во всех направлениях"; *заройный дождь, левный дождь* – "ливень", *мороковой дождь, ситный дождь* – "моросающий", *сиверный дождь* – "снег с дождем", *мелкая трупя* – "дождь со снегом", *снег с отужиной* – "снег плотный, лежащий давно", *снег лапистый* – "крупные снежинки", *патера со снегом* – "метель" *первая завороха* – "первый снег", *жаворонкова кижя* – "последний снег". Особенно много таких фразеологизмов среди местных названий ветров. Ко второй группе относятся фразеологизмы метафорического характера, в состав которых метеонимы как таковые не входят: *парусное погодые* – "встречный ветер", *гнилой угол, мокрый хвост* – "влажный ветер", *беличья чахотка* – "моросающий дождь", *старик растет* – "теплый летний дождь", *небо пало, черти свадьбу играют* – "сильный снегопад", *попова шляпа, солдатские онучи* – "крупные снежинки". Фразеологические единицы, подобные входящим в первую группу, в литературном языке квалифицируются как устойчивые сочетания, а отнесенные ко второй – как собственно фразеологизмы.

Различие между составными наименованиями и собственно фразеологизмами заключается в типе связи с действительностью: составные наименования выполняют в языке номинативную функцию и являются сочетаниями терминологического характера [3, 199-200], фразеологизмы же "не столько называют обозначаемое, сколько характеризуют его" [8, 79]. Наш материал свидетельствует, что севернорусские метеонимы-собственно фразеологизмы имеют яркий образный характер. Так, в них происходит "очеловечивание" природных стихий, используются наблюдения над миром животных [4, 20-25].

Именно подобными номинациями представлены в говорах РС названия слепого дождя: *лисья погода, покойники сушатся, утОпленники бегают, утОпленники сушатся, утОпленник радуется, черти портянки сушат*. Само погодное явление – дождь при солнце – нетипично для севернорусской природы, поэтому во внутренней форме диалектизм, обозначающий его, ярко выражен образный компонент. Такой способ номинации – свойство не только севернорусских говоров. Ср.: *Солнце зубы выскалило (скалит)* (смол.), *царевна плачет, солнце смеется* (пермск.), *ангелы кушаются, черт жинку бьёт* (полесск.), немецкие выражения *старая ведьма печет блины, ведьмы масло сбивают, черт свою жену колотит* [4, 22].

Многие из фразеологизмов этого типа уходят своими корнями в мифологию, как языческую, так и христианскую. Так, идиомы *сивка скачет(бежит)* – "о наступлении зимних холодов" и *бурка скачет (бежит)* – "о весенней оттепели", зафиксированные ТЭ в Мезенском районе Архангельской области, по своей внутренней форме связаны с древнейшими представлениями индоевропейцев [4]. Антропоморфные олицетворяющие названия последнего снега (*внук (внучек) за бабушкой пришел, внучок проснулся, дед внука ждет, дед за внуком пришел, бабушка внучку ждет, за внучком бабушка пришел, праведки летят по бабушке, сын деда зовет, сын за бабьком пришел*), в которых, по объяснению диалектоносителей (*Зима – бабушка, весна – внучек /ЛК ТЭ*), возможно, отражаются мифологические представления славян о природе⁴², хотя нельзя исключать и собственно номинативное механическое расширение исконной модели (ср. *Дед* – "слежавшийся снег").

Функционируют ли составные наименования в говорах РС? По нашим данным, ряд метеонимов-фразеологизмов, например, некоторые из названий ветров по направлению, только называют денотат, не внося в номинацию экспрессивных элементов. Ср.: *ветер с полуночи, зимний ветер, зимовой ветер, ночной ветер* – "северный", *ветер летний, ветер с полдня, ветер с половины дня, ветер с Руси, дневной ветер, летов ветер, русский ветер* – "южный". Подобные номинации имеются среди названий дождя (*водяной дождь, заливной дождь, сочной дождь – "ливень", дождь с пылью, моросной дождь, пасмурный дождь – "моросающий"*) и снега (*снег лапистый, снег широкопёрый – "крупные снежинки", тугой снег – "плотный"*). Подобные фразеологизмы можно считать составными наименованиями, поскольку эти диалектизмы представляют собой своего рода местные термины, в составе которых закрепляется важные для диалектоносителей понятия и ориентиры. Так, в названиях ветров это могут быть топонимы и антропонимы (*ветер с Баранова* (название деревни), *ветер с Вытегры* (название реки), *ветер с Зенка* (со стороны, где жил Зиновий), *ветер с Репиной стороны* (кличка жителя деревни – Репа)), объекты, относительно которых рассматривается движение воздушных масс (*голомяный ветер – "ветер с моря", голомя – открытое море, море вдали от берегов, из монастыря ветер*) и т.д.

⁴² Основой мифологического предметного отождествления, по мнению М.Э. Рут, является мотивированное мифом объяснение явлений действительности и установление категориальных ограничений в рамках мифологического мышления [6, 27].

Вместе с тем следует иметь в виду, что гораздо чаще в народной речи метеоявление не только называется, но и характеризуется с точки зрения его влияния на хозяйственную деятельность людей, поэтому внутренняя форма многих устойчивых сочетаний прозрачна и содержит коннотативный компонент: *Безрукой ветер* ("сильный ветер") *все из рук рвет*; *Когда дует знойной ветер* ("западный") – *так к дождю, сенокосу плохо*; *Эко ветер заблудил, бездельник*. Скажут: *"Блудной ветер* ("долго не стихающий"), *чево не спицца тебе? /ЛК ТЭ/*. Также: *буйкой ветер, шальной ветер* – "сильный", *женатый ветер* – "северный", *вдовый ветер* – "долго не стихающий", *ветер в зубы* – "встречный", *ветер в поход, пособный ветер* – "попутный ветер". Среди названий дождей примером таких наименований могут являться обозначения теплых летних дождей, ср.: *грибовой дождь, грибошной дождь, грудовой дождь, рыжастый дождь, рыжечный дождь, хлебородный дождь*. Подобные устойчивые сочетания одновременно и называют, и характеризуют погодные процессы. Поэтому мы вслед за Т.В. Симашко [7, 105-123] считаем их к собственно фразеологизмами, функционирующим в говорах РС.

Итак, фразеологизмы как лексико-функциональные единицы занимают особое место среди севернорусских метеонимов. Поскольку жизненный опыт северных жителей – крестьян, охотников, рыбаков – не позволяет им абстрагироваться при номинировании погодных процессов, постольку во фразеологизмах отразился не только "классифицирующий" взгляд диалектоносителей, но и, главным образом, их "оценивающая" позиция. Поэтому, имея нейтральное значение, большинство из проанализированных метеонимов-фразеологизмов проявляет во внутренней форме в той или иной степени характеризующий компонент. Анализ структуры и типов севернорусских метеонимов-фразеологизмов способствует выявлению специфики национальной языковой картины мира.

Список литературы

1. *Березович Е.Л.* Две семантические реконструкции: I. *Иван да Марья*: к интерпретации образов севернорусского дожинального обряда. II. *Вороного коня в поле не видать* // Этимологические исследования. Выпуск шестой: Материалы I-II научных совещаний по русской диалектной этимологии. Екатеринбург, 1996. С. 124-150.
2. *Кондратенко М.М.* Словосочетание как средство обозначения природных явлений в славянских диалектах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1992. СПб, 1994. С. 88-91.
3. *Кузнецова Э.В.* Лексикология русского языка. М., 1989.
4. *Подюков И.А.* Народная фразеология в зеркале народной культуры: Учеб. пособие. Пермь, 1990.
5. *Русский язык.* Энциклопедия. М., 1979.
6. *Рут М.Э.* Образная номинация в русском языке. Екатеринбург, 1992.
7. *Симашко Т.В.* Денотативный класс как основа описания фрагмента мира. Архангельск, 1998.
8. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.

Т.В. Фоминых
Екатеринбург

Взгляд на семантические поля слов “рука” и “ладонь”

В последнее время становится все более очевидно, что языковой материал является наиболее весомой, часто самодовлеющей, информацией о мире и человеке в нем.

В XX столетии произошло философское переосмысление сущностных характеристик языка, что способствовало возникновению новой науки - лингвокультурологии. Цель лингвокультурологии - получить сведения о человеке, исходя из его языка, т. к. именно в языке репрезентируется концептуальный образ мира.

Одной из задач, которую решает молодая наука, является попытка ответить на вопрос: к какой части значения языкового знака прикрепляются “культурные смыслы”? Постановка вопроса о взаимосвязи культурных коннотаций с лингвистическими привела к необходимости изучения мифа, фольклора, фразеологии. Так, например, изучая образ человека, его внешний облик, в мифе и фразеологии, исследователи пришли к выводу, что семантика слова **рука** преимущественно негативная, т. к. формируется неким архетипом (или несколькими архетипами).

Теория архетипов принадлежит К.Г. Юнгу. Именно Юнг, много лет изучавший коллективное бессознательное, указывал на то, что символы не должны вырываться из контекста. Рука является символом. Этот факт обязательно надо учитывать, обращаясь к изучению семантического поля слова **рука**.

У любого человека с рождения формируется отношение к руке как к части тела, формируется неразрывно с восприятием символической сущности слова **рука**. Этот символизм столь значим, что в книге А.Пиза “Язык телодвижений” описание жестов занимает более четверти всей его работы. Особенностью языка телодвижений является то, что его проявление обусловлено импульсами нашего подсознания, и информация, которая передается таким языком, оказывается более важной для воспринимающего, чем вербальная. На невербальном уровне общения у человека происходит разное восприятие руки в целом и ладоней, что приводит к необходимости исследования символического значения ладони наравне с символическим значением руки.

К сожалению, в рамках статьи нет возможности сделать это подробно. Поэтому рассмотрим лишь минимум информации, позволяющий приблизиться к пониманию общих и различных “культурных смыслов”, закрепившихся в словах **рука** и **ладонь**, и к ответу на вопрос: что же привело к развитию негативной семантики слова **рука**? По всей видимости, это комплекс причин, связанных с особенностями мировосприятия человека, с развитием мифологии и с развитием языка. Отвечая на поставленный вопрос, следует рассмотреть каждую составляющую этого комплекса.

Поскольку лингвокультурология - продукт антропоцентрической парадигмы в лингвистике, сначала обратимся к результатам ассоциативного эксперимента. Ассоциации относятся к феноменам культуры. Человек усваивает связи между явлениями через социальное познание, т. е. через свое существование в культуре. Так, для любого человека европейской культуры черный цвет - это прежде всего цвет траура, тогда как в японской культуре в том же качестве выступает белый цвет.

Слова **рука** и **ладонь** в качестве слов-стимулов были предложены группе из 67 человек в возрасте от 20 до 50 лет. Ассоциации, полученные в ходе эксперимента, подтверждают гипотезу о наличии общей части символического значения данных слов. Выявлены одинаковые ассоциации: часть тела (15% - к слову рука // 10% - к слову ладонь), жест (17% // 7%), дружба (20% // 20%), мама (10% // 18%), помощь (23% // 2%). Слово **рука** больше ассоциируется с активным началом: работа, деятельность (50%), сила, власть (38%), грубость, агрессия (10%), механизм (8%), единственная символическая ассоциация - это дерево, ствол дерева, ветвь (8%). Ассоциации к слову **ладонь**: теплая, мягкая (60%), нежная, ласковая (47%), внутренний мир (35%), мир, покой, лад (25%), широта (20%), судьба (18%), листочки, цветок (5%). Интересен тот факт, что слово **ладонь** вызвало больше глубинных, символических ассоциаций (цветок, листок, судьба, лодочка, черепаха, квадрат).

Необходимость изучения предложенных слов-стимулов в паре обусловлена еще и тем, что развитие любого символа соответствует закону энантидромии (т.е. согласуется с принципом, согласно которому некоторая данная позиция в конечном итоге смещается в направлении своей противоположности). Мифологические памятники, подтверждая этот факт по отношению к каждому из символов, входящих в пару, содержат и данные, позволяющие сформировать гипотезу о том, что изначально символика **руки** и **ладони** была предельно близкой. Степень этой близости вряд ли удастся установить точно, т.к. "культурные смыслы" слов **рука** и **ладонь**, вероятно, столь же древни, как и сама культура.

Обращение к материалам языка и мифологии подтверждает гипотезу о том, что семантика слов с сочетаниями **ал**, **ла**, **лад** (и исторически связанными с ними корнями) имеет схожие поля с выявленными в ассоциативном эксперименте.

В русском языке: лад, ладошки, ладить, ладно, ладья.

В латинском языке: late (широко, обильно), lateo (быть скрытым, защищенным, укрываться), latio (несение, принесение), latus (широкий, обширный), alio (в другую сторону), alius (иной, другой), alo (питать, кормить, возвращать, воспитывать).

В древнегреческом языке: lego (собирать), leia (собирать), leios (гладить), leto (лето-богиня-мать), lete (Лета, река забвения).

В шумеро-аккадской мифологии: Алад - добрый дух, хранитель каждого человека.

В мифологии игбо (Нигерия): Ала - божество земли и плодородия (символ - черепаха).

Исследователи мифов о богине Лето считают, что, вероятнее всего, это божество догреческого происхождения, а имя ее связано с ликийским lada (жена, мать).

Велика роль Ладьи в обрядах плодородия и в ритуалах поминовения усопших у многих народов.

Вопрос о происхождении образа Ал недостаточно ясен. Можно предположить, что он формировался в эпоху древнейших контактов этнических общностей (индоевропейской и семитской языковых семей) до их расселения на территории современного обитания. Следы преставлений о ее благодетельных функциях (помощи человеку) позволяют предположить, что первоначально Ал - добрая богиня, покровительница плодородия, домашнего очага.

Корень слова *рука* восходит к древнему сочетанию **ор**, во время изучения судьбы которого была установлена его связь с сочетаниями: оро, ро, ру (в разных славянских языках находим рука, рька, гока, тука).

В латинском языке: *gobur* (дуб, сила, крепость, прочность), *rudis* (грубый, палка), *ruo* (рушиться, бросаться), *oga* (край, граница, предел, берег, страна, область).

В древнегреческом языке: *organon* (орудие), *ortos* (прямой, правильный), *oros* (граница, предел, срок), *aireo* (брат), *garixo* (уничтожать, поднимать), *rome* (сила).

В полинезийской мифологии встречается воинственный бог Оро, Ронго-громовик, ср. Перун (бог грозы в славянской мифологии из индоевроп. Per(kw)-un-o-s). Бог грозы уже в индоевропейской традиции связывался с военной функцией. К индоевропейскому же периоду восходит и связь Перуна с горами и дубовыми рощами.

В мифологии встречается и упоминание о богине Рух, являвшейся, вероятно, главной богиней-матерью.

На основании изложенного материала можно сделать вывод о том, что развитие семантического поля *рука* имеет тенденцию к развитию негативной семантики, но связано это, скорее всего, не столько в негативными архетипами, сколько с развитием парного символизма *рука - ладонь*, подчиняющегося закону энантиодромии, с одной стороны, а с другой - со спецификой восприятия человеком (особенно русской культуры).

Список литературы

1. Аллан Пиз. Язык телодвижений. - Нижний Новгород: "Ай - Кью", 1992.
2. Керлот Хуан Эдуардо. Словарь символов. - М.: "REFL - book", 1994.
3. Костомаров В.Г. Жизнь языка: От вятичей до москвичей. - М.: Педагогика-Пресс, 1994.
4. Маслова В.А. Лингвокультурология. - М.: Сов. энциклопедия, 1991-1992, т.1-2.
5. Сэмюэлз Э., Шортер Б., Плот Ф. Критический словарь аналитической психологии К.Юнга. - М.: ЭСИ, 1994.
6. Фрумкина Р.М. Психоллингвистика. - М.: Издательский центр "Академия", 2001.
7. Юнг К.Г. Понятие коллективного бессознательного // Аналитическая психология: Прошлое и настоящее. - М.: Мартис, 1995.

© Фоминых Т.В., 2002

вопрос о причинах отмеченных различий между словарями, которые примерно равны по общему количеству толкуемых лексико-семантических вариантов.

Прежде всего необходимо ещё раз отметить, что во французском языке существительных с развитой многозначностью значительно больше, чем в русском. Данные о соотношении общего объема субстантивной лексики в зоне развитой многозначности и доли в них стилистически окрашенных слов отражает следующая таблица.

Соотношение общего объёма многозначных существительных и доли стилистически окрашенных слов.

Язык	Всего		в том числе со стилистическими пометами	
	слов	значений	слов	значений
Французский	3589	41805	3217 (89,6 %)	8494
Русский	574	7760	333 (58 %)	519

Представленные в настоящей таблице данные свидетельствуют, что большее, чем в русском, количество стилистически окрашенных существительных, относящихся к зоне развитой многозначности во французском языке, в значительной мере объясняется тем, что в указанной зоне французского языка объективно больше существительных, чем в аналогичной зоне русского языка. Однако нетрудно заметить, что во французском языке выше, чем в русском языке, и доля (в процентах) стилистически окрашенной лексики, относящейся к зоне развитой многозначности (во французском языке - 89,6 %, а в русском языке - только 58 % слов).

Для выявления причин такого несоответствия рассмотрим группы, где наблюдаются наиболее значительные диспропорции.

Первую группу составляет *специальная лексика*. В словаре С.И. Ожегова такая лексика имеет помету “спец.”, а в словаре “Le Nouveau Petit Robert” - пометы “techn.”, “sc.”, “didact.” “bot.”, “anat.”, “phys.”, “opt.” и др. Во французском словаре зафиксировано 3432 слова с подобными пометами в основном или вторичных значениях, а в русском - только 158 слов, то есть почти в 22 раза меньше. Указанную диспропорцию можно во многом объяснить тем, что во французском языке большинство специальных терминов (науки, техники и т.п.) образуются на основе семантического развития общеупотребительных слов. Так, существительное *une attaque* (основное значение *нападение*) имеет одно из вторичных значений *сердечный приступ*, слово *un bec* (основное значение *клюв*) в одном из стилистически окрашенных значений имеет значение *мундштук (духовых инструментов)*, существительное *un sarichon* (основное значение *капюшон*) имеет также в качестве одного из вторичных значение *колпачок (газового баллона)*, слово *une chemise* (основное значение *рубашка*) имеет в одном из вторичных значений значение *кожух*, существительное *un bout* (основное значение *конец*) в качестве одного из вторичных имеет значение *наконечник* и т.д. Подобные примеры имеются и в русском языке: так, толкование основного значения слова *язычок* - “*подвижный мышечный орган в полости рта, воспринимающий вкусовые ощущения, у человека участвующий так-*

же в артикуляции”, а одно из стилистически окрашенных значений толкуется как *небольшой отросток у основания пластинки листа злаков и некоторых других растений*; слово *тело* (основное значение - *отдельный предмет в пространстве*) имеет в качестве одного из вторичных значение *основная часть, корпус чего-нибудь*; существительное *матка*, имеющее в качестве основного значения значение *внутренний орган женщины и самок живородящих животных*, в качестве одного из стилистически окрашенных вариантов имеет значение *специальное военное судно, обнаруживающее другие суда во время стоянки*; слово *горло* (основное значение - *передняя часть шеи*) имеет также специальное вторичное значение *пролив, соединяющий залив с морем, а также рукав, соединяющий устье реки с морем, озером*.

Общие закономерности терминообразования в данном случае совпадают, но в зоне развитой многозначности русского языка выявлено 139 существительных с рассматриваемым соотношением между стилистически нейтральным основным и специальным вторичным значением, а во французском - более четырёх тысяч. Дело в том, что в русском языке, как показывает специальное исследование З.И. Комаровой (1991), основной путь образования терминов - это заимствования из других языков и значительно реже терминологическое значение приобретают общеупотребительные слова или используется аффиксация. Совсем иначе обстоит дело в английском языке, где, как показано в монографии Л.М. Алексеевой (1998), основной путь терминообразования - это метафорическое преобразование семантики общеупотребительных слов. Эту же закономерность отмечает В.Г. Гак во французском языке: “для создания терминов французский язык прибегает в большей степени, чем русский, к сужению и переносу значения общеупотребительных слов” (1977, с. 93). Наше исследование также подтверждает очень широкое использование метафорического терминообразования во французском языке. Указанные особенности терминообразования можно объяснить социальными особенностями функционирования и развития рассматриваемых языков (различное отношение общества к заимствованиям) и их грамматическими свойствами (более развитой системой русских суффиксов).

Вторую группу с особенно заметными количественными различиями составляет *лексика, отражающая историческое развитие языка и общества*. В русском языке к этой группе относятся слова, имеющие в словаре пометы “устар.” и “стар.” (по данным словаря С.И. Ожегова “устар.” (67 слов) и “стар.” (7 слов). Указанными пометами снабжены в словаре основные или вторичные значения таких слов как *укладка (небольшой сундук)*, *урок (работа, заданная для выполнения в определённый срок)*, *закон (вероучение)*, *марка (значок, жетон, по которому производится последующая оплата чего-нибудь)*, *рожок (бутылочка с соской для кормления младенцев)* и др. В рассматриваемом словаре французского языка существительные данной группы имеют пометы “vx.” (898 слов) и “vieilli” (347 слов). В качестве существительных с развитой многозначностью, маркированных в основном или одним из вторичных значений, - это такие слова как *la police* (устаревшее значение *правительство, организация*), *une querelle* (*судебная жалоба*), *le ratage* (*листва*), *la*

sagesse (знание), *la télégraphie* (строительство и запуск воздушного телеграфа) и др.

Представленные данные свидетельствуют, что в зонах развитой многозначности французского языка количество существительных рассматриваемой группы более чем в 16 раз превышает количество существительных в аналогичных зонах русского языка. Возможно указанные различия связаны с изначальными теоретическими установками составителей рассматриваемого словаря французского языка на достаточно представительное отражение в словаре архаизмов. Однако, если учесть, что подобная лексика последовательно отражается и в других словарях французского языка (“Lexis”, “Le Grand Robert” и др.), то можно предположить, что французские лексикографы отражают в словаре специфическое отношение французского общества к рассматриваемой лексике, что таковы традиции французской лексикографии.

Третья по количеству группа стилистически окрашенных существительных в зоне развитой многозначности французского языка имеет в рассматриваемом словаре помету “*fam.*” (*разговорное*) и состоит из 512 слов (*une légende* - большой человек, “*шишка*”, *l' inondation* - потоп, *une huile* - “*шишка*”, большой, влиятельный человек, *une gomme* - никчемный, пустой человек (*вещь*) и др.). В русском языке аналогичную помету имеет 126 слов (*свинья, козёл, свора, собака, команда* и др.), то есть в четыре раза меньше. Столь существенные различия между количеством рассматриваемых существительных в сопоставляемых словарях, видимо, можно объяснить традициями русской и французской лексикографии: составители русских словарей обычно ориентируются на нормативный принцип отбора словника и очень осторожно включают в словарь необщепотребительную лексику. Французские лексикографы в большей степени ориентируются на объективный принцип, то есть включают в словник те единицы, которые объективно существуют в языке. С другой стороны, тот факт, что в словаре С.И. Ожегова зафиксировано в зоне развитой многозначности 36 существительных с пометой “прост.”, а во французском словаре “Le Nouveau Petit Robert” отражено только 32 относящихся к зоне развитой многозначности существительных с аналогичной пометой, можно, видимо, объяснить тем, что во французском языке граница между просторечием и фамильярно-разговорным стилем очень мобильна, поскольку допускает свободный переход слов от одного уровня к другому, что и было отмечено многими исследователями (Р. Гиро, Ю.С. Степанов, Д. Франсуа, З. И. Хованской и др.).

Существенные количественные различия наблюдаются и между группой многозначных русских существительных с пометой “*книж.*” (36 слов: *сфинкс, аксессуар, платформа, объект, ткань, зерно* и т.д.) и группой многозначных французских существительных с пометой “*litt.*” (478 слов: *la fortune* - судьба, *l' exploit* - подвиг, *un degré* - ступенька (*лестницы*), *la convenance* - соответствие, *un capitaine* - капитан и т.д.). Тринадцатикратное превышение, видимо, отчасти объясняется особенностями стилистической дифференциации французского языка, где вообще достаточно велика доля книжных слов, тогда как в русском языке группа книжных слов относительно невелика.

В других группах французской и русской лексики с сопоставимой стилистической окраской количественные различия не столь впечатляющи, как в уже рассмотренных, однако показательно, что практически во всех случаях группы французских существительных с развитой многозначностью превосходят по объёму аналогичные русские группы. Сравним:

“Ирон.” (4 русских слова) - “iron.” (18 французских слов);

“Обл.” (8 русских слов) - “tignon.” (79 французских слов);

“Высок.” (12 русских слов) - “ройт.” (15 французских слов);

Наибольшие различия наблюдаются при лексикографическом описании диалектных слов. Очевидно, что в русском языке тоже очень много областных слов, но традиции русской лексикографии таковы, что диалектизмы лишь в исключительных случаях включаются в словари литературного языка, особенно в подчеркнута ориентированные на нормативность словари “малого” (по классификации С.И. Ожегова) типа.

Ещё одна группа различий, по-видимому, связана преимущественно с традициями соответственно русской и французской лексикографии, которые, в свою очередь, в определенной мере отражают особенности стилистической дифференциации лексики в сопоставляемых языках.

Прежде всего необходимо выделить во французском словаре “Le Nouveau Petit Robert” объединения многозначных слов с такими пометами, которые не имеют аналогов в словаре С.И. Ожегова.

Во-первых, это относящиеся к зоне развитой многозначности французские существительные с пометой “*mod.*” (*современное*) - 508 слов. Такие пометы несут “несамостоятельный” характер. Они даются как противопоставление архаичному основному значению (или одному из значений), маркируя употребляемое в современном языке значение слова. Так, например, слово *le retranchement* имеет в основном значении помету “*vx*” (*отсекание части, упразднение*), а вторичное его значение снабжено пометами “*mod.*”, “*dr.*” (*ограничение имущественных прав одного из супругов в пользу другого, имеющего детей от предыдущего брака*), что говорит о том, что данное терминологическое значение является, в отличие от основного, употребляемым сейчас в области юриспруденции. Следует отметить, что в толковых словарях русского языка такие значения, как правило, специально не отмечаются.

Во-вторых, в рассматриваемом словаре французского языка 96 существительных имеют помету “*rare*” (*редкое*). Так, слова *la maîtrise* (*власть*), *la fraternité* (*родство*), *l'altération* (*изменение*), *un bandage* (*перевязка*) и др. в основном или одним из вторичных значений маркированы указанной пометой. Показательно, что в толковых словарях русского языка частотные характеристики лексики обычно не представлены.

В-третьих, в словаре “Le Nouveau Petit Robert” специально выделено 181 существительное с пометами, отражающими принадлежность слова к религиозно-мифологической сфере (*l'ame* - *душа*, *la bénédiction* - *благословение*, *un canon* - *канон*, *l'ascension* - *вознесение*, *un décret* - *декрет* и др.). В словаре С.И. Ожегова религиозная лексика особыми пометами не сопровождается, хотя в других толковых словарях русского языка (например, в Большом и Малом Академических) соответ-

ствующие пометы используются. Специальное исследование религиозной лексики в толковых словарях, проведенное Ю.Н. Михайловой, показало, что словарь С.И. Ожегова 1997 года издания, в отличие от предыдущих изданий, уже фиксирует религиозную лексику, что говорит о том, что “в эпоху естественных изменений российской жизни снятие запретов на религию привело к изменению лексикографического описания слов религиозной сферы”. Исследователь отмечает далее, что “основное направление лексикографических изменений в современных словарях – это стремление составителей сделать дефиницию объективной и понятийно точной” (1999, с.222-224).

Вместе с тем необходимо отметить, что в словаре С.И. Ожегова четыре существительных из зоны развитой многозначности имеют помету “*офш.*”, которая, по-видимому, не имеет аналогов в рассматриваемом словаре французского языка.

Рассмотрение специфики стилистической окраски французских существительных показывает, что для французского языка очень характерно разнообразие в стилистической окраске значений одного и того же слова. Так, К.А. Долинин (1978, с. 150) отмечает, что основное значение существительного “*un gamin*” (уличный мальчишка) является устаревшим, но это же слово в значении “*проказник, -ца; шалун, -нья*” имеет помету “*современное*”. Ещё одно из значений этого слова (“*мальчуган, девчушка*”) в рассматриваемом нами словаре определяется как *разговорное*. Аналогичное соотношение между стилистической окраской характерно и для целого ряда других французских существительных. Так, например, слово *une chambre* (комната) в основном значении маркировано пометой “*vx*”, в одном из вторичных значений это слово снабжено пометой “*vieilli*” (дом), несколько других вторичных значений этого же существительного имеют пометы, относящиеся к специальной сфере употребления, - “*bot.*”, “*anat.*”, “*phys.*”, “*opt.*” (электронный детектор, полость органа и т.д.).

Случаи различной стилистической окраски отдельных значений многозначных существительных эпизодически встречаются и в словаре С.И. Ожегова, но во французском языке это не какое-то исключение из правил, а едва ли не закономерность. Особенностью французского языка является и то, что одно и то же значение слова может иметь несколько помет. Так, одно из значений слова *le sens* (плоть) имеет пометы “*litt.*”, “*vieilli*”; одно из значений слова *le truffle* (деньги) снабжено пометами “*fam.*”, “*vx*”; существительное *un canard* (утка, ложная весть) в одном из значений маркировано пометами “*fam.*”, “*vieilli*” и т.д.

Итак, можно выделить несколько факторов, способных в той или иной степени объяснить, почему в зоне развитой многозначности французского языка почти в десять раз больше существительных с различными стилистическими пометами, чем в аналогичной зоне русского языка. Во-первых, во французском языке вообще больше многозначных существительных, чем в русском. Во-вторых, французская терминология образуется преимущественно путём развития семантики общеупотребительных слов, тогда как русская терминология развивается преимущественно на основе заимствований и (в меньшей степени) с использованием аффиксации, что, в свою очередь, отчасти объясняется спецификой лексической и грамматической системы рассматриваемых языков и различным отношением русского и фран-

цузского общества к заимствованиям. В-третьих, русская лексикография традиционно ориентирована на нормативность и осторожное отношение к включению в толковые словари необщепотребительной лексики (С.И. Ожегов полностью следует этой традиции), тогда как традиции французской лексикографии позволяют более активно включать в толковые словари необщепотребительную лексику.

Список литературы

1. Алексеева Л.М. Термин и метафора. Пермь, 1998. - 324 с.
2. Гак В.Г. Лингвистические словари и экстралингвистическая информация // Вопр. языкознания. - 1987. - № 2. М.: Наука. - С. 3-15.
3. Гак В.Г. Новые слова и новые словари // Новые слова и словари новых слов. Л.: Наука, 1983. - С. 5-29.
4. Гак В.Г. О новейших работах во французской лексикографии // Филол. науки. - 1968. - № 6. - С. 108-116.
5. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. М.: Межд. отн., 1977.- 263 с.
6. Долинин К.А. Стилистика французского языка. Л.: Просвещение. Лен. отд., 1978. - 343 с.
7. Комарова З.И. Семантическая структура специального слова и её лексикографическое описание. Свердловск: Изд. Урал. ун-та, 1991. -156 с.
8. Михайлова Ю.Н. Религиозная лексика в толковых словарях // Русский язык и русистика в современном культурном пространстве. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. - С. -222-224.
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1991. - 922 с.
10. Хованская З.И. Лексикологические и лексикографические исследования в Институте французского языка (ИФЯ) // Науч. труды МГПИИЯ им. М. Тореза. - Вып. 177. - М., 1981. - С. 215-225.
11. *Lexicographie et la pratique du dictionnaire // Linguistique française*. P.:Hachette Supérieur, 1983. - p.159-170.
12. *Le Nouveau Petit Robert: dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française*. Rédaction dirigée par A. Rey et J. Rey-Debove. P.: Le Robert, 1994. - 2468 p.

© Белеева И.Д., 2002

М.Ф.Кондакова

Екатеринбург

Языковые контакты и их типы

Определение языковых контактов

Хотя проблема изучения языковых контактов давно интересует лингвистов, термин “языковой контакт”, впервые предложенный А. Мартине, появился сравнительно недавно (Martinet, 1952; 1959; Мартине, 1972).

Определение термина “языковой контакт” можно найти у многих лингвистов (Weinreich, 1953; Haugen, 1957; Zawadovski, 1961; Розенцвейг, 1963; Ильяшенко, 1970; Хауген, 1972; Иванов, 1990; и др.).

Принято считать, что определение термина “языковой контакт” дал основатель этого направления У. Вайнрайх (См., напр.: Розенцвейг, 1963: 59; Ильяшенко, 1970: 12, 13). В действительности, У. Вайнрайх не употребляет термина “языковой контакт”, а говорит о “языках (находящихся) в контакте”, или “контактирующих / контактных языках” (ср., напр., название его работы “Languages in contact” - Weinreich, 1953). Поэтому ученый не дает определения термина “языковой контакт”, а фактически устанавливает условия контактирования языков: “Два или несколько языков находятся в контакте, если их употребляет один и тот же человек” (Weinreich, 1953; Zawadowski, 1961: 296; Ильяшенко, 1970: 13).

Термин “языковой контакт” (“language contact”) в его современном употреблении встречается у Э. Хаугена. Термин был, вероятно, создан на основе словоупотребления У. Вайнрайха. Именно Э. Хауген первым определил понятие “языкового контакта”, перефразировав и дополнив своего предшественника: “Языковой контакт” определяется как “поочередное использование двух или более языков одними и теми же лицами”, которых называют носителями двух (или более) языков, или двуязычными носителями” (Haugen, 1957; Хауген, 1972: 61-62).

Обсуждение понятия “языковых контактов” можно найти у Л. Завадовского и Т. П. Ильяшенко. Первый, фактически возвращаясь к условиям контактирования языков У. Вайнрайха, вносит в них некоторые, не всегда удачные уточнения: “Имеется контакт между диалектами (или языками), если говорящий употребляет (активно или пассивно), или только знает два диалекта (языка)” (Zawadowski, 1961: 293).

В свою очередь, Т. П. Ильяшенко предлагает в достаточной степени широкую трактовку термина “языковой контакт / языковые контакты”: “Языковой контакт является процессом социального плана, характеризующим языковые отношения, основанные на единстве постоянно-индивидуальных и постоянно-социальных языковых фактов” (Ильяшенко, 1970: 13).

В. Ю. Розенцвейг, некоторое время принимавший термин У. Вайнрайха, затем предложил свое определение, которое подразумевает под языковым контактом вообще любое речевое общение между двумя языковыми коллективами (Розенцвейг, 1972: 3).

В некоторых работах отечественных лингвистов предлагалось использовать термин “языковой контакт” в широком и узком смысле слова. Узкое толкование сводит значение термина к контактной ситуации, связанной с обязательным двуязычием. В широком смысле – это межъязыковая связь, при которой не может быть двуязычия, например при заимствовании лексики в процессе различных социально-политических, культурно-исторических, торгово-экономических и других отношений (Опельбаум, 1971: 16; Семчинский, 1974). Так, например, С. В. Семчинский определяет взаимодействие языков как особый процесс, который возникает вследствие сосуществования в сознании отдельных говорящих двух языковых систем, которые могут взаимно перекрещиваться и переплетаться (Семчинский, 1974: 20). Но

Ю. А. Жлуктенко считает, что свое определение С. В. Семчинский дает не с лингвистической позиции, а с точки зрения психологии, поскольку речь идет лишь о психическом механизме, вызывающем лингвистическое взаимодействие. В то время как само взаимодействие представляет собой изменения (качественные и количественные), происходящие в структуре и “инвентаре” языков индивидов вследствие установления межъязыковой связи (Жлуктенко, 1974: 2).

По мнению С. В. Семчинского, термины “языковой контакт” и “взаимодействие языков” синонимичны (Семчинский, 1974: 12). Однако Ю. А. Жлуктенко полагает, что между этими двумя понятиями существует большая разница. Его понимание языкового контакта сводится лишь к определенному типу языковой связи, в то время как взаимодействие языков представляет собой весь комплекс явлений, которые развиваются как результат ее установления (Жлуктенко, 1974: 17).

А. Е. Карлинский считает, что термин “языковые контакты” используется как синоним термина “билингвизм” и что основания для подобного понимания дал сам У. Вайнрайх (Карлинский, 1984: 3-4). Поэтому он вслед за Е.М.Верещагиным предлагает свое определение обсуждаемого понятия, так как, по его мнению, “билингвизм” обозначает всю совокупность явлений взаимодействия языков в экстралингвистическом (функциональном плане). Но А. Е. Карлинский, рассматривая понятие “языковых контактов” в двух аспектах, как синхронном, так и диахронном, в отличие от Е. М. Верещагина, ограничивающего понимание только областью речи (Верещагин, 1969: 56), дает следующее определение: “Два языка (А и В) находятся в контакте, если речь (текст), порожаемая на языке А, содержит в себе элементы и/или отношения языка В, а также если элементы и/или отношения языка А проникают и обнаруживаются в системе языка В, и наоборот” (Карлинский, 1984: 11).

Современное понимание языковых контактов ясно определил В.В.Иванов: “Языковые контакты – это взаимодействие двух или более языков, оказывающее влияние на структуру или словарь одного или многих из них” (ЛЭС, 1990: 237). По нашему мнению, это определение лучше всего соответствует языковым фактам. Правда, нельзя не учитывать замечание Л. Завадовского (Zawadowski, 1961) о том, что языковые контакты могут затрагивать не только языки, но также диалекты, или языковые системы вообще (языки, варианты языков, диалекты, говоры, специальные языки и др.).

Типы языковых контактов

В литературе, посвященной проблеме языковых контактов, можно найти классификации языковых контактов, которые различаются в зависимости от критериев разграничения, от исходных позиций. Одни лингвисты предлагают классификации языковых контактов, опираясь на экстралингвистические факторы (Серебренников, 1955; Жлуктенко, 1974). Другие исследователи на первый план выдвигают интралингвистические критерии (Горнунг, 1952). А. А. Белецкий и С. В. Семчинский строят классификацию на основе результатов взаимодействия языков (Белецкий, 1967; Семчинский, 1974).

Б. В. Горнунг дает классификацию языковых контактов на основании структурной близости языков, тогда как межъязыковые связи устанавливаются с большей легкостью, и выделяет четыре типа взаимодействия (Горнунг, 1952: 4):

- взаимодействие неродственных (разноструктурных) языков;
- взаимодействие родственных, но далеко разошедшихся по грамматическому строю и составу лексики языков;
- взаимодействие близкородственных языков, сохранивших сходную структуру и большое количество общих корневых слов, звуковая форма которых мало изменилась;
- взаимодействие диалектов.

Б.А.Серебренников предлагает различать “контактирование” маргинальное и внутрирегиональное, в соответствии с территориальным размещением языковых сообществ и степенью участия членов языкового коллектива в языковом контакте. В первом случае языковой контакт устанавливается между коллективами, размещенными на смежных территориях, и в нем принимают участие лишь части этих коллективов. Во втором случае языковые сообщества проживают на совместной территории и носители одного языка глубоко проникают на территорию носителей другого языка (Серебренников, 1955: 10).

Нередко в литературе сами процессы взаимодействия языков смешиваются с последствиями контакта. Подобное отождествление мы находим у В.А.Звегинцева, который представляет следующую классификацию “типовых случаев взаимодействия языков” (Звегинцев, 1962: 222):

- полное вытеснение одних языков другими;
- случай, когда два языка, оказав влияние друг на друга в определенный исторический период, расходятся и продолжают сохранять свою самостоятельность;
- упрощение структуры одного из языков в результате соприкосновения и взаимодействия с другим;
- создание языковых союзов, т. е. типологических сближений нескольких языков, зачастую имеющих различную структуру;
- образование так называемых “скрещенных” или “гибридных” языков и жаргонов.

В основу классификации А.А.Белецкого положены различия в характере языкового взаимодействия и предложены следующие типы языковых контактов (Белецкий, 1967: 254):

- контакты с односторонним воздействием (как правило, на лексическом уровне);
- контакты с преобразовывающим воздействием (затронуты несколько уровней одного из языков) и контакты со скрещением (затронуты несколько уровней взаимодействующих языков);
- контакты, приводящие к слиянию и возникновению нового языка (креольские языки).

С. В. Семчинский предложил видоизменить эту классификацию следующим образом (Семчинский, 1974: 26):

- одностороннее воздействие на одном лингвистическом уровне определенного языка;

- двустороннее воздействие на одном лингвистическом уровне взаимодействующих языков;
- одностороннее воздействие на разных лингвистических уровнях определенного языка;
- двустороннее воздействие на разных лингвистических уровнях взаимодействующих языков.

Результатом взаимодействия первого и второго типов являются разнообразные заимствования, вплоть до полного вытеснения одного из взаимодействующих языков или возникновения нового языка (Семчинский, 1974: 26).

С точки зрения длительности и устойчивости взаимодействия Ю. А. Жлуктенко разделяет межъязыковые связи (языковые контакты) на казуальные (эпизодические, случайные) и постоянные (перманентные, длительные) (Жлуктенко, 1974: 16–17). Ю. А. Жлуктенко предлагает также разделение межъязыковых связей на основании характера ситуации общения:

- естественную, возникающую при непосредственном общении носителей разных языков в практике человеческой деятельности;
- искусственную, возникающую в специально созданной для обучения второму языку обстановке – в школе на уроках иностранного языка, на курсах и т. д. (Жлуктенко, 1974: 18).

С точки зрения В. Г. Заседателя, при классификации типов языковых контактов следует исходить из экстралингвистических критериев, к которым следует прибавить и интралингвистические. Экстралингвистические критерии определяют деление языковых контактов на два типа:

- Внутренние контакты, осуществляющиеся между языками и диалектами разных этнических групп, проживающих на одной территории, неотдаленные друг от друга большими природными преградами или государственными, административными границами. В свою очередь, эти контакты подразделены на маргинальные (пограничные, обеспечивающие межъязыковые отношения на незначительной глубине территории смежных языков и диалектов) и интрарегиональные (обеспечивают непосредственные межъязыковые отношения на всей глубине территории смежных языков и диалектов) (Заседатель, 1974: 5–6).
- Внешние контакты, которые устанавливаются между языками и диалектами разных этнических групп (от народности до нации), которые живут на одной и той же территории, но отделены друг от друга большими естественными преградами, государственными, административными границами, или же живут на разных территориях (Заседатель, 1974: 5–6). Вслед за Ю.А.Жлуктенко автор считает, что необходимо учитывать значимость экстралингвистических критериев при определении продолжительности и интенсивности языковых контактов (Заседатель, 1974: 7).

В.К. Журавлев, разделяя языковые контакты по каналам проникновения, выделяет 4 типа языкового взаимодействия:

- взаимодействие по устным каналам (Журавлев, 1982: 180);
- взаимодействие по письменным каналам (Журавлев, 1982: 183);
- контакт между письменными и бесписьменными языками (Журавлев, 1982: 184);
- смешанный контакт, который осуществляется по устным и письменным каналам (Журавлев, 1982: 186).

В лингвистической литературе, посвященной данному вопросу, можно встретить немало других классификаций, в которых различаются связи книжного и разговорного языков, местного и иммигрантского вариантов, государственного языка и языков национальных меньшинств. Нам хотелось бы предложить свою типологию. Для классификации языковых контактов важно, как мы считаем, учитывать следующие аспекты:

1. Количество языков, принимающих участие в контакте. Могут взаимодействовать два, три и более языков.
2. Языковые системы, внутри которых происходит контактирование. Языковое взаимодействие может быть между языками, вариантами, диалектами, говорами, специальными языками.
3. Уровни языка, на которых происходит взаимодействие. Контакт может быть осуществлен на лексическом, грамматическом, фонетическом уровнях языковой системы, а также посредством орфографии.
4. Влияние языков друг на друга. Контакт может быть односторонним, двусторонним, многосторонним.

Список литературы

1. Белецкий А.А. Генезис и этимология / Проблемы языкознания: Доклады и сообщения советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов. – М., 1967.
2. Верещагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия. – М.: Изд-во МГУ, 1969.
3. Горнунг Б.Г. К вопросу о типах и формах взаимодействия языков: Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, № 2. – М., 1952.
4. Жлуктенко Ю.А. Лингвистические аспекты двуязычия. – Киев: Вища школа, 1974.
5. Журавлев В.К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. – М.: Наука, 1974.
6. Заседатель В.Г. Проблемы языковых контактов. – Ужгород, 1974.
7. Звегинцев В.А. Очерки по общему языкознанию. – М.: Высшая школа, 1985.
8. Иванов В.В. Контакты языковые // ЛЭС. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990.
9. Ильяшенко Т.П. Языковые контакты. – М.: Наука, 1970.
10. Карлинский А.Е. Основы теории взаимодействия. – Алма – Ата: Гылым, 1990.
11. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. (ЛЭС).
12. Мартине А. Распространение языка и структурная лингвистика // Новое в лингвистике. Вып. 6. – М.: Прогресс, 1972. – С. 81-93.
13. Опельбаум Е.В. Восточно-славянские лексические элементы в немецкой лексике. – Киев, 1971.
14. Розенцвейг В.Ю. О языковых контактах // В.Я. – 1963. - № 1
15. Розенцвейг В.Ю. Языковые контакты. – Л.: Наука, 1972.
16. Семчинський С.В. Семантична інтерференція. – Киев, 1974.
17. Сербренников Б.А. О Взаимодействии языков // В.Я. 1955. № 1.

18. Серебренников Б.А. О Взаимосвязи языковых явлений и их исторических изменений // ВЯ. – 1964. - № 3.
19. Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. Вып. 6. – М.: Прогресс, 1972. – С. 61-80.
20. Haugen E. Language Contact // Reports for the Eight International Congress of Linguists. – Oslo, 1957. – P. 253-261.
21. Martinet A. Diffusion of language and Structural Linguistics // Romance Philology. – 1952. - № 6. – P. 5-13.
22. Martinet A. Affinité Linguistique // Bulletino dell atlante linguistico mediterraneo. 1959. № 3. – P. 145-152.
23. Weinreich U. Languages in contact. New York, 1953. 1st ed.
24. Weinreich U. Languages in contact, The Hague, 1957. 2nd ed.
25. Zawadowski L. Les dialects d'origine différente en contacts // Orbis. 1961. V. 10. – P. 293, 296.

© Кондакова М.Ф., 2002

С.Н.Муране
Латвия

Лексика медицинской сферы в языке современной латвийской и российской прессы

Язык живёт такой же интенсивной жизнью, как и общество. Происходящие в настоящее время изменения в экономической, политической и культурной жизни находят отражение в языке масс-медиа, особенно прессы. В языковом сознании значительной части современного общества тексты СМИ занимают ведущее место, так как интерес к художественной литературе всё ещё заметно снижен.

Язык современной прессы подчеркнута метафоричен. По выражению О.П.Ермаковой, «метафора – это не только приём изображения, это способ мышления, способ восприятия мира» (2: 45). В текстах прессы наших дней явления экономики, политики, культуры концептуализируются путём сопоставления их с войной, борьбой, театром, механизмами, спортом, карточной игрой и др. Изучению подобных метафор, которые задают в прессе номинации соответствующих лексических сфер, посвящён ряд лингвистических работ (см., например, 3, 4, 5, 7).

Как показывают контексты, включающие лексику названной тематики, извлечённые из латвийских и российских газет в основном двух последних лет, эти номинации продолжают активно использоваться в политическом дискурсе. Например, в статье М.Халтуриной, посвященной школьной реформе в Латвии, реалии этого события сравниваются с явлениями военной и технической сферы:

Отправленные в министерства, в Сейм, в международные организации письма произвели эффект если не бомбы, то гранаты. Оказывается, не все готовы покорно класть головы своих детей под гильотину билингвизма. Машина, которая раньше накатывала на школу, как танк на окоп, начинает то ли пробуксовывать, то ли притормаживать для маневра («МК-Балтия», 6-12 дек. 2001).

В следующем контексте из статьи под рубрикой «Политинформация» в выделенной лексике реализуется распространенная в современном политическом дискурсе метафора «политика – игра в карты»:

Запад, действительно может...сбросить в прикуп три мелких балтийских козыря. Потому что идёт более крупная игра («Суббота», 23-29 ноября 2001).

В языке современной газетной периодики явления разных сфер жизни концептуализируются в метафоре «мир – лечебное учреждение». Восприятие современного мира как нездорового физически и психически обусловило распространение в политическом дискурсе лексики медицинской сферы. «Медицинские» метафоры используются в политическом дискурсе для концептуализации, как правило, общественно-политических явлений, свойственных определенному этапу в жизни общества. О.П.Ермакова пишет, что истоки таких метафор восходят к давней идее уподобления общества живому организму и приводит несколько метафор из работ Герцена, Белинского, Салтыкова-Щедрина: *агония июльской монархии, нравственная холера, куриная слепота школьного доктринерства* и др. (2: 51). В книге «Русская политическая метафора (материалы к словарю)» авторы представляют в числе других и метафоры, включающие лексику медицинской сферы, которые относятся к одному из периодов перестройки (1989-1991 гг.): *обескровленный советский рубль, отслоение партийной кожи, бельмо КПСС* и др. О.П.Ермакова приводит примеры метафор семантического поля болезни из российской публицистики 1991-1994 годов. Эти метафоры свидетельствуют об осмыслении общественно-политических процессов того времени как сугубо негативных: *агония социализма, атрофия власти, паралич власти (экономики, агросистемы), злокачественная опухоль национализма, шоко-терапия, болезнь суверенизации, вирус распада, вирус большевизма, вирус демократии, приступ антисталинской паранойи, реанимация центра, реанимировать старую экономическую программу* и под. (2: 53-55). В связи с изменениями в экономической и общественно-политической жизни на постсоветском пространстве приведённые из языка публицистики метафоры, включающие лексику медицинской сферы, потеряли актуальность, как и концептуализированные в них явления. В то же время, как показывает наш материал, в языке современной прессы появились другие метафоры, задающие номинации медицинской сферы и отражающие реалии наших дней.

Лексика медицинской сферы, плотно покрывающая страницы периодической печати, используется в разных значениях, чаще метафорических, с различными целями и по разным причинам, что и будет предметом описания в предлагаемой работе.

Одной из причин активного употребления медицинской лексики в современном языке прессы является необходимость её использования в рекламе. В последнее

десятилетие XX века вступление экономики постсоветских стран в рыночные отношения сопровождается «бурным развитием одной из особых сфер массовой коммуникации – рекламы» (1: 201). Газетные страницы наполнены рекламой различных лекарств, лечебных принадлежностей и приспособлений, предметов гигиены, врачей и целителей. Кроме того, нет практически ни одной газеты без рубрик *«Ваше здоровье»* или *«Будь здоров»*. В статьях рекламного типа масса лексики медицинской сферы: названия различных болезней, лекарственных препаратов, медицинских аппаратов, врачей разных специальностей, представителей нетрадиционной медицины, лечебных учреждений. Медицинская реклама динамична и лаконична, порой образна, поскольку её задача – дать информацию и воздействовать на потенциального покупателя: *Saridon – и боль пройдёт!*; *Быстрое решение наиболее проблем*; *Кедровый бальзам – здоровые зубы и дёсны*. Статьям рекламного характера нередко отводится несколько страниц, особенно в еженедельниках.

Лексика медицинской сферы широко используется в прямом значении не только в рекламе, но и в статьях о современных болезнях и эпидемиях. Ключевыми номинациями в них являются *СПИД, ВИЧ, ВИЧ-инфекция, сибирская язва, коровье бешенство*.

Аббревиатуры *СПИД* и *ВИЧ* появились в неологических словарях последнего десятилетия, их толкование дано, например, в ТСРЯ-98 (6: 145, 607), Они и сейчас не сходят со страниц газет в информации о количестве вирусоносителей, числе заболевших и умерших от СПИДа в той или иной стране, о профилактике этой болезни и её лечении. У данной номинации появились синонимы нейтрального и метафорического типа – *иммунодефицит, чума XX века*. Как правило, в одной статье используется несколько слов, обозначающих данное заболевание:

Если не легализовать проституцию, то россияне вымрут как мамонты... Правда, не от холода, а от СПИДа. Хуже всего дело обстоит в Москве. Нынче она занимает первую позицию в списке российских городов, наиболее подверженных распространению чумы XX века, обогнав по числу инфицированных и заболевших «анклавный» Калининград («МК», 24 июля 2000); В этом году в Латвии зарегистрировано 786 новых случаев заражения вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ), 35 заболели СПИДом, а умерли – 13 человек. Распространение ВИЧ возросло почти в два раза. А всего в Латвии от СПИДа умерли 37 человек («Миллион», 20 декабря 2001).

Ещё одна тема, волнующая общество и обсуждаемая в современной прессе, – эпидемия губчатого энцефалита, образно называемого «коровьим бешенством». Статьи на эту тему также изобилуют лексикой медицинской сферы:

Бешенные коровы приближаются к нам (заглавие статьи). В Швеции имеются случаи заболевания губчатой энцефалопатией («коровьим бешенством») («Час», 20 сентября 2001); Разразившаяся в Европе эпидемия коровьего бешенства заставляет многих мясоедов перейти на травку... к здоровой растительной пище («МК-Балтия» 5-12 декабря 2001).

К периоду распространения писем со спорами сибирской язвы (2-я половина сентября – ноябрь 2001 г.) относятся многочисленные газетные публикации на эту те-

му, находящуюся в фокусе социального внимания примерно 2 месяца. Статьи с ключевой номинацией *сибирская язва*, как правило, содержат описание симптомов этой болезни, её возбудителей и лечения, поэтому достаточно пространны и насыщены лексикой семантического поля болезни. Показательной в этом отношении является статья, в заглавии которой использован прецедентный текст – цитата из популярной песни: «*Вот такая вот зараза – эта сибирская язва*». Такой текст, извлечения из которого здесь приводятся, можно принять за статью из медицинского издания:

Вирус сибирской язвы передаётся воздушно-капельным путём, инфицированных трудно изолировать; если болезнь не перешла в острую форму, она легко поддаётся лечению антибиотиками; при лёгочной форме исход один – летальный; споры оседают в верхних дыхательных путях, проникают в альвеолы, прорастают в ткани лёгких и грудной клетки; споры, размножаясь, вырабатывают токсины, вызывающие омертвление тканей, лихорадку, тошноту, боли в животе; при первых непонятных симптомах обращайтесь к врачу («Наша газета», 18 октября 2001).

Текст из другого издания более публицистичен, в этой статье анализируются публикации о сибирской язве в американской печати:

Весь мир охватывает сибирская язва, но ещё больше паника. Сибирская язва наступает – об этом кричат заголовки всех американских газет; болезнетворную бактерию прислали по почте... Сибирская язва – острое инфекционное заболевание («Миллион», 16 октября 2001).

Ещё одна обсуждаемая в прессе проблема – психическое здоровье человека и общества в целом. Эта тема особенно значимой в общественном сознании и активно обсуждаемой на страницах газет стала после терактов 11 сентября 2001 года, а также в результате распространения в настоящее время на телевидении таких видов телешоу, как «Куба», «Барбаросса», «За стеклом». Участники таких шоу находятся в экстремальных условиях изоляции и под наблюдением миллионов телезрителей. В языке газеты встречаются различные семантические подгруппы лексики «психической» сферы: слова, обозначающие психическое состояние (*психически здоров, здоровая психика, оказался нормальным, вменяемые, нормальные политики, душевное здоровье, крепкие на голову ребята, сходить с ума, сумасшедший, рациональное безумие, крыша поехала и под.*); названия психических заболеваний и расстройств (*бред, глюки, депрессия, временное помешательство, идиотизм, кошмары, неврозы, маразм, паранойя, психопатия, стресс, шок и под.*); названия людей с расстроенной психикой или психически больных (*даун, дебил, душевнобольной, деграданты, депрессанты истеричка, невротик, мазохисты, параноик, полоумный шейх, клинический псих, психопат, садисты*); номинации врачей данной отрасли медицины (*психиатры, психотерапевты, врачеватели души*); названия лечебных учреждений (*Институт имени Сербского, Клиника неврозов, Центр социальной и судебной психиатрии, психбольница, психушка, дурдом*). Эта лексика различна с точки зрения типологии лексических значений и стилистической тональности. Некоторые из приведённых слов в неологических толковых словарях не зафиксированы (*глюки, даун*),

другие (*дебил, шок*) впервые зафиксированы в переносном значении, по данным ТСРЯ-98, в последнее десятилетие. С точки зрения стилистической приведённые в перечне лексические единицы могут быть нейтральными (типа *душевнобольной, психбольница* и др.), разговорными (*психушка, психопат, дебил, крыша поехала*), просторечными (*полоумный, псих, дурдом* и др.). Лексика «психической» сферы может функционировать в языке прессы как в прямом, так и в метафорическом значении. Примеры первого типа:

«Салман Радуев психически здоров», - заявила директор Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии (Институт имени Сербского) («Час», 24 ноября 2001); *Отказано в бесплатном медикаментозном лечении психическим больным* («Час», 12 сентября 2001); *Один из игроков аналогичного польского шоу уже угодил в «психушку» с диагнозом «острое нервное расстройство»* («Комс. правда», 30 ноября 2001).

Более интересными являются многочисленные примеры метафорического употребления лексики «психического» поля в языке газеты. Лексические единицы этого поля активно перемещаются в сферу общественно-политической жизни, о чём свидетельствуют разнообразные контексты в нашей выборке:

Единственными из политических сил, не принимавших широкомасштабной атаки на психику избирателей были ТБ/ДННЛ, «Новая партия» и «Пчёлы» («Миллион», 30 октября 2001); *США действительно оказали оппозиции (в Белоруссии – С.М.) такую значительную помощь, что оппозиция сошла с ума* («Час», 11 ноября 2001); *Если что на протяжении веков и губило Россию, так это застой в мозгах. Интеллектуальные гематомы возникали по причине идеологической замшелости. Выбирать из 40-60 движений – сплошное расстройство в умах и казне. Только больные и одержимые могли заставить себя читать бесчисленные партийные манифесты. Это полный бред... Ну, возможно и неполный бред, как бред и однопартийная система* («Комс. правда», 16 июля 2000); *Если бы у нас были нормальные, вменяемые политики, то вступление Латвии в НАТО и имело бы определённый смысл* («Час», 11 сентября 2001); *Дурдом в латвийской политике: депутаты уже перестали понимать, в какой партии они состоят и какой идеологии придерживаются* («Миллион», 15 января 2002).

Современная общественно-политическая ситуация постсоветских стран воспринимается массовым сознанием как «душевно» нездоровая, ненормальная, что и отражается в прессе. Приведём ещё два примера, характеризующих современную общественную жизнь:

Страны с многолетними демократическими традициями смогут всё же оставаться на границе, отделяющей разумную самооборону от коллективного антитеррористического психоза («Суббота», 23-29 ноября 2001); *Перед первой мировой войной мир точно так же жадно сходил с ума. Морфинисты...плыли в тягучем танго «О морфий, дивный дар Морфея»* («Час», 26 сентября 2001).

На страницах латвийских газет, вышедших сразу после террористических актов в США 11 сентября 2001 г., ключевым словом является *шок* в значении *внезапное*

потрясение, нарушающее нормальное состояние, приводящее в смятение людей (6: 678), в качестве его синонима употребляется слово *транс*:

Получив шок от случившегося в самой неуязвимой стране мира, рижане ..попались в обменники; Все американцы в шоке; Я в шоке из-за брата; Но всё равно шоковое состояние у всех; Я сейчас в полном трансе («Час», 12 сентября 2001); *Америка в шоке; Америка приходит в себя после вторичного шока; Рига, конечно, была в шоке. а утром вышла на работу* («Час», 13 сентября 2001).

Лексика рассматриваемой семантической группы может в языке газеты перемещаться из медицинской «психической» сферы в сферу культуры и образования. Примеров такого перемещения достаточно много. Некоторые из них:

Вот что такое настоящий массовый психоз. По крайней мере до выхода «Властина колец» мир бредит очкастым Гарри Поттером («Час», 10 декабря 2001. Рубрика «Культура»); *В романе Тома Кленси «Долг чести» террорист-одиночка ... на огромном Боинге-447 врывается в Капитолий. Сразу же после выхода книги рецензенты назвали Кленси параноиком* («Час», 12 сентября 2001); *Маньяки в городе (статья о поп-группе «Дискотека Авария»)*. *Они маниакально разыграли страсти, впрыскивая точно отмеренными дозами то сборничек уже раскрыченных и бешено популярных хитов, то... И эта маниакальность достигла-таки своей кульминации в только что сварганенном альбоме «Маньяки»* («МК-Балтия», 5-12 декабря 2001); *Отсюда, например, билингвальный маразм. Здоровая часть латышского общества способна понять, что присутствие других культур идёт только на пользу латышам* («Миллион», 27 ноября 2001).

«Больными» проблемами, будоражащими общество и обсуждаемыми в прессе, являются наркомания и азартные игры, которые, как известно, вызывают болезненное пристрастие. В газетных статьях, посвященных этим «недугам», разнообразная лексика медицинской сферы употребляется как в прямом, так и в метафорическом значении. Примеры второго типа более интересны, они характеризуют различные явления общественной жизни:

Экранизация романа Владимира Набокова о российском шахматном наркомане, которого страсть к игре в конце концов сбрасывает с перил жизни («Патрон», декабрь 2001); *12000 игровых автоматов по всей Латвии... Повсеместная доступность... грозит стране эпидемией азартозависимости* («Вечерняя Рига», 7 декабря 2001).

В следующих контекстах употребляется в метафорическом значении зафиксированное в словарях последнего десятилетия XX века жаргонное выражение *сесть на иглу* – *стать наркоманом, привыкнуть к инъекциям наркотиков* (6: 258):

А самое главное – никаких потрясений для экономики вообще и бюджета в частности, поскольку они у нас, как известно, сидят на нефтедолларовой игле («МК-Балтия», 5-12 декабря 2001); *Рубрика «На игле», статья «Кожная болезнь»* («Патрон», декабрь 2001). Статья посвящена татуировке и её целям. Подтекст: мода на «тату» через выражение *на игле*, подкрепленное словом *болезнь*, воспринимается как болезненное пристрастие, своего рода наркомания.

Материал нашей выборки показывает, что употребление лексики «психического» поля в сфере экономической жизни в современном языке газеты встречается нечасто, поэтому ограничимся двумя короткими контекстами:

*Денег для будущих **сумасшедших коллекций** на этом не заработаешь* («МК-Балтия», 5-12 декабря 2001); *Российская экономика вконец **взбесилась*** («МК», 24 июля 2000).

В то же время перемещение в сферу экономики других групп медицинской лексики – явление типичное для языка прессы. На страницах газет встречаются такие номинации, как *диагноз, диета, иммунитет, лечение, наркоз, реанимация, рецепт, эвтаназия и др.* Некоторые примеры:

*Вопрос возможной **реанимации производства** решится только в конце февраля Инвестор Baltic Food Holding проведёт анализ возможности инвестировать в **реанимацию компании** необходимую сумму* («Час», 24 ноября 2001); ***Диагноз** правильный, а **рецепт** негодный* (заголовок статьи). *На той части выступления президента, где **ставится диагноз тяжёлого недуга, поразившего Россию, и заканчивается наше согласие с президентом, ибо предлагаемый им рецепт для лечения этого недуга** всего лишь перепев «стратегии» Германа Грефа. Что же предлагает Путин в качестве **рецепта для лечения тяжело больного Российского государства?*** («Сов. Россия», 11 июля 2000); *Кооперация **под местным наркозом*** (заглавие статьи о кооперативном жилье). *Куда уходят деньги полумиллиона жителей Латвии?* («Суббота», 14-20 декабря 2001).

В современный газетный обиход вошёл медицинский термин *эвтаназия* (греч. «хорошая смерть») в связи с принятием в некоторых странах закона о возможности добровольного ухода из жизни безнадежно больных, испытывающих невыносимые страдания, с помощью врачей. Эта номинация в политическом дискурсе стала использоваться для характеристики явлений экономической сферы:

*Озолниекс был мастером **экономической эвтаназии: нежизнеспособные умирали быстро и безболезненно*** («Вести», 6 декабря 2000); *Да, у нас нет закона о **хорошей смерти**, но догадывается ли наше государство, что каждый день вольно или невольно проводит политику пассивной **эвтаназии** своих подданных* («Час», 12 сентября 2001).

В языке прессы наших дней широко распространена в метафорическом значении лексика разной частеречной принадлежности, входящая в словообразовательное гнездо с производящей основой «боль»: *боль, болезнь, болячка, больное, болеть, больной, болезненный* и др. Приведём наиболее интересные из многочисленных контекстов:

*А **боль** за пропавших политиков – это не ваша **боль**. Это **боль** их родных и моя **боль*** (Из интервью А.Лукашенко. «Час», 11 сентября 2001); *Чечня – это по-прежнему **головная боль** для России* (Обзор российской печати. «Свобода», 7 декабря 2001); ***Сердце** Киркорова **разорвалось от боли**. Лозунг вечеринки – **боль плачущего сердца*** («МК-Балтия», 5-12 декабря 2001).

Активно используется в метафорическом значении и другие номинации из этого словообразовательного гнезда – *болезнь* (в том числе и во фразеологизме *звездная болезнь*), *заболевание*, нередко в сочетании с лексемой *лечение*:

Болезнь проходит, рубцы остаются («Миллион», 20 декабря 2001); *«Диагноз поставлен. Удастся ли лечение»: Доктор Путин поставил диагноз болезней вверенной ему страны. Что же до методов лечения, то на них нет никаких намёков* («Комс. Правда», 11 июля 2000); *НТВ постоянно осуществляет раскол общества, вносит яды в любые инициативы. Значит, источник вечного заболевания должен быть ликвидирован* («Сов. Россия», 18 июля 2000); *Как выяснилось, Михаэль Шумахер – заядлый шахматист. Что касается звездной болезни, то об этом говорить не приходится* («ТВ Парк Латвия», 18-24 июня 2001).

Из признаковых слов на страницах русских и латышских изданий нередко используются в переносных значениях лексемы *болеть*, *хворать* и их дериваты, а также *лечить*:

...*Arī Rietumi allaž slimojuši ar iztveres vājumi...* («Neatkarīgā Rīta Avīze», 15. jūnijā 2001.); *Диагноз предельно ясен: медицинское обслуживание хворает, его состояние продолжает ухудшаться* («Миллион», 16 октября 2001); *Демократия оказалась болезненно уязвимой* («Сов. Россия», 18 июля 2000); *Общество надо лечить. Лечить надо и правительство, лечить надо и наш парламент, и наше общество* («Час», 10 декабря 2001. Интервью с З.Чеверсом); *Оппозиция не должна называть свой народ хворым* («Час», 11 сентября 2001)

Некоторые и российские, и латвийские журналисты употребляют в своих статьях стилистически отмеченное слово *болячка* в отсутствующий в толковом словаре метафорических значениях: *то, что доставляет болезненное наслаждение* (в первом контексте) и *больное место* (во втором):

Г-н Доренко в очередной раз чешет любимую болячку, размазывая по экрану мэра Лужкова (Статья Галины Тюриной «Образованцы». - «Сов. Россия», 15 июля 2000); *И все наши болячки (которые, конечно, имеются у всех партий) стали явными. И все эти болячки мы должны вылечить до нашего прихода к власти* (Статья Ины Ошкая «Янис Урбанович: Европа – это наша крыша». - «Час», 24 ноября 2001).

Номинация *синдром*, которая эксплицировалась выше из аббревиатуры СПИД, также встречается на страницах газет при характеристике явлений разных сфер жизни:

Pirmsvēlējāni sindroms: Latvijas valstsvīri bieži neatšķir, kura roka labā, kura kreisā («Jaunā», 15. jūnijā 2001); *Порносиндром цивилизованных троглодитов: Благодаря ТВ-6 миллионы телезрителей на всём постсоветском пространстве охвачены праздником подглядывания* («7 секретов». 15 ноября 2002).

В настоящее время в прессе нередко встречается слово *вирус*, которое зафиксировано в словарях последнего десятилетия как применяемое в информатике (6: 143-144) для обозначения «заражённых» компьютерных программ:

Осторожно, Дженнифер заразна: Появился новый опаснейший компьютерный вирус. К вирусам «Анна Курникова» и “I Love You” присоединилась «Дженнифер Лопес» («ТВ Парк Латвия», 18 - 24 июня 2001).

В заключение приведём ещё несколько примеров, включающих сравнения, выдержанные в духе «медицинской образности»:

Шоу-бизнес США встал в состояние клинической смерти («Час», 13 сентября 2001); *...Народная партия держит руку на пульсе всего государства* («Час», 26 ноября 2000); *У нынешней власти существует локальная цель – вытащить занозу, которой является для неё ТВ-6* («МК-Балтия», 5 - 12 декабря 2001); *От послания президента у либералов сыпь выступила* («Сов. Россия», 18 июля 2000).

Весь значительный арсенал относящихся к медицинской сфере лексических средств, которые используются в газетной периодике, свидетельствует о характерном для наших дней осмыслении мира как большого и нуждающегося в лечении. Выделенные в данной работе лексические единицы в контекстах, представленных вниманию читателя, говорят о метафорической экспансии лексики медицинской сферы в язык современной прессы.

Список литературы

1. Балахонская Л.В. Коммуникативно-прагматический аспект функционированияokkaционализмов в рекламе // Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы обучения. Санкт-Петербург, 2001.
2. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). Москва, 1991.
3. Ермакова О.П. Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX века (1985 – 1995). 2-е изд. Москва, 2000.
4. Лассан Э. О когнитивно-синтаксическом подходе к классификации текстов // *Paradigmatika, sintagmatika ir kalbos funkcijos*. Kaunas, 2000.
5. Муране С. Концептуальная метафора «мир – фронт» и её лексическое наполнение в языке современных СМИ // *Valoda-2001*. Daugavpils: *Saule*, 2001.
6. Пилумян-Младино А. О некоторых номинациях в современном политическом дискурсе в их системном описании // *Paradigmatika, sintagmatika ir kalbos funkcijos*. Kaunas, 2000.
6. Толковый словарь конца XX века: Языковые изменения. Санкт-Петербург, 1998.
7. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург, 2001.
8. Чудинов А.П. Финансовая метафора в современной политической речи // *Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества*. Екатеринбург, 2001, Т. 7.
9. Шмелева Т.В. Морбуальная оптика // *Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества*. Екатеринбург, 2001, Т. 7.

© Муране С.Н., 2002

С.Д Погорелова **Лексико-семантическая классификация русской**
Тюмень **и английской лексики утилитарной оценки**

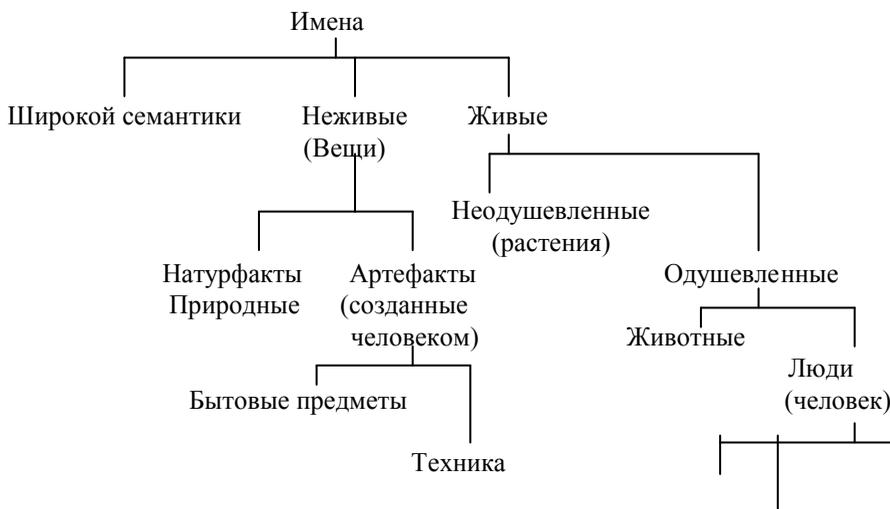
Семантика утилитарной оценки (УО) по-разному проявляется в различных лексико-семантических объединениях слов. Поэтому представляется целесообразным провести анализ русских и английских объединений слов, в которых обнаруживается лексика с семантикой утилитарной оценки. При сопоставительном исследовании лексических систем русского и английского языков, позволяющем установить элементы сходства и различия в семантической структуре слов и в их употреблении, учитывались следующие сформированные О.Г. Скворцовым принципы: исследование должно 1) проводиться на основе единой теории унифицированного понятийного аппарата и унифицированных методов; 2) быть двусторонним, 3) быть системным, 4) выявлять схождения и расхождения в использовании языковых средств различными языками; при этом обнаружение схожего предшествует констатации различного, 5) сопоставлять самые общие закономерности расхождений, выявляемых в ходе анализа [Скворцов О.Г., 1999].

В современном языкознании известно несколько опытов лексико-семантической классификации слов. Так, детальную классификацию имен предлагают А.М. Голодаевская и И.А. Стернин [1994, с.13-24]. Не менее детальную классификацию предлагает Ю.Д. Апресян [1974, с.193-203]. Лексико-семантическая классификация Л.С. Вященко [1980] предусматривает разделение имен существительных на две большие группы: одушевленные и неодушевленные с дальнейшими подразделениями. В семантической классификации В.В.Морковина [1984] выделяются два суперкласса слов (“Абстрактные отношения, формы существования материи” и “Материальный мир”), внутри которых также выделяются соответственно 11 (“пространство”, “качество”, “количество”, “изменение”, “форма” и др.) и 18 (“органический мир”, “неорганический мир”, “человек”, “животный мир”, “воля” и др.) идеографических подклассов. Наиболее детальную классификацию существительных предлагает Н.Ю. Шведова [1981]. Важное преимущество данной классификации - ее максимальная детализация, стремление автора построить иерархию, в которой будут учтены практически все реально существующие семантические объединения..

Каждая из указанных классификаций обладает несомненными достоинствами, однако в настоящей работе, в соответствии с целями исследования, в качестве исходной базы для классификации лексико-семантических единиц берется таксономия имен, разработанная Ю.С. Степановым [1981] с использованием идей Аристотеля. По мнению исследователя, “основную таксономию Словаря составляют естественные классы объективно существующих предметов, - “Вещи”, “Растения”, “Животные”, “Люди”, кроме того, имеется класс слов, не отражающих никакого объективного множества, но обслуживающих потребности самой лексической системы (таких, например, как слово “совокупность”); мы назовем их *метаименами*; все эти классы постоянны и универсальны, хотя состав их элементов может в некоторой степени меняться” [Ю.С. Степанов, 1981, с. 48]. Согласно таксономии имен существительных Ю.С. Степанова, подклассы “Люди” и “Животные” объединяются в класс “Живые”, а класс “Живые” и класс “Вещи” могут быть объединены в суперкласс “Объекты”.

В свою очередь, мы считаем необходимым вслед за С.В.Татаренко [1999], в целях полной классификации и в соответствии с задачами настоящего исследования выделить в классе “Неживые” (“Вещи”) подклассы “Артефакты” (предметы, созданные человеком), “Натурфакты” (природные объекты, явления, вещества). Для более точной классификации лексико-семантических единиц УО необходимо детализировать подгруппу “Люди” в классе “Одушевленные” следующим образом: “Человек” (физиологический), “Человек” (духовный), “Человек” (социальный). Одновременно мы детализируем класс “Артефакты” на подгруппы “Бытовые предметы” и “Техника”. В соответствии с идеей Н.Ю. Шведовой, при классификации лексико-семантических единиц УО был выделен также дополнительный специфический класс “Имена широкой семантики”.

Таким образом, используемая в настоящей диссертации классификация лексико-семантических единиц УО представлена в следующем виде:

Характерными примерами указанных семантических объединений служат толкования следующих словарных статей:

Класс “Неживые”, подкласс “Натурфакты”

Обогатить. 3. Повысить полезные качества чего-л. (почвы, руды, минералов и т.п.), сделать богаче в отношении содержания чего-л. путем внесения какого-л. вещества, состава и т.п. или удаления ненужного.

burn *v* **5** be hurt or spoilt by fire or heat; scorch; be or feel warm or hot; be filled with strong feeling.

Класс “Неживые”, подкласс “Артефакты”, подгруппа “Техника”:

Паразитный. 2. *техн.* Лишний, вредный для нормальной работы данного устройства. *Паразитные колебания.*

break *v* **3** make (sth) useless by injuring an essential part (of a machine, apparatus, etc.)

Класс “Неживые”, подкласс “Артефакты”, подгруппа “Бытовые предметы”:

Ихлестать. 2. Хлеста, истрепать, испортить (веник, плетъ и т.п.).

hand-book *n* small book giving useful facts; guide-book

Класс “Живые”, подкласс “Одушевленные”, подгруппа “Животные”:

Паразит. 1. *биол.* Растение или животное, живущее на поверхности или внутри другого организма и питающееся за счет последнего, обычно принося ему вред.

frost *v* **2** injure or kill (plants, etc)

Класс “Живые”, подкласс “Люди”, подгруппа “Человек (физиологический)”:

Травматизм. Травматические повреждения, возникшие у определенной группы населения за тот или иной период.

lesion *n* harmful change in the tissues of a bodily organ, caused by injury or disease

Класс “Живые”, подкласс “Одушевленные”, подгруппа “Человек (социальный)”:

Жертвователь. *устар.* Тот, кто приносит в дар, добровольно отдает что-л. в пользу кого-л., чего-л.

scandal *n* **2** harmful gossip; careless or unkind talk which damages sb’s reputation

Класс “Живые”, подкласс “Одушевленные”, подгруппа “Человек (духовный)”:

Душеполезный. *устар.* Полезный для души; назидательный. *Душеполезная беседа.*

ill-disposed (towards) *adj* (a) wishing to do harm (to)

Класс “Имена широкой семантики”:

Зло. 1. Все дурное, плохое, вредное.

preserve *v* ~ (from) keep safe from harm or danger

Важно отметить, что одна и та же лексическая единица УО может включать в себя значения, относящиеся к разным лексическим подгруппам и классам.

Результаты количественного анализа семантических групп УО русского и английского языков обобщены в следующей таблице.

УО	Язык	Неживые			Общее количество	Живые					Общее количество
		Нагур-факты	Артефакты			Неоду-швенные	Одушевленные				
			Быто-вые	Техни-ка			Живот-ные	Человек			
								Физио-логи-ческий	Соци-альный	Духов-ный	
Полез-ный	рус.	6 40%	-	1 2,5%	7	-	-	4 3,7%	8 14%	7 23%	19
	анг.	-	4 10%	4 29%	8	-	2 13%	2 3,3%	25 37%	8 16%	37
Вред-ный	рус.	9 60%	59 89%	39 97%	107	14 87%	36 92%	93 85%	44 77%	19 63%	206
	анг.	3 75%	33 83%	7 50%	43	9 100%	12 80%	54 88%	40 59%	40 81,6%	155
Беспо-лез-ный	рус.	-	5 8%	-	5	-	1 2,6%	2 1,8%	4 7%	1 3,3%	8
	анг.	1 25%	2 5%	2 14%	5	-	1 6,7%	4 6,6%	3 4,4%	-	8
Без-вред-ный	рус.	-	2 3%	-	2	2 12%	2 5%	14 13%	1 1,8%	3 10%	22
	анг.	-	1 2,5%	1 7%	2	-	-	1 1,6%	-	1 2,0%	2
Всего	рус.	15 100%	66 100%	40 100%	121	16 100%	39 100%	109 100%	57 100%	30 100%	255
	анг.	4 100%	40 100%	14 100%	58	9 100%	15 100%	61 100%	68 100%	49 100%	202

Материалы представленной сводной таблицы позволяют сделать следующие выводы:

1. Первое место по количеству лексико-семантических вариантов УО занимает класс “Живые” как в русском (255), так и в английском (202) языках. Второе место занимает класс “Имена широкой семантики”: русский язык - 140, английский - 134. Соответственно последнее место принадлежит классу “Неживые”: русский язык - 121, английский - 58.
2. Наибольшее число ЛСВ было отмечено в подгруппе “Вредный” как в русском (367 значений, 71,1%), так и в английском (266 значений, 67,5%) языках. Важно отметить, что преобладающее число ЛСВ указанной подгруппы наблюдается во всех семантических объединениях.
3. Важно подчеркнуть, что во всех семантических объединениях подгрупп УО (“Полезный”, “Вредный”, “Бесполезный”, “Безвредный”) наибольшее число ЛСВ было отмечено в русском языке по сравнению с английским языком. Данный факт объясняется наличием преобладающего числа лексических единиц в русском языке. Исключением является подгруппа “Полезный”, т.к. преобладающее число ЛСВ в данном случае отмечается в английском языке.
4. Интересно отметить, что подгруппа “Бесполезный” имеет примерно одинаковое количество ЛСВ как в русском (39 значений, 7,6%), так и в английском (38 значений, 9,6%) языках.
5. Класс “Натурфакты” содержит русские ЛСВ в подгруппах “Полезный” и “Вредный”, что составляет 6 значений (40%) и 9 значений (60%). Английские ЛСВ данного класса были отмечены в подгруппах “Вредный” и “Бесполезный”: соответственно 3 значения (75%) и 1 значение (25 %).
6. Среди русских и английских ЛСВ УО класса “Бытовые предметы” наибольшее число отмечено в подгруппе “Вредный”: соответственно 59 значений (89,4%) и 33 значений (82,5%).

7. Русские ЛСВ УО класса “Техника” определены практически только в подгруппе “Вредный”, что составляет 39 значений (97,5%). В английском языке данного класса отмечено относительно равномерное распределение ЛСВ по подгруппам УО.

8. Класс “Неодушевленные” содержит английские ЛСВ только в подгруппе “Вредный”, что составляет 9 значений (100%). Русские ЛСВ содержатся в двух подгруппах “Вредный” (14 значений, 87,5%) и “Безвредный” (2 значения, 12,5%).

9. Самое большое количество русских ЛСВ класса “Животные” отмечено в подгруппе “Вредный” (36 значений, 92,3%). Та же особенность касается английских ЛСВ данного класса (12 значений, 80%).

10. Русские и английские ЛСВ отмечены во всех подгруппах УО класса “Человек (физиологический)”, однако преобладание ЛСВ отмечено в подгруппе “Вредный”: соответственно 93 значения (85,3%) и 54 значения (88,5%).

11. Классы “Человек (социальный)” и “Человек (духовный)” отличаются той же особенностью, что и класс “Человек (физиологический), однако английские ЛСВ отмечены в данных классах не во всех подгруппах УО: класс “Человек (социальный)” не содержит ЛСВ в подгруппе “Безвредный”, а класс “Человек (духовный)” - в подгруппе “Бесполезный”.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. - М.: Наука, 1974.
2. Вященко Л.С. Системные связи в группе слов - аналогов beautiful - красивый. Автореф. дис... канд. филол. наук. Л., 1980.
3. Голодаевская А.М. Стернин И.А. Парадигматические классы слов и ограничения на сочетаемость лексики в русском языке // Структурно-семантические исследования русского языка. - Воронеж, 1994.
4. Морковин В.В. Лексическая многозначность и некоторые вопросы ее лексикографической интерпретации // Русский язык. Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977.
5. Скворцов О.Г. Проблемы полисемантизма слова // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. - Т.1. - Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та. - 1995.
6. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. - М.: Наука, 1981.
7. Татаренко С.В. Сопоставительное исследование прилагательных эстетической оценки в русском и английском языках. Автореф. дис... канд. филол. наук. Челябинск, 1999.
8. Шведова Н.Ю. Место семантики в описательной грамматике // Грамматическое описание славянских языков. М.: Наука, 1974.
9. Словарь русского языка в 4-х томах Изд. 2. М., 1981-1984.
10. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English as Hornby with A.P. Cowie/ -Delhi: Oxford University press, 1995.

Н.А.Сергиенко **Регулярная многозначность прилагательных**
(Сургут) **лексико-семантической группы «чистый-грязный»**

Одной из центральных проблем современной лингвистики остается изучение многозначного слова. Значительный интерес специалистов вызывает исследование регулярной многозначности, призванное проанализировать закономерности преобразования словесной семантики в рамках разнообразных семантических объединений лексики (Ю.Д.Апресян, Н.И.Бахмутова, Н.В.Багичева, Н.А.Боровикова, Э.В.Кузнецова, И.А.Стернин, А.В.Цыганкова, А.П.Чудинов, Д.Н.Шмелев и др.).

В данной статье мы проанализируем закономерности развития вторичных значений прилагательных в рамках подгрупп «чистый» и «грязный». Прилагательные, входящие в их состав, находятся в комплиментарных отношениях, что проявляется в наличии однотипных компонентов семантики, в сходстве лексической сочетаемости и в наличии общих моделей многозначности. Поэтому, две указанные подгруппы мы объединили в одно семантическое объединение – лексико-семантическую группу прилагательных «чистый-грязный».

При систематизации вторичных значений исследуемых прилагательных используется классификация А.П. Чудинова, разработанная на материале глагольной лексики (1988). Согласно названной классификации на первом этапе разграничиваются общие, специальные и частные модели многозначности.

В основе общих моделей лежит сочетаемость прилагательных изучаемой ЛСГ с существительными определенной тематической группы либо лексико-грамматического разряда по признакам «предметность-абстрактность», «предметность-антропонимность», «предметность-зоонимность», «предметность-природность», «антропонимность - конкретность».

Важно подчеркнуть, что вторичные значения анализируемых прилагательных систематизируются по указанным признакам в зависимости от доминирующего (первичного значения). У прилагательных подгруппы «грязный» с семантическими темами «грязный, запачканный», «неоднородный по составу» отмечаются во вторичных значениях указания на антропонимные характеристики либо на абстрактные понятия (квалифицирующие как человеческие качества, так и собственно абстрактные понятия). Поэтому, общие модели, применимы к значениям таких прилагательных, развивают соответствующие значения, как правило, по признакам «конкретность-абстрактность», «конкретность - антропонимность». Сопоставимые признаки

способны иметь также прилагательные подгруппы «чистый» с семантической темой «без грязи, незапачканный».

Примером преобразования семантики в соответствии с общей моделью может служить абстрактизация. В данном случае вторичные значения прилагательных ЛСГ «чистый-грязный» используются для характеристики абстрактных понятий. Ср.: Что-то шептало ей, что она себя замарала, что она одна замаранная среди них, чистых (Панова В.); Эта любовь, блеснувшая на мой печальный закат, была так чиста, так нежна! (Куприн А).

Однотипность вторичных значений, соответствующих специальным моделям, более заметна, чем семантическая близость значений, соответствующих частным моделям. В основе специальных моделей многозначности прилагательных исследуемой группы лежат семантические признаки, возникающие в результате метонимических переносов. К специальным относятся, в частности, модели с формулами толкования «предназначенный для ...», «связанный с ...».

В основе частных моделей лежит актуализация ассоциативных признаков прилагательных группы «чистый-грязный», в том числе актуализация физического восприятия и актуализация оценки.

Модель «актуализация физического восприятия» имеет варианты: «актуализация органами зрения», «актуализация восприятия органами слуха», «актуализация восприятия органами обоняния» и др. В свою очередь модель «актуализации органами зрения» имеет еще более частные варианты: «актуализация восприятия цвета», «формы, очертаний», «состава» и т.д. Ср.: И, уже двигаясь прямо по шоссе за взводом Княжко, навстречу самоходкам, Никитин ... видел ... первое орудие на прицепе, скольжение, прыганье солнца по его длинному стволу, так начищенному за эти дни соляркой, будто к смотру готовились... (Бондарев Ю.). ... зеленый абажур ...плыл в бесконечном течении сигаретного дыма, как в замутненной воде ... (Бондарев Ю.)

Модель «актуализация оценки» также имеет варианты: возможна актуализация оценки эстетической, моральной, эмоциональной, интеллектуальной, религиозной. Ср.: Ведь дело было гласное, свадьба на ному торчала; ведь тут честь запятнана, честь страдает» (Тургенев И.) – моральная оценка; «... он (Никитин – Н.С.), испытывая нечто белое, светлое, чистое, стоит у раскрытого окна на душистом ветерке ...» (Бондарев Ю.)

В данной статье были проанализированы особенности взаимодействия общих, специальных и частных моделей многозначности в ЛСГ «чистый-грязный». Совершенно очевидно, что представленный материал не дает полного представления о системе вторичных значений в исследуемой ЛСГ, а лишь фиксируют основные направления для более глубокого и детального анализа регулярной многозначности.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.

2. Багичева Н.В. Регулярное варьирование семантики существительных, обозначающих отношения родства. Автореф. Дис... канд. Филол. Наук. Екатеринбург, 1995.
3. Бахмутова Н.И. О понятии регулярности в развитии переносных значений слов // Проблемы развития языка. Саратов, 1977.
4. Боровикова Н.А. Регулярная многозначность в лексико-семантических группах русских глаголов. Автореф. Дис... канд. Филол. Наук. Екатеринбург, 1985.
5. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. М., 1989.
6. Регулярная многозначность в глагольной лексике. Под ред. А.П.Чудинова. Екатеринбург, 1999.
7. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.
8. Чудинов А.П. Типология варьирования глагольной семантики. Свердловск, 1988.
9. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.

С Сергиенко Н.А.

Хроника. О работе Диссертационных советов в УрГПУ

В 2001 году Диссертационный совет Д 212.283.02 провел 11 заседаний.

По специальности "10.02.01 – русский язык" защищено пять диссертаций в том числе две докторских; по специальности "10.02.20 - сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание" - шесть диссертаций, в том числе три докторских:

16.03.01 к.ф.н. (10.02.01) Лариса Николаевна Корнилова (Челябинский государственный педагогический университет) "Структурно-семантические и морфологические свойства процессуальных фразеологизмов со значением становления" (научный руководитель – д.ф.н., проф. Антонина Михайловна Чепасова). Ведущая организация - Башкирский государственный педагогический университет. Официальные оппоненты - д.ф.н., проф. Маргарита Львовна Кусова и к.ф.н., доц. Татьяна Николаевна Сивкова.

8.06.01 д.ф.н. (10.02.20) Наталья Николаевна Белозерова (Тюменский государственный университет) "Семиолингвистические аспекты интегративной поэтики (на материале русских, английских и ирландских художественных текстов)". Ведущая организация - Тверской государственный университет. Официальные оппоненты - д.ф.н., проф. Лариса Михайловна Алексеева, д.ф.н., проф. Ольга Игоревна Бродович и д.ф.н., проф. Элла Александровна Лазарева.

8.06.01 д.ф.н. (10.02.20) Наталья Иосифовна Пушина (Удмуртский государственный университет) "Межкатегориальные связи в грамматике неличных форм (на материале английского языка в сопоставлении с данными русского и удмуртского языков)". Ведущая организация - Пермский государственный университет. Официальные оппоненты - д.ф.н., проф. Людмила Григорьевна Бабенко, д.ф.н., проф. Валерий Владимирович Гуревич и д.ф.н., проф. Любовь Александровна Козлова.

15.06.01 к.ф.н. (10.02.20) Владимир Игоревич Малов (Сургутский государственный университет) "Лингвистический анализ асемантического текста" (научный руководитель - д.ф.н., проф. Анатолий Прокопьевич Чудинов). Ведущая организация - Удмуртский государственный университет.

ственный университет. Официальные оппоненты - д.ф.н., проф. Татьяна Александровна Гридина и к.ф.н., доц. Юрий Викторович Казарин.

14.09.01 к.ф.н. (10.02.20) Александр Иванович Казанцев (Челябинский государственный университет) "Сопоставительное исследование эквивалентности клише и штампов официально-делового языка (на материале стереотипных единиц французского и русского языков)" (научный руководитель - д.ф.н., проф. Валентин Иосифович Томашпольский). Ведущая организация - Уральский государственный экономический университет. Официальные оппоненты - д.ф.н., проф. Ольга Александровна Турбина и к.ф.н., доц. Ирина Дамировна Белеева.

14.09.01 к.ф.н. (10.02.20) Ольга Евгеньевна Аникина (Челябинский государственный педагогический университет) "Синтаксическая имплицитность во французском языке в сопоставлении с русским" (научный руководитель - д.ф.н., проф. Валентин Иосифович Томашпольский). Ведущая организация - Уральский государственный университет. Официальные оппоненты - Официальные оппоненты - д.ф.н., проф. Ольга Александровна Турбина и к.ф.н., доц. Ольга Германовна Путьрская.

12.10.01 д.ф.н. (10.02.01) Юрий Викторович Казарин (Уральский государственный университет) "Поэтический текст как уникальная функционально-эстетическая система" (научный консультант - д.ф.н., проф. Людмила Григорьевна Бабенко). Ведущая организация - Санкт-Петербургский государственный университет. Официальные оппоненты - д.ф.н., проф. Галина Георгиевна Мочанова, д.ф.н., проф. Татьяна Александровна Гридина и д.ф.н., проф. Людмила Александровна Шкатова.

12.10.01 к.ф.н. (10.02.01) Татьяна Михайловна Воронина (Уральский государственный университет) "Образные семантические модели русских глагольных предложений" (научный руководитель - д.ф.н., проф. Людмила Григорьевна Бабенко). Ведущая организация - Алтайский государственный университет. Официальные оппоненты - д.ф.н., проф. Маргарита Львовна Кусова и к.ф.н., доц. Татьяна Николаевна Сивкова.

19.10.01 д.ф.н. (10.02.20) Лилия Американовна Нефедова (Челябинский государственный университет) "Когнитивно-типологический аспект имплицитивной коммуникации (на материале французских текстов и их русских переводов)" (научный консультант - д.ф.н., проф. Наталья Борисовна Попова). Ведущая организация - Московский государственный университет. Официальные оппоненты - д.ф.н., проф. Марк Яковлевич Блох, д.ф.н., проф. Равил Касимович Гарипов и д.ф.н., профессор Ольга Александровна Турбина.

23.11.01 д.ф.н. (10.02.01) Наталья Борисовна Руженцева (Уральский государственный педагогический университет) "Прагматическая и речевая организация русского литературно-критического эссе XX века" (научный консультант - д.ф.н., проф. Анатолий Прокопьевич Чудинов). Ведущая организация - Пермский государственный университет. Официальные оппоненты - д.ф.н., проф. Людмила Михайловна Майданова, д.ф.н., проф. Алексей Андреевич Чувакин и д.ф.н., проф. Евгения Андреевна Яковлева.

23.11.01 к.ф.н. (10.02.01) Елена Вячеславовна Дзюба (Уральский государственный педагогический университет) "Концепты *жизнь* и *смерть* в поэзии М.И.Цветаевой" (научный руководитель - д.ф.н., проф. Анатолий Прокопьевич Чудинов). Ведущая организация - Омский государственный университет. Официальные оппоненты - д.ф.н., проф. Татьяна Александровна Гридина и к.ф.н., проф. Нина Григорьевна Гольцова.

В Диссертационном совете К 212.283.05 по специальностям "13.00.02 - теория и методика обучения и воспитания (русский язык, иностранные языки)" и "13.00.08 - теория и методика профессионального образования" в 2001 году были защищены следующие диссертации:

16.03.01 к.п.н. (13.00.08) Маргарита Александровна Мосина (Пермский государственный педагогический университет) "Обучение профессионально-ориентированному информативному чтению-диалогу англоязычных научно-методических текстов" (научный руководитель – д.п.н., проф. Тамара Сергеевна Серова). Ведущая организация - Пермский государственный университет. Официальные оппоненты - д.п.н., проф. Наталья Николаевна Сергеева и к.п.н., доц. Валентина Михайловна Томилова.

19.10.01 к.п.н. (13.00.02) Роза Шавалиевна Сарьянова (Уральский государственный педагогический университет) "Совершенствование орфографической грамотности слушателей подготовительных курсов для поступающих в вузы" (научный руководитель - д.ф.н., проф. Анатолий Прокопьевич Чудинов). Ведущая организация - Вятский государственный педагогический университет. Официальные оппоненты - д.п.н., проф. Сергей Александрович Аничкин и к.п.н., доц. Валентина Николаевна Беляева.

В первой половине 2002 года Диссертационный совет Д 212.283.02 провел 10 заседаний.

По специальности "10.02.01 – русский язык" были защищены 4 диссертации; по специальности "10.02.20 - сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание" - 6 диссертаций, в том числе одна докторская:

11.01.02 к.ф.н. (10.02.20) Марина Владимировна Боровкова (Уральская государственная юридическая академия) "Лингвостилистический статус текстов юридической интерпретации и юридического толкования (на материале немецкоязычных и русскоязычных текстов)" (научный руководитель - к.ф.н., доц. Надежда Дмитриевна Марова). Ведущая организация - Челябинский государственный университет. Официальные оппоненты - д.ф.н., проф. Наталья Васильевна Пестова и к.ф.н., проф. Олег Георгиевич Скворцов.

11.01.02 к.ф.н. (10.02.20) Юлия Юрьевна Саксонова (Уральский государственный технический университет) "Прецедентный текст: проблема межъязыковой эквивалентности в художественном переводе (на материале английского, немецкого и русского языков)" (научный руководитель - д.ф.н., проф. Валентин Иосифович Томашпольский). Ведущая организация - Челябинский государственный университет. Официальные оппоненты - д.ф.н., проф. Наталья Васильевна Пестова и к.ф.н., проф. Олег Георгиевич Скворцов.

11.01.02 к.ф.н. (10.02.20) Елена Владимировна Колотнина (Уральский государственный экономический университет) "Метафорическое моделирование действительности в русском и английском экономическом дискурсе" (научные руководители к.ф.н., проф. Олег Георгиевич Скворцов и д.ф.н., проф. Анатолий Прокопьевич Чудинов). Ведущая организация - Пермский государственный технический университет. Официальные оппоненты - д.ф.н., проф. Элла Александровна Лазарева и к.ф.н., доц. Юлия Васильевна Вронская.

8.02.02 д.ф.н. (10.02.20) Антон Антонович Горбачевский (Челябинский государственный педагогический университет) "Адекватность поэтического перевода в ее внутритекстовых и внетекстовых связях". Ведущая организация - Санкт-Петербургский государственный университет. Официальные оппоненты - д.ф.н., доц. Наталья Евгеньевна Ананьева, д.ф.н., проф. Валерий Александрович Мишланов и д.ф.н., проф. Наталья Васильевна Пестова.

8.02.02. к.ф.н. (10.02.01) Татьяна Ивановна Кравец (Уральский государственный университет) "Название газеты: ономазиологический и стилистический аспекты" (научный руководитель - д.ф.н., проф. Элла Александровна Лазарева). Ведущая организация - Омский государственный университет. Официальные оппоненты - д.ф.н., проф. Мария Эдуардовна Рут и к.ф.н., доц. Юлия Борисовна Феденева.

29.03.02 к.ф.н. (10.02.20) Татьяна Николаевна Осинцева (Уральский государственный педагогический университет) "Функционально-семанти-ческое поле начала события в английском и русском языках: сопоставительный анализ аспектуальных средств" (научный руководитель - к.ф.н., доц. Валерий Петрович Хабилов). Ведущая организация - Тюменский государственный нефтегазовый университет. Официальные оппоненты - д.ф.н., проф. Людмила Григорьевна Бабенко и к.ф.н., доц. Юлия Васильевна Вронская.

26.04.02 к.ф.н. (10.02.01) Татьяна Станиславовна Вершинина (Уральский государственный университет) "Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном российском политическом дискурсе" (научный руководитель - д.ф.н., проф. Анатолий Прокопьевич Чудинов). Ведущая организация - Стерлитамакский государственный педагогический институт. Официальные оппоненты - д.ф.н., проф. Калерия Ивановна Демидова и к.ф.н., доц. Ольга Николаевна Журавлева.

26.04.02 к.ф.н. (10.02.01) Николай Юрьевич Мухин (Уральский государственный педагогический университет) "Вводные компоненты как средство выражения и установления авторства" (научный руководитель - д.ф.н., проф. Анатолий Прокопьевич Чудинов). Ведущая организация - Вятский государственный педагогический университет. Официальные оппоненты - д.ф.н., проф. Павел Александрович Лекант и д.ф.н., проф. Маргарита Львовна Кусова.

14.06 .02 к.ф.н. (10.02.20) Светлана Олеговна Макеева (Уральский государственный педагогический университет) "Сопоставительное исследование терминологии сферы образования в аспекте прагматики и субъективной модальности (на материале англоязычных и русскоязычных текстов)" (научный руководитель - к.ф.н., доц. Валерий Петрович Хабилов). Ведущая организация - Тюменский государственный университет. Официальные оппоненты - д.ф.н., проф. Зоя Ивановна Комарова и к.ф.н., доц. Олег Георгиевич Скворцов.

14.06.02 к.ф.н. (10.02.01) Светлана Геннадьевна Носовец (Омский государственный университет) "Цветовая картина мира Владимира Набокова в когнитивно-прагматическом аспекте (цикл рассказов "Весна в Фиальте")" (научный руководитель - д.ф.н., проф. Наталья Арнольдовна Кузьмина). Ведущая организация - Пермский государственный университет. Официальные оппоненты - д.ф.н., проф. Татьяна Александровна Гридина и д.ф.н., доц. Юрий Викторович Казарин.

В начале 2002 года в Диссертационном совете К 212.283.05 по специальностям "13.00.02 - теория и методика обучения и воспитания (русский язык, иностранные языки)" и "13.00.08 - теория и методика профессионального образования" были защищены следующие диссертации:

25.01.02 к.п.н. (13.00.08) Татьяна Александровна Горева (Пермский государственный технический университет) "Формирование умений коммуникативно-речевого взаимодействия при обучении иноязычному деловому общению" (научный руководитель - д.п.н., проф. Тамара Сергеевна Серова). Ведущая организация - Пермский государственный педагогический университет. Официальные оппоненты - д.п.н., проф. Константин Михайлович Левитан и к.п.н., доц. Валентина Михайловна Томилова.

25.01.02 к.п.н. (13.00.08) Елена Юрьевна Мощанская (Пермский государственный технический университет) "Формирование умений невербального общения в ситуации иноязычного монологического высказывания (на примере ситуации презентации)" (научный руководитель - д.п.н., проф. Тамара Сергеевна Серова). Ведущая организация - Пермский государственный университет. Официальные оппоненты - д.п.н., проф. Наталья Николаевна Сергеева и к.п.н., доц. Э.И.Шелонцева.

22.02.02 к.п.н. (13.00.08) Любовь Васильевна Филиппова (Удмуртский государственный университет) "Обучение студентов педагогического вуза речевому этикету как компоненту иноязычной культуры (на материале английского языка)" (научный руководитель - д.п.н., проф. Алла Николаевна Утехина). Ведущая организация - Пермский государственный технический университет. Официальные оппоненты - д.п.н., проф. Наталья Николаевна Сергеева и к.ф.н., доц. Елена Анатольевна Нахимова.

22.02.02 к.п.н.(13.00.02) Оксана Анатольевна Ефремова (Новосибирский государственный педагогический университет) "Индивидуализация обучения как средство формирования коммуникативной компетенции учащихся на уроках русского языка" (научный руководитель - к.п.н., проф. Ирина Наумовна Зайдман). Ведущая организация - Российский государственный педагогический университет. Официальные оппоненты - д.п.н., проф. Лидия Александровна Тростенцова и к.п.н., доц. Оксана Федоровна Коробкова.

22.02.02 к.п.н. (13.00.02) Анастасия Сергеевна Баранник (Новосибирский государственный педагогический университет) "Методика формирования коммуникативных и рефлексивных умений подростков на основе сказкотерапии на уроках русского языка" (научный руководитель - к.п.н., проф. Ирина Наумовна Зайдман). Ведущая организация - Тольяттинский государственный университет. Официальные оппоненты - д.п.н., проф. Любовь Егоровна Тумина и к.п.н., доц. Ирина Семеновна Чудинова.

29.03.02 к.п.н. (13.00.02) Елена Павловна Белкина (Сыктывкарский государственный университет) "Обучение квалификативному высказыванию с использованием аутентичных текстов в одиннадцатом классе средней общеобразовательной школы" (научный руководитель - к.п.н., проф. Борис Павлович Годунов. Ведущая организация - Петрозаводский государственный педагогический университет. Официальные оппоненты - д.п.н., проф. Сергей Филиппович Шатилов и к.п.н., доц. Владимир Михайлович Гурленов.

Раздел 2. Коммуникативная лингвистика

А.Ф. Бадаев	Графические сплавы в русской поэзии XX века как функциональный тип поэтической графики
--------------------	---

В русских поэтических текстах XX века не раз использовалась графика сплава. Первым автором, давшим толчок к последующему ее использованию, можно с основанием считать А.Е. Крученых, «буку русской поэзии», открывшего для литературы множество новых функциональных способов построения текста.

В своей статье «Аполлон в перепалке», вошедшей в книгу «Сдвигология русского стиха (Трахтат обижальный и поучальный)», Крученых пытается упорядочить существовавшие в творчестве группы «41^о» примеры новых словесных плетений, языковых метаморфоз, названных им «рисунки слов». Он предлагает девять типов подобных «рисунков»: «свороченные головы – мочедан (чемодан), шрамное лицо, мрачья физиономия и др.», «двухглавые слова – я не ягений, удовольствие», «сломанное туловище – «мыслей» (ударение на е)», «троичные в брюхе – злостеболь (злость и боль), брeндень (бред, дребень, раздробленный день)». «Вчимдела», «мохнатая слова» – «беден, как церковная лектриса (притягивает крысу), пеечка (мягкое, круглое, пенистое), случайка и др.», «третья нога – летитот (летит от) во сне на Козерога», «однорельсные – жизнь (вместо: жизнь), нра (нравится), глав, зав, врид», трехрельсные – «циркорий (вставная буква р)», «свыжатой серединой – сно (вместо сон)». Само собой, подобный перечень можно множить до бесконечности, и Круче-

ных резонно замечает, что «еще возможны композиции: из разных кривых, лучистая, симультане, пятнистая и пр.».

Примеры подобной словесной вязи (по определению А.Е. Крученых – сдвигов) быстро привились на почве русского авангардного текстосложения. Но поскольку проявления авангардных приемов почти всегда являются частными, каждый автор находил какое-то свое применение симбиозным лексическим новообразованиям. Оказалось, что словесные гибриды помогают приращению большего количества смыслов на единицу текста. Наложение друг на друга нескольких сем в результате помогает «появлению третьего смысла, получаемого на основе интерференции значений слагаемых. Его зыбкие и неуловимые очертания ведут в область ирреальных представлений» (Васильев, 2000: 420). Гораздо большие возможности проявлению подобной «сдвигологии» (определение А.Е. Крученых) дает привлечение графического элемента в ткань произведения.

Использование различных шрифтов и правильное распределение текста на поверхности страницы помогает выявить новые смыслы, не прибегая к помощи дополнительного языкового материала. Так как под «сдвигами» у А.Е. Крученых понимается довольно объемная группа приемов, мы можем выделить из них только интересующую нас часть, которая использует для выражения всех текстовых смыслов графическую его сторону и не может без нее обойтись. Подобные примеры текстовых построений мы называем «сплавами».

Обращение к сплавам у каждого конкретного автора имеет свою цель. В качестве первого примера мы можем привести отрывок из стихотворения Василия Каменского «Водотражали», само название которого представляет собой лексический гибрид (от слов «вода» и «отражение» с приращением семы «дрожь»).

Василий Каменский выделяет слоги, принадлежащие сразу двум словам, заглавными буквами:

РыбаКИдали
сетИЗлодок –
сетИЗлодок
рыбаКИдали

Он склеивает ранее самостоятельные слова, что позволяет ему на единицу площади вместить больше текста. В этом конкретном примере мы не наблюдаем никакого приращения смыслов, обращение его к приему сплава является чистой воды проявлением присущего тому времени (1918 год) редуционализма (множественное появление аббревиатур и др.). С помощью сплавов поэт избегает множения дубль-графем (графемы КИ, равно принадлежащей словам «рыбаки» и «кидали», и графемы И, являющейся принадлежностью существительного «сети» и предлога «из»). Отсутствие новых смыслов в подобных симбиозных структурах дает возможность предположить их исключительно графическое бытование: быть может, при чтении данного отрывка произносились самые обычные, привычные уху лексемы.

Следующие за В. Каменским авторы при использовании графики сплавов преследовали уже совсем иные цели. Вилен Барский в своем стихотворении «ВНАЧАЛЕБЫЛОСЛОВО», как бы играя во всем известную игру, создает из набора букв первой фразы множество новых правильных и неправильных грамматически фраз, которые совершенно обесмыслены с коммуникативной точки зрения. Для верной разбивки читателем буквенного ряда на лексемы автор использует графические возможности, в данном случае – чередование обычного и жирного шрифтов:

**ВНАЧАЛЕБЫЛОСЛОВО
НАЧАЛОБЫЛОВСЛОВЕ
БЫЛВСЛОВЕОНАЧАЛО
ОСЛОВЕЛОВБЫНАЧАЛ
ВЛЕСБЫНАЧАЛОЛОВА
ОЛОВБЫЛОСВНАЧАЛЕ
ВЛОВВЛЫСОЕНАЧАЛО
ОБЫЛОВЧАНВОЛАСЕЛ
ВОЛЫСОНЛОВЧЕБАЛА
АСОНВОЛАБЫЛЛОВЧЕ
ООСВЛАЧАОНЛЕВБЫЛ
АЛОВЧЕБЫСЛОНАЛОВ
НЕЧАЛВОЛАБЫВОЛОС
АВАЛВЧЕЛОБЫСОЛОН
ОНВЫЛВЧАСЛБАООЛЕ
АЛОНОЕЛВЧАСВОБЛЫ**

Это стихотворение, наследующее традициям футуристических заумных стихов начала века, легко поддается чтению, проборматовыванию наличествующих фраз. Игра словами постепенно приобретает для реципиента особый смысл, ввиду наличия в данном тексте запрограммированных автором ассоциативных когезий. Первая фраза данного текста сразу отсылает адресата к Библии, к вопросу о происхождении всего сущего, автоматически включает его мысль в работу: он начинает внимательно вслушиваться (вглядываться) во фразы, каждая из которых по своему объему равна стихотворной строфе и является в данном тексте сложным синтаксическим целым. По ходу развития текста реципиент все больше запутывается, в финале же произведения – в сильной позиции текста – автор ставит и вовсе неприятную, наводящую тоску и уныние фразу: «Он выл в час лба о Оле, а лоно ел в час воблы». Только осознав в полном объеме весь континуум данного текста и представленную картину мира, адресат способен, подключив личностные ассоциативные связи, осознать глубинный смысл произведения. Текст этот сходен с речью какого-нибудь сектантского проповедника: отталкиваясь от слов Библии и оперируя, казалось бы, только предоставленными ей возможностями, оратор приходит к иным, заведомо ложным смыслам (некоторую общность заумной речи и речи одержимых, фанатиков, сектантов подчеркивает в своей работе И.Е. Васильев (Васильев 1999)).

Еще более графически и семантически выразительны поэтические опыты Александра Горнона.

Его заумные произведения нарушают все правила языковой коммуникации, отменяют все основные категории текста – целостность, связность, завершенность, логичность. Горнон вырабатывает свой, особый язык, призванный к созданию полисемантического текста. Ломанные строки поэта, состоящие из различных частей слов, при попытке их связного восприятия прихотливо выстраиваются в самые различные фразы, поддающиеся соответственно самым разным интерпретациям, зависящим от фоновых знаний реципиента. Попытки обнаружения некоего континуума в данном

тексте неизбежно приводят к своего рода шизофреническому состоянию. Разорванность сознания подчеркивается здесь и графической формой произведения, оставляющей впечатление полного разлома:

х х х

И пако стьям
где тих да в глад
про сто: Саш лнд
в от цы фер блат
на диком бре ге рой
вы сотку -
чтоб все вер шинами
на вод ку
на воз дух кислый
газо ват
звер юга
красен с холо дца
в лице
парадная свинца
на биссер пом па в
осанну
в день бат в злишках
по кар манну
и век сель по сле зелена

Возьмем отрывок данного произведения: «на диком бре ге рой вы сотку – чтоб все вер шинами на вод ку на воз дух кислый газо ват». Попытки декодирования данного отрывка могут быть бесконечными, так как любой «нелепо отрывающийся кусок звучания внезапно проявляет свою бытийственность – и сам стремится притянуть к себе смысл» (Шифрин 1991): на некоем диком берегу герою (обращенность к кото-

рому зашифрована в графемах двух других слов) предлагается вырыть что-то высокое (новое приращение смысла через семантически связанное со словом «рой» слово «сотка», вызывающее в памяти некие огородные работы), обращенное вершинами на север («чтоб все вер»), на воду (плюс приращение смысла отдыха от физической работы через лексему «водка»), на воздух кислый, с примесями газа, плотный, ватный (опять же зашифрованное возвращение к семе огородных работ – «на воз»). Можно предположить и использование героем в процессе данных работ машины (лексема «шинами»).

Таким образом, в данном отрывке есть как минимум два плана восприятия, обусловленные двумя присутствующими в тексте лексическими группами. Первый – романтический, связанный с лексикой «дикий брег», «герой», «высотка», «вершина», «воздух». Второй – приниженный, бытовой, навязываемый через лексику другой лексической группы: «сотка», «шины», «водка», «навоз», «дух кислый», «воздух» с газом, ватный. При наложении этих восприятий реципиент оказывается по меньшей мере в двойственной ситуации, так как первый и второй план восприятия оказываются не просто различными, а противоречащими друг другу. Приходится осуществлять попытку полисемантического восприятия текста. «В ситуации синтаксического выбора, при котором любое предпочтение оказывается ущербным, однобоким, восприятие ищет выход в многомерных допущениях» (Шифрин, 1991).

В чем-то сходны с построениями Горнона некоторые тексты Андрея Вознесенского:

Подобные графолексические рисунки так же полисемантически, но Вознесенский решает в них другую задачу: один смысл он дополняет другим, третьим, четвертым. Поэт преследует одну весьма прозрачную цель: показать взаимосвязь двух понятий, всего существа, кармическую укорененность одного в другом.

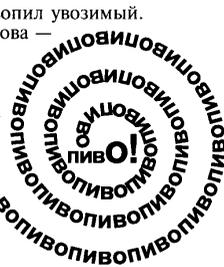
Андрей Вознесенский - поэт, превосходно чувствующий слово и его форму. Сплавы очень давно присутствуют в его поэзии, но особенно много их в сборнике «Casino “Россия”» 1997 года. Разглядывая видеомы этого поэта, каждый раз удивля-

графика

«Пушкин, спаси нас!» — вопил увозимый.
За Пушкиным виделись слова —
«Россия» и «казино».
На площади расходился
митинг.
Японцы фотографировали.

Толпотворенье!

вопи, толпа, вопи -

Снег таял,
таялтаялтаялтаялтаялтаял

Открываю вам сердце, неприступное, как скала —
скала — скаласкаласкаласкаласкаласкаласка.

Любовь — Ла Скала тела,

аскаласкаласкаласкаласкаласка

сердечко выскочило

улетело

в третью реальность

- других графических построений

Идеологическая борьба

БОРЕМБОРЕМБОРЕМБОРЕМБОРЕМ

Некоторые слова поэт прочитывает задом наперед:

ЛИТУРГИЯ ЛЕТ ЛЕТЕЛА НАД РОССИЕЙ

Колумбарий у
Кремлевской стены
крутил номера:
1860—1910, 1921—
1947...

На венке в
обратную сторону
прокручивалась, вос-
крешалась судьба мар-
шала

РУЛЕТКА. ЛЕТА. ЛОРЕЛЕЯ.

Некоторые дополняет рисунками:

Означаемое высказывания, т.е. смысл, не является простым сложением частных смыслов строевых компонентов предложения. Механизм связи формальных средств и содержащегося в них элемента смысла показан А. В. Бондарко в виде последовательной реализации цепочки зависимостей: форма единицы - ее семантическое содержание — единство формы и содержания—семантические функции—понятийные (функционально-семантические) категории—смысл конкретного высказывания. (1)

Основу смысла высказывания составляют предикативные функционально-семантические категории: модальность, темпоральность, персональность. Эти категории, в соответствии с их традиционным пониманием, связаны с логической оценкой содержания высказывания. Из комплекса смыслообразующих факторов на уровне предложения как единицы языка в первую очередь выделяется семантика предикативно достаточного минимума. Однако в структуру предложения мы, вслед за Т. П. Ломтевым, включаем и компоненты, необходимые для создания семантической завершенности предложения. Гак. усеченные структуры (к ним мы относим такие предложения, которые при неполно те структурной, будучи представленными изолированно, вне констиуации. обнаруживают и смысловую незавершенность, сопровождающуюся интонацией недоговоренности). используя лишь структурные схемы или словоформы полных предложений, выражают содержание, не вытекающее из логических отношений членов синтаксического ряда: "Изучение предложения в речевом аспекте, в условиях коммуникативного акта, показало, что оно может заключать в себе большее содержание, чем то, которое обусловлено значением его модели при определенном лексическом наполнении" (2). Это связано с тем, что в процессе формирования высказывания на семантику этого минимума (под влиянием контекста, речевой ситуации и в соответствии с интенцией субъекта указанной оценки говорящего) наслаиваются коннотативные значения, включающие событийные, логические и оценочные компоненты. Например, предложение "Быстро ты сходил за хлебом" соответствует схеме АОУ —N1 — V — N5. Лексическое наполнение будет поддерживать ту структуру, модель выражения, которая более рационально (понятно и образно) представляет семантику высказывания. Поэтому в речи нередко встречается и вариан этой модели: "Быстро ты..." с отсутствующим косвенным дополнением (при условии, что оба коммуниканта понимают ситуацию), соответствующий схеме АОУ - N1 - Говорящий выбирает более удобную, экспрессивную, хотя и менее лаконичную модель (назовем ее усеченной конструкцией, далее - УК). Однако она может функционировать в речи наравне с первой как единица языковой системы, т.к. для воспринимающего информацию восстановление "производящей" модели для понимания семантики не составит большого труда. "Смысловая полнота высказывания в этом случае выражена имплицитно и допускает мысленную экспликацию, возможности которой заложены на глубинном уровне его смысловой структуры..." (3).

Так, регулярно отмечается использование в речи УК с невербализованной предикативной частью сложного предложения, приводящее, на наш взгляд, к стандартизации, фразеологизации подобных структур. Всем известный шаблон: *Пока я*

дойду... (добегу, сяду на транспорт и т.д.) имеет единственное продолжение, которое подразумевается и поэтому редко озвучивается - *...то уже не успею*. Это оказывается возможным благодаря тонким отношениям между вербализованной и невербализованной частями, отчасти задающимся союзом. В таком случае содержание налицивающей части обогащается, т. к. она помимо своего эксплицитного содержания выражает содержание невербализованной части, которое является имплицитным, но актуальным для коммуникантов. Это имплицитное содержание и является речевым содержанием реализованных элементов предложения.

С целью обратить внимание на явление усечения, участвующее в выражении семантических различий, нами был проведен эксперимент. В качестве объекта исследования использовалась цитата из романа М. А. Шолохова “Тихий Дон”, являющаяся УК (и имеющая, таким образом, невербализованный компонент структуры):

- Тяжело с непривычки ездить верхом?
- Хорошо! Лучше, чем пешком. Вот только ноги...

Информантами были 2 доктора филологических наук, 4 преподавателя одной из ростовских школ, 4 учащихся старших классов (всего 10 человек). На вопросы они отвечали в устной форме в быстром темпе (степень определенности невербализованного значения в данном примере достаточно высокая: неназванный элемент находится в конце предикативной единицы). В результате получены следующие ответы:

- “болят” -5 чел.
- “растер” -2 чел.
- “не ходят” -2 чел.
- “стали отказывать” -1 чел.

Варианты ответов объединяют синонимические значения в единое поле (“болят”), что еще раз доказывает необязательность восстановления опущенной части УК - с коммуникативной точки зрения это излишне, поскольку ее приблизительная семантика улавливается и без вербализации достаточно четко. Иными словами, благодаря возможному многочисленным вариантам достраивания невербализованных компонентов предложения и различной степени определенности каждого из типов значений, можно сказать, что информативность усеченного высказывания с невербализованным смыслом значительно больше, чем у высказывания с конкретизированным смыслом.

В последнее время все чаще подчеркивается огромное эмоциональное воздействие на слушателя (читателя), которым обладает разбивка текста на теморематические компоненты. Особенно в художественной прозе, где важна живописность, плавность звучания, этому способствует нарастающая сила напряжения при переходе от одной части к другой. Взаимосвязь структуры предложения и структуры текста становится все очевиднее; смысл речевого целого создается на основе складывающихся смыслов составляющих его предикативных единиц. Понятно, что общая семантика текста при устном или письменном общении позволяет удерживать в памяти или восстанавливать отдельные элементы структуры, опускаемые в высказывании на основе ранее зафиксированных (или подсознательно ощущаемых)

структур. Здесь решающим фактором остается семантика контекста, а не чисто грамматические показатели. Так, не всегда удастся декодировать смысл конструкции типа “Всего тебя...”, если она представлена изолированно от контекстной связи. Она не имеет никакой коммуникативной значимости. Но если мы станем читать дальше роман М. А. Шолохова “Они сражались за Родину”, то перед нами представит следующая конструкция “Всему досталось”, и можно говорить о том, что в представленной УК сигнализируется позиция главного члена безличного предложения. УК актуализирует действие, направленное на указанное лицо; т.к. в нем само действие не обозначено, то выраженным оказывается “данное” (с точки зрения структурно-синтаксической названии лица, на которое оно направлено, - это название объекта определяющего). Поскольку определяемое в УК не названо, в ней нарушаются синтаксические отношения, и позиция прямого дополнения сигнализирует позицию определяемого. А определяемым и одновременно управляющим в данной УК может быть только позиция главного члена безличного предложения, замещенная личным глаголом в безличном выражении, что и задает смысл сочетанию предикативных единиц - “Всего тебя изранило”, хотя, как нередко бывает при попытке восстановления, “цельное” предложение проигрывает в звучности, семантике. Таким образом, только воспринимая целостно, а не через отдельные элементы, любой микротекст, мы получаем достаточную информацию для установления семантической определенности каждого предложения.

Языковая деятельность подразумевает обмен информацией между коммуникантами, подчиненный некой общей коммуникативной задаче. В рамках речевого акта задачей слушающего является адекватное восприятие передаваемой информации, а задачей говорящего - построение семантике-прагматического содержания оптимальным образом. Для достижения максимальной эффективности восприятия высказывания говорящему необходимо строить его так, чтобы слушающему было легче понять принципиально новую часть информации - смысл высказывания и интенцию говорящего. В механизме восприятия речи традиционно выделяется восприятие прямого, вербализованного, грамматически и интонационно оформленного смысла и восприятие дополнительных, переносных, имплицитных смыслов (подчеркнем, что они слабо проявляются в УК, обладающих однозначностью невербализованной части, например, фразеологизированных). Однако второе восприятие “доступно не каждому, до него надо дорасти, надо обладать не только широкими знаниями, чтобы понять скрытый смысл, но иметь развитое воображение, определенную смелость мысли. Без этого не понять прелести метафоры, не дойдет подчас убийственная ирония, не “сработает” аллюзия...” (4). Именно фигурами речи, столь характерными для разговорного синтаксиса, и может воспользоваться говорящий: они предполагают выбор более богатого с теоретико-информационной точки зрения типа выражения, выступающего как элемент организации текста более сложного типа, чем нейтральный. На основе уже упоминавшейся аллюзии (высказывания, содержащего скрытый намек) очень часто строятся УК.

- Любопытствуем, с чего ты к нам приехал? Ежели обратно по хлебозаготовкам...

- Насчет колхоза. (М. А. Шолохов “Тихий Дон”).

Налицо скрытая угроза: “если приехал по хлебозаготовкам, то проваливай”.

- Оно, видишь, какое дело, я попу своему давно говорю: “Вы, батюшка, коли хотите жеребчика подрезать, так вы...”

- Ты не мусоль! Жеребца надо подрезать, что ль? (М. А. Шолохов “Батраки”).

Пришедший к коновалу заводит разговор издали, говорит ему о том, какой совет он дал попу перед тем, как тому нужно было подрезать (кастрировать) жеребца, наводя на мысль о причине своего прихода. Такого рода фигуры - своеобразный способ коммуникативного намека. Еще одна фигура, имеющая широкое распространение, - апосиопезис. Она заключается в недоговоренности, вызванной стыдливостью, волнением говорящего, и обычно не восстанавливается или плохо восстанавливается.

- Нет ли у вас...гм!... Нет ли у вас...

- Вы хотите сказать, господин следователь, нет ли у меня каких-нибудь подозрений на кого?

- Нет, не то...

- Других свидетелей?

- Нет... Нет ли у вас водки, Александр Васильевич? (Д. Н. Мамин-Сибиряк “Сестры”). Очевидно, следователь не решается прямо попросить водки, он смущается, медлит, говорит намеками. Эти и многие другие фигуры речи можно рассматривать как средство увеличения “гибкости” языка, определяемой количеством способов передачи данного содержания, а в свете их организации УК - как средство выбора наиболее информативной, наиболее творческой формы реализации данной прагматической установки, т.е. речевую тактику говорящего.

Существует большая категория речевых актов, иллюкутивная цель которых присутствует имплицитно и выводится адресатом благодаря его коммуникативной компетенции.

- Ты вот чего... - досадливо перебил Крючков и полез в карман за потертым кошельком.

- Нет пива. (М. А. Шолохов “Тихий Дон”). С коммуникативной точки зрения любая УК - результат экспрессии.

- Языком не трепи! Коли длинный он у тебя - привяжи к зубам! А за агитацию... - не договорив, хлопнул ладонью по желтой кобуре, перекосившей пояс. (М. А. Шолохов “Чужая кровь”).

- Как не было амбара! - со вздохом проговорила Ильинична.

- Он и амбар-то был... - с живостью отозвался Пантелей Прокофьевич, но не кончил, махнул рукой. Пошел на гумно. (М. А. Шолохов “Тихий Дон”).

Такие предложения, как видно из приведенных примеров, нередко сопровождаются невербальными средствами коммуникации, зачастую выполняющими роль речевого “подкрепителя”, а иногда и полностью самостоятельными, заменяющими словесное выражение. Они используются для выражения внутреннего состояния говорящего и его отношения к адресату, задают контуры лексического наполнения,

однако в ряде случаев несут и семантическую нагрузку, придавая речи тот или иной оттенок и работая на актуализацию ремы.

Итак, неполнота смыслового содержания УК в условиях его речевого употребления - мнимая и относится только к составу лексических и синтаксических компонентов предложения. Намеренная прерванность или незавершенность мыслительного процесса в УК является основным средством реализации второго плана содержания, коммуникативным назначением конструкции. Если рассматривать предложение как единицу языка и речи (предложение-высказывание), то исследователь этой структуры-коммуниканта должен в первую очередь исходить из того, что перед ним сложное произведение устной или письменной речи, обладающее зачатую как прямым, так и скрытым смыслом, и чтобы вскрыть механизм его порождения, он должен из адресата перевоплотиться в адресанта с его интенцией и додумать ту речевую ситуацию, те фреймы и знания, мимику и контекст, которые спроецировали соответствующий тип высказывания, его лексику, морфологические формы и данный смысл.

Список литературы

1. Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. - Л., 1978.
2. Лисоченко Л. В. Об одном из аспектов семантики предложения в речи. - Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики (сборник обзоров). - М., 1984.
3. Гаврилова Г. Ф. Особенности формирования и функционирования синтаксических конструкций с элиминированными структурными компонентами. // Известия РГПУ, Выпуск 1. Филология. - Ростов н/Д, 1998.
4. Львов М. Р. Риторика. - М., 1995.

© Соловьева Е.Н., 2002

А.П. Чудинов
Екатеринбург

Политический нарратив и политический дискурс

В современной науке наиболее перспективные направления чаще всего возникают в зоне соприкосновения различных областей знания. Одним из таких направлений стала политическая лингвистика - новая для России наука, возникшая на пересечении лингвистики с политологией и учитывающая также достижения этнологии, социальной психологии и социологии. Необходимость возникновения и развития нового научного направления определяется возрастающим интересом общества к условиям и механизмам политической коммуникации.

Предмет исследования современной политической лингвистики - это политическая коммуникация, то есть речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе. Каждый человек, который хотя бы изредка читает газеты, включает радио или телевизор, становится адресатом политической коммуникации. Ко-

гда этот человек идет на выборы, он участвует в политической жизни и делает это не без влияния субъектов политической коммуникации. Главная функция политической коммуникации – борьба за политическую власть: политическая коммуникация призвана оказать прямое или косвенное влияние на распределение власти (путем выборов, назначений, создание общественного мнения и др.) и ее использование (принятие законов, издание указов, постановлений и др.). Политическая коммуникация отражает существующую политическую реальность, изменяется вместе с ней и участвует в ее создании и преобразовании.

Основная задача политической лингвистики – исследовать многообразные взаимоотношения между языком, коммуникацией, субъектами политической деятельности и политическим состоянием общества. Политическая коммуникация оказывает влияние на распределение и использование власти благодаря тому, что она служит средством воздействия на сознание принимающих политические решения людей (избирателей, депутатов, чиновников и др.). Политическая коммуникация не только передает информацию, но и оказывает эмоциональное воздействие, преобразует существующую в сознании человека политическую картину мира.

Важнейший постулат современной политической лингвистики – дискурсивный подход к изучению политических текстов, то есть исследование каждого конкретного текста с учетом социальной ситуации, в которой он создан, с учетом его соотношения с другими текстами, целевых установок, политических взглядов и личностных качеств автора, специфики восприятия этого текста различными людьми, а также той роли, который этот текст может играть в системе политических текстов и – шире - в политической жизни страны.

Среди направлений современного языкознания существуют такие, которые объединяются однотипностью методологии, в них существуют признаваемые большинством исследователей постулаты и принципы (к числу подобных направлений относятся, например, сравнительно-историческое языкознание, психолингвистика, когнитивная лингвистика). Совершенно иное положение сложилось в политической лингвистике: это направление объединяются прежде всего изучаемым материалом (политический язык, политические тексты, политический дискурс), а не единством теоретической базы, методологии и терминологии. Однако и здесь необходим некоторый понятийный и терминологический минимум, без которого невозможно хотя бы для минимальное взаимопонимание между специалистами и тем более систематическое изложение основ политической лингвистики. Именно поэтому в настоящем исследовании поставлена задача рассмотреть соотношение важных для политической лингвистики понятий "Политический нарратив" и "Политический дискурс".

1. Политический нарратив. Термин "нарратив" восходит к латинскому глаголу "narrare" - повествовать, рассказывать. Существует множество определений нарратива (Й.Брокмейер, Р.Барт, Дж.Валетский, Т.ван Дейк, Ж.Жаннет, У.Лабов, Ш.Линде, Дж.Принс, Л.Полани, Р.Харре, С.Чэтмен и др.). Как отмечают Й.Брокмайер и Р.Харре, "то, что уже получило в психологии и других гуманитарных науках название дискурсивного и нарративного поворота, должно рассматриваться

как часть более значительных тектонических сдвигов в культурологической архитектуре знания, сопровождающих кризис модернистской эпистемы" (Й.Брокмейер, Р.Харре 2000, с. 29). Для нашего исследования оптимальным оказалось определение, предложенное Дж.Принсом: нарратив - это "передача (как итога и процесса, объекта и акта, структуры и структурирования) одного или более реальных или же вымышленных событий, о которых рассказывают один, два или несколько (более или менее явных) повествователей одному, двум или же нескольким (более или менее явным) адресатам" (G.Prince, p.58). Легко заметить, что это определение "нарратива вообще", который может быть и художественным, и научным, и юридическим (например, при слушании дела в суде), и относящимся к другим видам дискурса. Например, теория художественного нарратива детально исследована К.А. Андреевой (1996, 1998), специфика научного нарратива охарактеризована в исследовании В.А.Суровцева и В.Н. Сырова. Для нас важнейший признак нарратива - это возможность существования в нем множества повествователей, каждый из которых ориентирован на свой круг адресатов и в зависимости от ситуации может использовать тексты различных жанров.

Важно подчеркнуть существенное отличие политических текстов от художественных. Для политического текста, как правило, нехарактерно существование нескольких повествователей, сложное соотношение образа автора и образа повествователя и соответственно выражение в пределах текста нескольких разнообразных точек зрения. Вместе с тем "информационный повод" и состав описываемых событий нередко совпадают во множестве указанных текстов, что позволяет рассматривать их как определенное содержательное единство.

Политический нарратив - это совокупность политических текстов разных жанров (листовка, лозунг, митинговая речь, партийная программа, аналитическая статья в газете, телеинтервью и др.), тематически сконцентрированных вокруг определенного политического события.

Данное определение близко к дефиниции, предложенной Е.И. Шейгал, которая рассматривала комплекс публицистических текстов, связанных с политическим скандалом (2000, с.297). Следует отметить, что для обозначения комплекса текстов, написанных различными авторами, ранее предлагались другие термины. Так, для обозначения комплекса художественных текстов, посвященных Великой Отечественной войне, предлагался термин "сверхтекст" (Н.А.Купина, Г.В.Битенская 1994); этот же термин использовался для обозначения совокупности современных политических лозунгов (Л.В.Енина 1999); содержание газетного номера предлагалось рассматривать как "текст текстов" (Э.А.Лазарева 1993). Для характеристики политического нарратива использовалось также и описательное выражение "комплекс текстов, связанных с конкретной политической ситуацией" (референдум, "путч", выборы и др.) (Ю.Б.Феденева 1998; А.П.Чудинов 2001). В исследовании Дж.Лакоффа проанализирован (без использования специального термина) комплекс американских политических текстов, посвященных войне в Персидском Заливе (G.Lakoff 1991).

Политический нарратив всегда существует в определенной политической ситуации и завершается вместе с изменением ситуации. В качестве примера политического нарратива можно привести комплексы разнообразных текстов, связанных с российскими президентскими выборами 2000 года или с кампанией за возбуждение процедуры импичмента президента Б.Н.Ельцина в 1999 году. Для политического нарратива характерны тематическое единство, общность основных "героев" (конкретных политиков, партий и др.), общая событийная канва (литературоведы называли бы ее сюжетом или фабулой), локализованность во времени (например, политический нарратив "Президентские выборы-2000 в России" начал свое существование незадолго до официального объявления о назначении выборов, а закончил - вскоре после избрания В.В.Путина) и пространстве (например, для региональных выборов - это регион, для федеральных - страна в целом). Очевидно, что пространственная и темпоральная локализованность нарратива не абсолютны: так, последние в XX веке российские президентские выборы обсуждали не только в России, и это обсуждение продолжается (преимущественно в научной литературе, в мемуарах) до сих пор, но это уже дальняя периферия рассматриваемого нарратива.

Важнейшие свойства политического нарратива - отражаемое им многоголоуе участие участников политической борьбы, множественность повествователей и соответственно разнообразие рациональных и эмоциональных оценок. Каждый из повествователей выделяет в своем тексте те или иные события и, возможно, оставляет за пределами своего внимания какие-то иные факты, по-своему структурирует соответствующую событийную канву, создавая тем самым в своих текстах оригинальную политическую картину мира. Каждый из составляющих нарратив текстов имеет те или иные интенции и ориентирован на определенную аудиторию.

Как подчеркивает Дж.Принс, нарратология "фокусирует внимание на возможных отношениях между сюжетом и нарративным текстом... Специально она исследует проблемы времени, модальности и позицию (голос) (G.Prince, p.65). Сюжет политического нарратива - это последовательность определенных фактов: например, назначение на март 2000 года выборов Президента Российской Федерации и некоторые предшествующие ему события (уход Б.Н.Ельцина с поста Президента России в последний день 1999 года и последующее исполнение В.В.Путиным обязанностей Президента), выдвижение кандидатов, агитационная кампания, голосование, подведение его итогов, их обсуждение в средствах массовой информации, на съездах и пленумах политических организаций и т.п.

Развитие политических событий отражается во множестве текстов, которые созданы кандидатами на пост Президента, членами их "команд" и политическими оппонентами, журналистами без ярко выраженной политической позиции или же поддерживающими одного из кандидатов, политическими аналитиками и др. Одни из этих текстов имеют большой общественный резонанс, на их основе возникают вторичные политические тексты (отклики, критические статьи и т.п.), а другие оказываются на периферии общественного внимания и поэтому малозаметны в составе нарратива.

Для каждого повествователя характерен свой "голос" - своя точка зрения, специфическая рациональная и эмоциональная оценка политических событий и отражающих их элементов нарратива (эта оценка способна развиваться вместе с событиями); существуют также коллективные "голоса" - официальные политические оценки, которые создаются от имени партии или иной организации и принимаются как официальные документы. Со временем та или иная оценка политических событий может стать по существу общенациональной - принятой большинством граждан государства (например, оценка политического события "Великая Отечественная война").

Определенные типы политических нарративов (например, отражающих парламентские выборы) имеют общие черты: в частности, замечено, что во время избирательной кампании особенно обостряются противоречия между партиями, тогда как парламентарии более толерантны к убеждениям коллег. Однако "нельзя войти дважды в одну и ту же воду" - каждый новый политический нарратив (например, российские парламентские выборы 1995 и 1999 гг. или российские и американские президентские выборы 2000 г.) имеет специфические признаки, отражающие специфику политической ситуации: состав "героев" и "повествователей", находящиеся в центре внимания проблемы, стратегия и тактика борьбы, типовые оценки тех или иных фактов и др.

Герои политических нарративов часто обрисовываются повествователями не столько как конкретные люди со своими идеями и характерами, сколько в виде неких условных образов, среди которых выделяются "ДОБЛЕСТНЫЕ ГЕРОИ" И "ЗЛОДЕИ", "НАРОДНЫЕ ЗАСТУПНИКИ" и "ХАРИЗМАТИЧЕСКИЕ ЛИДЕРЫ", "СВОИ" и "ЧУЖИЕ", "СПЕЦИАЛИСТЫ-ТЕХНОКРАТЫ" и "ПРОСТЫЕ ТРУЖЕНИКИ". В свое время В.Я.Пропп (1928) создал морфологию волшебной сказки, выделив в ней 31 семантическую функцию. По-видимому, определенное количество основных семантических функций можно выделить и для героев политического нарратива "выборы".

В современной теории текста важную роль играют текстовые категории - ведущие признаки, которые собственно и позволяют воспринимать текст как некоторое единство. К числу общепризнанных текстовых категорий относятся *целостность* (когерентность), *связность*, *законченность* и *модальность* (Л.Г.Бабенко, И.Р.Гальперин, А.А.Леонтьев, Э.А. Лазарева, Л.М.Майданова, Т.В.Матвеева, Т.М.Николаева, Е.А. Реферовская, Г.Я.Солганик и др.). Можно заметить, что все эти категории в той или иной мере присущи и нарративу, хотя очевидно, что нарратив (как и газетный номер, комплекс политических лозунгов или близких по теме произведений) это все-таки не текст в его классическом понимании.

2. Политический дискурс. В современной науке существует множество подходов к определению термина *дискурс*. Как показывает Патрик Серио (1999), во французской лингвистике термин *дискурс* может обозначать и речевую деятельность, и текст, и контекст, и высказывание в его взаимосвязях с коммуникативной ситуацией. Похожая ситуация существует и в российской науке: дискурс определяется как "текущая речевая деятельность в данной сфере" (М.Я.Дымарский 1998,

с.19), "творимый в речи связный текст" (В.П.Конечкая 1997, с.106), "завершенное коммуникативное событие, заключающееся во взаимодействии участников коммуникации посредством вербальных текстов и/или других знаковых комплексов в определенной ситуации и в определенных социокультурных условиях общения" (С.И.Виноградов 1996, с.139). Как показывают специальные обзоры (П.Б.Паршин 1999; Е.И.Шейгал 2000; А.П.Чудинов 2001 и др.), в современной науке не существует единого понимания и видového термина "политический дискурс".

Представляется, что нет необходимости использовать термин "дискурс" для обозначения понятий, за которыми в лингвистике уже давно закрепились другие устойчивые названия. Едва ли есть смысл называть дискурсом контекст (как фрагмент текста), текст, нарратив (а также какое-либо объединение текстов) или речевую деятельность.

Показательно, что представители ряда других научных школ вкладывают в термин "дискурс" более широкое содержание. Так, по определению Т.А.ван Дейка, дискурс - это сложное единство языковой формы, значения и действия, которое соответствует понятию "коммуникативное событие" (Дейк 1989, с.46). Преимущество такого подхода в том, что дискурс не ограничивается рамками собственно текста, а включает также социальный контекст коммуникации, характеризующий ее участников, процессы продуцирования и восприятия речи с учетом фоновых знаний. По словам Ю.Н.Караулова и В.В.Петрова, дискурс – это “сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста” (1989, с.8). По образному выражению Н.Д.Арутюновой, дискурс - это "речь, погруженная в жизнь" (1998, с.137). Политическая "жизнь", определяющая восприятие текста, максимально многообразна. Поэтому **в содержание политического дискурса должны быть включены все присутствующие в сознании говорящего (пишущего) и слушающего (читающего) компоненты, способные влиять на порождение и восприятие речи: другие тексты, содержание которых учитывается автором и адресатом данного текста, политические взгляды автора и его задачи при создании текста, политическая ситуация, в которой создается и "живет" данный текст.**

Изучение политического текста (или политического нарратива как комплекса текстов) в дискурсе - это прежде всего исследование степени воздействия на данный текст и на его восприятие адресатом разнообразных языковых, культурологических, социальных, экономических, политических, национальных и иных факторов. В том случае, когда речь идет о рассмотрении каких-либо элементов текста в политическом дискурсе, обычно имеется в виду специфика восприятия этих элементов в политической коммуникации. Например, прилагательные *красный*, *коричневый*, *розовый* и *зеленый* в современном российском политическом дискурсе обычно характеризуют политические убеждения человека, а не предпочитаемый им цвет, а поэтому читатель при знакомстве с политической статьей будет подготовлен к восприятию именно указанных выше значений прилагательных. В современных политических текстах *болезни* и *лекарства* будут скорее всего восприняты как социальные, *игры* и

спектакли - как политические, а *медвежата* и *соколы* - как члены определенных политических объединений. Ср.:

Как человек я не люблю Президента. Однако как футболист я играю с ним в одной команде (В.Новодворская); Парламентские выборы смертельно ранили НДР, выздоровление невозможно, и Виктору Черномырдину придется вместе с остатками своего "Дома" проситься на постой в берлогу (А.Спицын); Десять дней до выборов. Предвыборный спектакль - в полном разгаре. Продолжается действие, жанр которого трудно поддается определению: комедия, трагедия, драма, фарс, трагикомедия - все смешалось на сцене (Д.Никаноров); Медведи заламают коммунистов (Б.Грызлов).

В необходимых случаях выделяют специфику митингового или парламентского дискурса, регионального или федерального дискурса, фиксируют особенности дискурса конкретной избирательной кампании или определенного этапа развития политического языка. Например, во время российских парламентских выборов 1999 года всевозможные аллюзии, связанные с образами медведя, яблока и дома (*медвежьи услуги, козлапое правительство, яблочные депутаты, фруктовый запрос, домушники, домком, труба для "Нашего дома"* и т.п.), легко "расшифровывались" как относящиеся к соответствующей партии, тогда как человек, не знакомый с соответствующим дискурсом (например, давно уехавший из России и не интересующийся ее современной политической жизнью), едва ли в состоянии понять смысл подобной языковой игры.

Пройдет еще какое-то время, все меньше людей будут помнить политический нарратив "Российские федеральные выборы на рубеже XX и XXI веков" как часть соответствующего политического дискурса, и специалистам по истории нашего государства придется комментировать для школьников и студентов политические тексты, относящиеся к первым постсоветским десятилетиям.

Как известно, всего несколько десятилетий назад лингвистика текста выделилась из синтаксиса в самостоятельное научное направление, а сам текст был признан основной единицей коммуникации. Вполне возможно, что со временем в отечественной науке (с учетом глобальных тенденций) и нарратология выделится из лингвистики текста в особое научное направление, а его основной единицей будет признан нарратив. В зависимости от поставленной задачи нарратив (в том числе политический) может быть исследован и как относительно автономное явление и в составе соответствующего дискурса.

Список литературы

1. Андреева К.А. Грамматика и поэтика нарратива. Тюмень, 1996.
2. Андреева К.А. Грамматика и поэтика нарратива в русском и английском языках. Автореф. дис... докт. филол. наук. Екатеринбург, 1998.
3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1998.
4. Баранов А.Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом // Человек. 1997, № 6.

5. Брокмейер Й, Харре Р. нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии, 2000, № 3.
6. Виноградов С.И. Нормативный и культурно-прагматический аспекты культуры речи // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996.
7. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. - М., 1989.
8. Дымарский М.Я. Текст - дискурс - художественный текст // Текст как объект многоаспектного исследования. СПб.- Ставрополь, 1998.
9. Енина Л.В. Идеологическое содержание современных лозунгов протеста // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000.
10. Енина Л.В. Современные российские лозунги как свертхтекст. Автореф... дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 1999.
11. Караулов Ю.Н., Петров В.В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Дейк Т.А. ван. Язык, Познание. Коммуникация. - М., 1989.
12. Конечкая В.П. Социология коммуникации. М., 1997.
13. Купина Н.А., Битенская Г.В. Свертхтекст и его разновидности // Человек – Текст – Культура. Екатеринбург, 1994.
14. Лазарева Э.А. Системно-стилистические характеристики газеты. - Екатеринбург, 1993. - 166 с.
15. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990.
16. Паршин П.Б. Понятие идиополитического дискурса и методологические обоснования политической лингвистики.
17. Попова Е.А. О лингвистике нарратива // Филологические науки, 2001, № 4.
18. Пропп В.Я. Морфология сказки. Л., 1928.
19. Серио П. Русский язык и анализ советского политического дискурса // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М., 1999.
20. Суровцев В.А., Сыров В.Н. Метафора, нарратив и языковая игра: Еще раз о роли метафоры в научном познании <<http://siterium.trecom.tomsk.ru>>.
21. Феденева Ю.Б. Функции метафоры в политической речи // Художественный текст: структура, семантика, прагматика. Екатеринбург, 1997.
22. Феденева Ю.Б. Моделирующая функция метафоры в агитационно-политических текстах 90-х гг. XX века. Автореф. дис... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1998.
23. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург, 2001.
24. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.- Волгоград, 2000.
Chomsky N. Language and Politics. – Montreal and New York . 1988.
25. Lakoff G. Metaphor and war: The metaphor system used to justify War in the Galf // D.Yallet (ed.). Engulfed in War: Just War and the Persian Gulf. Honolulu, 1991.
26. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago, 1980.
27. Prince G. A Dictionary of Narratology. London, 1988.
- Watts D. Political Communication Today. – Manchester and New York. 1997.

© Чудинов А.П., 2002

В последние десятилетия в отечественной лингвистике активное развитие получило новое направление, связанное с созданием идеографической грамматики современного русского языка — грамматики, принципиально ориентированной на активные виды речевой деятельности, на продуцирование слова, предложения и текста. В настоящей работе речевая деятельность понимается в духе концепции Л.В.Щербы — как один из аспектов языка, совокупность актов говорения либо письма, с одной стороны, и понимания текста, с другой. В качестве активных видов речевой деятельности рассматриваются говорение и написание (в зависимости от формы речи — устной или письменной), противопоставленные соответственно аудированию и чтению — пассивным видам речевой деятельности.

Идеографическая грамматика предполагает движение мысли говорящего (а также исследователя) от значения (плана содержания) языковой единицы к ее формальной организации (плану выражения), к внешней, формальной репрезентации этого значения; тогда как традиционный, структурно-семантический, подход предусматривает, наоборот, переход от формы единицы к ее значению. В рамках деривационного компонента идеографической (активной) грамматики разрабатываются алгоритмы словообразовательного синтеза, направленные на “сборку”, синтезирование из значимых частей (морфов) производного слова, заранее не известного говорящему, на образование нового слова от имеющегося по заданному семантическому различию. В этом заключается отличие от предполагаемого грамматической традицией “разложения” слова на части и выяснения его деривационной истории (как и от чего оно образовано), причем в последнем случае говорящему одновременно известны и производящее, и производное. Тем самым словообразовательный синтез ориентирован на решение реально существующих практических задач коммуникации и обработки текста. Такой подход, предполагающий обсуждаемое “переворачивание проблемной ситуации” (А.К.Сухотин), практически особенно значим в двух аспектах: в плане преподавания русского языка иноговорящим, а также для автоматической обработки русских текстов. В указанных сферах прикладной русистики ценится использование возможно меньшего количества единиц и правил оперирования с этими единицами. В этом отношении словообразовательный синтез демонстрирует весьма широкие возможности.

Особый интерес в аспекте словообразовательного синтеза (перспективного словообразования) представляет грамматический феномен синтаксической деривации в современном русском языке. Задача трансформации исходных глагола или прилагательного в отвлеченное существительное возникает перед говорящим весьма нередко. Ее решение позволяет максимально точно выражать мысль и существенно упрощать синтаксическую организацию предложения и текста в целом. Достаточно высокая регулярность образования синтаксических дериватов, в особенности отгла-

гольных, делает вполне возможным и практически оправданным именно их синтезирование в соответствии с определенными алгоритмами, подобно морфологическому синтезу — “порождению из словарной словоформы всех остальных словоформ” с заданными “семантическими и сочетательными свойствами” (Милославский, 1981, 12). “...Нельзя не отметить, — пишет Е.С.Кубрякова, — что, по-видимому, появление синтаксических дериватов можно предсказать в современных развитых языках с большей уверенностью, чем существование каких-либо пластов лексических дериватов” (Кубрякова, 1978, 79). Однако синтаксическая деривация представляет собой внутренне весьма неоднородный, формально и содержательно очень сложный, “многоликий” и “многослойный” объект грамматического описания и моделирования.

Изучению семантических отношений между деривационно связанными словами в отечественной и зарубежной лингвистике последних десятилетий уделялось значительное внимание. Еще в тридцатых годах XX века выдающийся польский лингвист Ежи Курилович выделил два общих типа семантических отношений: синтаксическую деривацию и лексическую деривацию (Курилович, 1962). Е.Курилович принципиально разграничивает эти сферы деривации как словообразовательные феномены, один из которых (лексическая деривация) предполагает преобразование лексического значения производящего слова (*читать* → *читатель, читальня; белый* → *белок, беляк*), а другой (синтаксическая деривация) связан лишь с преобразованием синтаксической функции производящего вследствие изменения его частеречной принадлежности (*читать* → *чтение; белый* → *белизна*). Все выделяемые современной наукой словообразовательные типы распределяются по этим двум рубрикам деривации.

М. Докулил предложил разграничивать три группы словообразовательных значений и, соответственно, словообразовательных типов: транспозиционные, модификационные и немодификационные (мутационные, или классифицирующие) (Dokulil, 1962). Транспозиционные словообразовательные значения являются наиболее общими и выражаются в результате транспозиции, т.е. перевода слова из одного частеречного поля в другое. Транспозиционное значение — это категориальное значение той части речи, в которую транспонируется дериват (‘предметность’, ‘признаковость’, ‘процессуальность’). Модификационные и мутационные значения являются более конкретными. В соответствии с этим к транспозиции относится вся сфера синтаксической деривации (по Куриловичу), сущность которой как раз и состоит в переводе лексического значения производящего в иную частеречную рубрику. Вместе с тем понятие транспозиции принципиально шире понятия синтаксической деривации: оно охватывает и сферу лексической деривации, в рамках которой есть как транспозиционные, так и нетранспозиционные словообразовательные типы. Все преобразования, относящиеся к области лексической деривации модификационного типа, являются нетранспозиционными (*студент* → *студентка, офицер* → *офицерство, говорить* → *поговорить, свистеть* → *свистнуть, злой* → *злющий, бледный* → *бледноватый*); среди преобразований мутационного типа имеются и нетранспозиционные (*книга* → *книжник, барабан* → *барабанищик, писать* → *впи-*

ать), и транспозиционные (*преподавать* → *преподаватель*, *соль* → *солить*, *умный* → *умник*, *умница*, *умнеть*). Фактически у М.Докулила в рамках многомерной оппозиции словообразовательных типов представлены два бинарных противопоставления, проводимых по разным основаниям: 1) словообразовательные типы транспозиционные и нетранспозиционные (основание — совпадение/несовпадение частеречной принадлежности производного и производящего); 2) словообразовательные типы модификационные и мутационные (основание — характер преобразования лексической семантики производящего в производном).

Позднее, в “Русской грамматике - 80”, классификация М.Докулила была дополнена еще одним типом словообразовательного значения — соединительным значением.

Деление словообразовательных типов на транспозиционные и нетранспозиционные универсально для системы русского словообразования. Наряду с выделением сфер синтаксической и лексической деривации рассматриваемая типология отражает сущность системных семантических отношений единиц словообразовательного уровня языка. Результаты обеих классификаций определенным образом соотносятся между собой, хотя границы выделяемых по принципиально различным основаниям рубрик, естественно, не совпадают.

На основе рассматриваемых теорий строятся более поздние классификации содержательных отношений между производными и производящими единицами (В.А.Белашапкина, Е.А.Земская, И.Г.Милославский, Г.А. Пастушенков, И.С.Улуханов и др.). Так, И.С.Улуханов, опираясь на идеи М. Докулила и Русской грамматики - 80, выделяет четыре типа производных слов, различающихся по характеру деривационного значения: “Слова с модификационными словообразовательными значениями содержат в своем значении, помимо значения мотивирующего слова, дополнительный модифицирующий признак... Слова с транспозиционными словообразовательными значениями тождественны во всех компонентах своего значения со значением мотивирующего слова, за исключением значения части речи... Слова с мутационными словообразовательными значениями называют субстанцию, признак, действие, полностью отличные от того, что названо мотивирующим словом... Слова с соединительным словообразовательным значением — это слова, значение которых сводится “к объединению значений ... мотивирующих основ в одно целостное сложное значение” (Рус. гр., 1980, с. 139)... Соединительное словообразовательное значение аналогично лексическому значению соединительных союзов” (Улуханов, 1996, 149).

И. Г. Милославский принципиально разграничивает три типа семантических отношений между членами словообразовательной пары:

- 1) лексико-семантическое тождество производного и производящего при грамматическом различии между ними — синтаксическая деривация;
- 2) обозначение производным и производящим одного и того же феномена объективной действительности с некоторой дополнительной характеристикой (производное) и без нее (производящее) — лексическая деривация модификационного типа;

3) обозначение производным и производящим совершенно разных феноменов объективной действительности — лексическая деривация мутационного типа (Мило-славский, 1989, 33-39).

В. А. Белошапкина выделяет две разновидности деривационных отношений: “1) отношения модификационного типа, которыми производящая и производная основы связаны в том случае, если при словообразовании не происходит перехода из одной части речи в другую: *стул* → *стульчик*; *учитель* → *учительница*; *корова* → *коровник*; *веселый* → *веселенький*, *развеселый*; *идти* → *пойти*, *перейти*, *зайти*; 2) отношения транспозитивного типа, которыми производящая и производная основы связаны в том случае, когда словообразование сопровождается переходом из одной части речи в другую: *лес* → *лесной*; *выходить* → *выход*; *белый* → *белизна*, *белок*; *сапожник* → *сапожничать*” (Белошапкина, 1997, 762). Примечательно, что В.А.Белошапкина считает данную типологию актуальной для деривационных отношений, представленных на различных уровнях языка, т.е. общей, универсальной для всей деривационной системы языка. В.А.Белошапкина выявляет изоморфность характера деривационных связей единиц в словообразовании и в синтаксисе. В рамках деривационного синтаксиса В.А.Белошапкина противопоставляет деривационные отношения между собственно структурной схемой предложения и ее регулярными реализациями, с одной стороны, и между принципиально разными структурными схемами, с другой. В.А.Белошапкина убедительно показывает, что “внутрисхемные деривационные отношения имеют характер модификационный, а межсхемные — транспозитивный” (Там же, 763).

В концепции Г.А. Пастушенкова различаются четыре типа семантических отношений: отношения транспозиции, эквивалентности, модификации и мотивации (в узком понимании термина). Отношения транспозиции предполагают изменение категориально-грамматического значения при сохранении лексического значения производящего в производном; отношения модификации — осложнение лексического значения производящего в производном некоторой дополнительной семантической характеристикой; отношения эквивалентности — семантическую равноценность, тождественность производного и производящего; отношения мотивации (в узком смысле) — выведение различными способами значения производного из значения производящего (см.: Пастушенков, 1977). Названные типы имеет смысл попарно объединить в две группы: отношения транспозиции и отношения эквивалентности, с одной стороны; отношения модификации и отношения мотивации, с другой. Для семантических отношений первой группы характерно полное сохранение лексической семантики производящего в производном: лексические компоненты значений членов словообразовательной пары тождественны. При отношениях транспозиции меняется общекатегориальный компонент (синтаксическая деривация), при отношениях эквивалентности — стилистическая характеристика (аббревиация, усечение, универбация). При аббревиации часто производное отличается от производящего стилистической окраской книжности, при усечении и универбации (семантической конденсации) — окраской разговорности. Семантические отношения второй группы предполагают различные изменения лексического компонента

значения производящего: отношения модификации характерны для лексической деривации модификационного типа, отношения мотивации — для лексической деривации мутационного типа.

Синтаксическая деривация представляет собой специфический тип семантических отношений между производным и производящим, основанный на функциональной (межкатегориальной, частеречной) транспозиции. Шарль Балли, основоположник теории транспозиции, определял транспозицию вообще как изменение грамматического значения знака, обуславливающее выполнение им новой функции, при полном или частичном сохранении семантического содержания (Балли, 1955). Транспозиция в широком понимании — это использование формы одной языковой единицы в функции (значении) другой языковой единицы. Под транспозицией в узком смысле понимается перевод слова или его основы из одной частеречной рубрики в другую. Транспозиция в узком понимании играет чрезвычайно важную роль в системе словообразования. Именно наличие или отсутствие транспозиции в актах словопроизводства побудило Е.Куриловича ввести фундаментальное деление всех словообразовательных типов на сферы лексической и синтаксической деривации. Дж.У.Марчанд вообще включил понятие транспозиции в определение словообразования: “О деривации можно говорить лишь тогда, когда слово меняет свою классную принадлежность или же свою принадлежность к определенному лексическому разряду слов” (цит. по: Кубрякова, 1974а, 64). В последние десятилетия в отечественном языкознании феномен транспозиции на словообразовательном уровне является предметом глубокого и всестороннего изучения (работы В.Г.Гака, Е.А.Земской, Е.С.Кубряковой, В.В.Лопатина, В.М.Никитевича, Л.В.Сахарного, П.А.Соболевой, И.С.Улуханова и др.). И.С.Улуханов выделяет два вида транспозиции в современном русском языке: прямую транспозицию и конверсивную транспозицию. В случае прямой транспозиции “члены транспозиционных пар должны означать “одно и то же”, одну и ту же реалию (действие или признак), по-разному в языке грамматически интерпретированную (представленную). Речь может идти именно о действиях и признаках, ибо русский язык располагает средствами образования слов только со значением действия и признака от слов с этими же значениями, но относящимися к иной части речи. ... Поэтому ... к транспозиции мы относим отношения между действиями и между признаками: 1) “действие — действие”: глагол — *nomina actionis* (*читать — чтение*); 2) “признак — признак”: прилагательное — отадъективное название качества (*белый — белизна*); 3) “признак — признак”: прилагательное — наречие (*быстрый — быстро*)” (Улуханов, 1996, 150). Именно сфера прямой транспозиции у И.С.Улуханова соответствует отношениям синтаксической деривации в русском языке. Конверсивная транспозиция представлена в словообразовательных парах, характеризующихся мотивационными отношениями, противоположными, “обратными” вышеназванным. В этих парах “мотивирующими являются существительные — названия действий и качеств или наречия, а мотивированными — глаголы или прилагательные: *аврал — авралить, ремонт — ремонтировать; невежество — невежественный; вчера — вчерашний*” (Там же, 151).

Разрабатывая понятие транспозиции применительно к русскому словообразованию, Е.С.Кубрякова пишет: “Переводом из одного грамматического разряда в другой — транспозицией и сменой парадигм — достигается создание такого наименования, семантическую структуру которого можно предсказать, причем предсказать как потому, что новое наименование получает в этом акте новые желаемые **общекатегориальные грамматические** характеристики (процессуальность, предметность, атрибутивность и пр.), так и потому, что новое наименование может получить в ходе указанного процесса новые желаемые **лексические** характеристики” (Кубрякова, 1974а, 64).

Отношения синтаксической деривации в русском языке полностью укладываются в рамки данного понимания транспозиции, охватывающего и многочисленные случаи сдвига в значении транспонируемого (так наз. семантическая транспозиция). “...Сущность синтаксической деривации и состоит в переводе производного в иную часть речи по сравнению с производящим, — подчеркивает Е.А.Земская. <...> Значение производящего переводится из одной части речи в другую; при этом производное получает новое категориально-грамматическое значение, но сохраняет то же лексическое значение...” (Земская, 1997, 352, 362). Характеризуя синтаксическую деривацию как один из видов отношений транспозиции, Е.С.Кубрякова замечает: “Отсутствие нового лексического значения в особенно четкой форме выступает при словообразовании, связанном с транспозицией, и это побуждало многих лингвистов противопоставлять деривацию лексическую и деривацию синтаксическую...” (Кубрякова, 1974б, 220).

Семантическая специфика отношений синтаксической деривации, по словам Ю.Д.Апресяна, определяется тем фактом, что “при синтаксической деривации производное слово отличается от производящего не своим лексическим значением, а только своими синтаксическими свой-ствами” (Апресян, 1995, 164). Аналогичное определение рассматриваемого словообразовательного феномена дает И.Г.Милославский: “При синтаксической деривации производящее и производное отличаются друг от друга исключительно принадлежностью к разным частям речи, никаких семантических (имеется в виду лексическая семантика. — *Д.Ш.*) различий между производным и производящим нет” (Милославский, 1989, 33).

Таким образом, синтаксическая деривация представляет собой частный случай функциональной транспозиции и особую модель семантического варьирования языковых единиц. Лексический элемент значения мотивирующей единицы, вне зависимости от его внутренней организации, от степени его сложности, переносится (транспонируется) из одного частеречного поля в другое и сам при этом принципиально (но, строго говоря, не совершенно!) не затрагивается. Тождество основных его семантических характеристик не нарушается. Одна и та же (в общем) лексическая семантика в исходном и в производном словах сочетается с разными категориально-грамматическими значениями, т.е. принципиально по-разному оформляется грамматически. Следовательно, в качестве семантического различия между производным и производящим (семантического отношения производного к производящему) в случае синтаксической деривации всегда выступает категориально-

грамматический (общекатегориальный, частеречный, классифицирующий, “первичный”) компонент значения. Таким образом, этот семантический компонент составляет словообразовательное значение синтаксических дериватов.

Характеризуя механизм транспозиции рассматриваемого типа, Е.С.Кубрякова выделяет ее главную особенность: “...В ходе транспозиции лексическое значение исходной единицы остается прежним, зато все ее грамматические значения перераспределяются. Транспозиция из одной части речи в другую в простейших случаях и может быть представлена как редистрибуция основы с преобразованиями некоторых из ее категориальных значений. <...> Главное в транспозиции этого типа — изменение синтаксической функции транспонированного знака по сравнению с исходной единицей” (Кубрякова, 1978, 69-70).

В отношении состава области синтаксической деривации в русском словообразовании среди исследователей нет единства (см. об этом, например: Земская, 1973, 185-191; Милославский, 1980, 139-140; 1989, 34). Чаще всего к сфере синтаксической деривации в современном русском языке относят транспозиционные преобразования четырех видов: 1) “глагол → существительное”: *бежать* → *бег*; *искать* → *поиск*; *изучать* → *изучение*; 2) “прилагательное → существительное”: *синий* → *синева*; *хитрый* → *хитрость*; *популярный* → *популярность*; 3) “прилагательное → наречие”: *громкий* → *громко*; *веселый* → *весело*; *дружеский* → *по-дружески*; 4) “существительное → прилагательное”: *город* → *городской*; *язык* → *языковой*; *ананас* → *ананасовый*. Так, по мнению Ю.Д.Апресяна, “к числу синтаксических производных в собственном смысле слова относятся отглагольные имена действия или состояния и отадективные имена признака, относительные прилагательные, некоторые типы отадективных наречий и др. Со всеми ними возможны равнозначные преобразования” (Апресян, 1995, 164). Во всяком случае, не вызывает принципиальных возражений и споров выделение **субстантивной синтаксической деривации**, чрезвычайно широко представленной в современном русском языке. Речь идет об образовании отвлеченных существительных от глаголов и прилагательных: *читать* → *чтение*; *рисовать* → *рисование*; *преподавать* → *преподавание*; *переписывать* → *переписывание*; *бороться* → *борьба*; *продавать* → *продажа*; *отсеивать* → *отсев*; *принимать* → *прием* и т.п. (отглагольная синтаксическая деривация); *белый* → *белизна*; *черный* → *чернота*; *свежий* → *свежесть*; *аккуратный* → *аккуратность*; *известный* → *известность*; *разнообразный* → *разнообразие* и т.п. (отадективная синтаксическая деривация). В содержательном отношении отглагольную и отадективную синтаксическую деривацию объединяет, в частности, тот факт, что в качестве производящей базы в том и в другом случаях выступают единицы признаковой лексики — слова, обозначающие различные процессуальные и непроцессуальные признаки. Примечательно, что М.Н.Петерсон определял процесс как “признак, протяженный во времени”. Именно признаковый частеречный семантический характер глагола и прилагательного создает предпосылки для их принципиального участия в актах синтаксической деривации, поскольку признак в принципе может быть отвлечен от его носителя или производителя и представлен в языке

как таковой, в “изолированном” виде, при помощи отвлеченного существительного. На наш взгляд, обсуждаемая область функциональной транспозиции — субстантивная синтаксическая деривация — в коммуникативной грамматике представляет наибольший научный интерес.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка // Избранные труды. М., 1995. Т. 1.
2. Балли Шарль. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
3. Белошапкова В.А. Синтаксис // Современный русский язык / под ред. В.А. Белошапковой. М., 1997
4. Земская Е.А. Словообразование // Современный русский язык / Под ред. В.А.Белошапковой. М., 1997.
5. Земская Е.А. Современный русский язык: Словообразование. М., 1973.
6. Кубрякова Е.С. Деривация, транспозиция, конверсия // Вопр. языкознания. 1974а. № 5.
7. Кубрякова Е.С. Основы морфологического анализа. М., 1974б.
8. Кубрякова Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении. М., 1978.
9. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая (1936) // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.
10. Милославский И.Г. Вопросы словообразовательного синтеза. М., 1980.
11. Милославский И.Г. Морфологические категории современного русского языка. М., 1981.
12. Милославский И.Г. Словообразование // Современный русский язык. Теоретический курс / Под ред. В.В.Иванова. М., 1989.
13. Пастушенков Г.А. Структура слова (единицы структурно-семантического плана). Калинин, 1977.
14. Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996.
15. Dokulil M. Tvorení slov v češtině. Praha, 1962. Т. 1. Teorie odvozování slov.

© Шарафутдинов Д.Р., 2002